№ 1

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

1969

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

А. И. Горшков. «Письма из Франции» Фонвизина 3
М. М. Гиршман. Три «чудных мгновенья» 11
Т. С. Глебова. Фронтовые блокноты К. Симонова 19
М. С. Альтман. О названиях художественных произведений 25
Л. М. Грановская. Наименования цвета в русском языке XVIII—XIX веков 30

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Г. В. Комякова. «Ию нана си знáют» 34
Т. С. Коготкова. Ошибки в произношении иностранных слов 39
В. П. Петушков. Стилистические синонимы 41
В. И. Максимов. Загадка суффикса *-ин-а* 45
В. И. Чернов. Он был весёлый человек... весёлым человеком 49
Г. А. Золотова. Предлог со стороны 52

УДАРЕНИЕ

В. Л. Воронцова. Ваятель 55

ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ

Г. А. Качевская. Домишко, амбаришко 58
Э. М. Тулапина. Инфинитивные предложения с было/будет 62
А. И. Моисеев. Проскачу и проскочу 68

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

А. А. Брагина. Точки: две и... три. 72

СПОР О РУССКИХ ИМЕНАХ

А. В. Суслова. Сколько имен у малышей? Какие они? 79
В. А. Никонов. Иван и Винегрет 80

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. В. Чурмаева. Почему остроумный? 85
А. С. Львов. Впопыхах. Грозный. Кропотливый 87
Э. М. Мурзаев. Названия географических зон 90
Г. П. Смолицкая. Речки-деревья 94

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. А. Леонтьев. Психолингвистика 99

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. А. Князевская. Древнейшая книга для чтения 105

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Экзаменатор говорит начистоту 108
А. К. Панфилов. Тема сочинения 111

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь начинающего филолога 115

ЗА РУБЕЖОМ

В. Н. Виноградова. Vie et langage 118

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» 120

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ Д. И. ФОНВИЗИНА

При имени Фонвизина мы тотчас вспоминаем его знаменитые комедии «Бригадир» и «Недоросль». Однако Д. И. Фонвизин был не только автором комедий, но и блестящим публицистом, а также автором интереснейших писем. Среди эпистолярного наследия сатирика особое место занимают письма из заграничного путешествия 1777—1778 годов, получившие название «Писем из Франции».

Фонвизин с присущей ему острой наблюдательностью, сатирической смелостью, веселой иронией, а иногда и с едким сарказмом показал в них политическую ситуацию, быт, нравы, культуру и искусство предреволюционной Франции. Фонвизин критикует не Францию просветителей. Автор «Бригадира» и здесь словно вступает в спор с теми представлениями, которые бытовали среди русских дворян-галломанов. В. Г. Белинский писал, что «Письма из Франции» «по своему содержанию несравненно дельнее и важнее „Писем русского путешественника“ [Н. М. Карамзина]: читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником» (Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1955, стр. 119).

Уже первые исследователи творчества Фонвизина (П. А. Вяземский, Я. К. Грот) уделили «Письмам из Франции» немалое внимание, хотя считали их частными, не предназначавшимися для широкого круга читателей. По мнению современных исследователей, «Письма из Франции» — яркое и значительное литературное произведение (К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954; Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. М.— Л., 1961). С лингвистической точ-

ки зрения оно интересно прежде всего как памятник сложной и важной эпохи в истории русского литературного языка.

Во второй половине XVIII века происходило разрушение литературно-языковой системы, связанной с классицизмом и опиравшейся на учение о трех стилях литературного языка — «высоком», «среднем» («посредственном») и «низком» («простом»). На определенном историческом этапе это учение сыграло положительную роль: оно ограничивало употребление некогда очень распространенных в русском литературном языке славянизмов, закрепляя их за «высоким» стилем, а наиболее архаичные отвергая вовсе; открывало доступ в литературный язык народно-разговорным и просторечным словам, правда, ограничивая их употребление «низким» стилем; способствовало борьбе с неоправданными заимствованиями, проникавшими в русский язык в начале XVIII века.

Начиная с 70—80-х годов XVIII века особенно мощно стала проявляться тенденция к становлению единых общенациональных норм литературного языка. Учение о трех стилях не решало задачи выработки единых норм, оно, наоборот, предусматривало расслоение литературного языка. Стилистические богатства русского языка, накопленные веками, оказывались разобщенными, разделенными между различными стилями. Это обедняло литературный язык, особенно «средний» стиль, в который славянизмы и просторечие допускались в очень ограниченном количестве, а их сочетание запрещалось вовсе. Между тем становление нового литературного языка происходило путем слияния старинного книжного языка («славенского», как его называли в то время) и языка повседневного, разговорного («простого российского») при безусловно ведущей роли последнего.

Таким образом, во второй половине XVIII века очень остро стояли проблемы отбора и употребления лексики и фразеологии (особенно славянизмов, просторечия и заимствований), а также усовершенствования грамматического строя (особенно синтаксиса). Эти проблемы были разрешены лишь в творчестве А. С. Пушкина, но и писателями допушкинского времени было сделано немало для преобразования русского литературного языка на новой основе. Н. М. Карамзин и его последователи стремились усовершенствовать русский литературный язык в соответствии с эстетическими принципами сентиментализма, опираясь при этом на разговорный язык «хорошего общества». Заслуги Карамзина несомненны, однако нельзя преуменьшать и значения демократической просветительской прозы Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева. Эти писатели шли иным путем, чем Карамзин, они развивали литературный язык на самой широкой демократической основе.

Язык «Писем из Франции» с большой яркостью и полнотой отражает характерные черты языка русской демократической прозы второй половины XVIII века, а также наиболее типичные черты индивидуального фонвизинского стиля.

Часть «Писем из Франции» адресована родным, часть — графу П. И. Панину. Хотя в основном язык тех и других писем сходен, имеются, естественно, и различия: письма к родным отличаются большей разговорностью, непринужденностью, в письмах к Панину порой есть книжный оттенок, некоторые черты официально-деловой манеры выражения.

В «Письмах из Франции» широко представлена народно-разговорная лексика и фразеология, особенно те ее группы, которые лишены резкой экспрессивности и близки к «нейтральному» слою. Но в письмах к родным немало и просторечных слов и выражений. Для иллюстрации приведем небольшой отрывок:

Сравнивая вас, друзей наших, и всех знакомых наших, находим, что здесь месяца два-три прожить очень хорошо, а там дома — лучше. Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, друг мой сестрица, какие здесь невежды. Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению здешняя земля полнехонька невеждами.

[Здесь и далее все цитаты из «Писем» даны по изданию: Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.— Л., 1959.]

Просторечия в письмах к Панину, естественно, употребляются более осторожно, но и здесь можно привести весьма выразительные примеры (куча нищих провожала всегда мою карету; нечистота в городе такая, какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно; ходить, переваливаясь, разинув рот и т. п.).

Народно-разговорная лексика и фразеология в «Письмах из Франции» тщательно отобрана: за единичными исключениями (ошибла нас мерзкая вонь; ни уха ни рыла; остервенился) мы не встретим здесь выражений нарочито грубых, вульгарных или связанных с диалектной средой, «простонародных». Показательно, что большинство использованных Фонвизиным разговорных и даже просторечных слов и выражений осталось в литературном языке, и с тем или иным специальным стилистическим «заданием», а нередко и просто наряду с «нейтральным» лексико-фразеологическим материалом эти выражения широко использовались в литературе более позднего времени.

Тщательный отбор народно-разговорной лексики и фразеологии теснейшим образом связан с изменением стилистических функций этого лексико-фразеологического слоя в литературном языке. В «Письмах из Франции» просторечие из средства характерологического, то есть являющегося только приметой «низкого» стиля или принадлежностью языка отрицательного персонажа, превращается в средство выразительное. Оно употребляется и в повествовании, и в описании, и в рассуждении (даже на «важную тему»), когда требуется особо выделить (чаще всего с иронической или отрицательной экспрессией) ту или иную ситуацию, черту характера, особенность поведения и т. п.

Славянизмы так же, как и народно-разговорная лексика, представлены и в письмах к родным и к Панину (но с некоторым преобладанием в последних); они довольно строго отобраны, и их роль в языке «Писем» далеко не полностью совпадает с той ролью, которая отводилась им учением о трех стилях.

Славянизмы у Фонвизина, как правило, не служат средством «возвышаться к важному великолепию» (Ломоносов) и вопреки предписаниям теории трех стилей довольно свободно сочетаются с «нейтральными» и разговорными, а нередко и с просторечными элементами, утрачивают в значительной степени свою «высокую» окраску, «нейтрализуются» и выступают уже не как специфическая примета «высокого» стиля, а просто как элемент книжного, литературного языка. Например:

«Разговаривая с ними, между прочим, о белье, опровергал я их заключение»; «Прибытие Волтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы сошествие какого-нибудь божества на землю»; «Возмечтание их о своем разуме дошло до такой глупости...».

Известно, что некоторые славянизмы до сих пор сохранили в русском литературном языке особый оттенок торжественности, «возвышенности». Поэтому вполне естественно, что такие славянизмы — точнее, такого рода их употребление — мы найдем и в «Письмах из Франции», но значительно реже, чем рассмотренные выше. Такое стилистически подчеркнутое употребление славянизмов хотя и восходило к очень давней традиции, на новых путях развития русского литературного языка приобретало новое качественное значение. По мере того, как часть славянизмов ассимилировалась «общим употреблением», другая, сохраняя оттенок торжественности, возвышенности, делалась одним из выразительных средств литературного языка. В этом отношении судьба славянизмов аналогична судьбе просторечия в русском литературном языке второй половины XVIII и начала XIX века.

Славянизмы могли выступать и в ироническом и комическом плане, употребляясь в сочетании со словами и выражениями совершенно иной стилистической окраски или семантики. В «Письмах из Франции» этот прием не только отражает одну из характерных черт развития литературного языка того времени, но и типичен для индивидуальной писательской манеры Фонвизина, отличающейся постоянным вниманием к комической стороне изображаемого, любовью к иронии и гротеску.

Говорят, что полициймейстер их всеведущ, что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния и, кроме одних помышлений человеческих, ничто от него не скрыто. Поздравляю его с таким преестественным проницанием; но при сем небесном даре желал бы я ему лучшего обоняния, ибо на скотном дворе у нашего доброго помещика чистоты гораздо больше, нежели пред самыми дворцами французских королей.

Наряду с проблемой определения и урегулирования отношений между двумя главными лексико-фразеологическими пластами — «высоким», «славенским», и «простым», русским,— в литературном языке второй половины XVIII века очень актуальной была проблема выработки и усовершенствования лексико-фразеологических средств для выражения «идей трудных», то есть для выражения различных естественно-научных и общественно-философских понятий. Эти средства в «Письмах из Франции» очень многочисленны, они поражают многообразием выражаемых понятий, смысловой точностью и структурным совершенством. Например:

теория его соединена с практикою; географическое описание; образ жизни; способы к просвещению; интересы России; система законов; общий характер нации; национальный характер; внутреннее ощущение; право разума; образ мыслей; дарование природы.

В лексике «Писем» значительная роль принадлежит западноевропейским заимствованиям. Среди них есть такие, употребление которых до Фонвизина исследователями не зафиксировано:

акведук, артист, афишировать, браво, бюст, вист (карточная игра), декламация, доза, дубль, каприз, клавесин, контраст, кредитив (аккредитив), куверт, ложа (в театре), мавзолея, маневры, мораль, отель, пароксизм, партер, портшез, пьеса (театральное сочинение), репродукция, ресурс, скульптор, фарс, шарлатан, этаж.

Лексика и фразеология «Писем из Франции», как видим, очень разнообразна и по стилистической окраске, и по происхождению, и по сферам отражаемых явлений действительности.

Уже по своему составу она выходит за рамки тех лексико-фразеологических категорий, которыми оперировало учение о трех стилях. Но главное, что отличает язык «Писем из Франции» от языка произведений классицизма,— это взаимодействие различных лексико-фразеологических групп. Они не отграничены друг от друга, не замкнуты в специфических контекстах. Особенно показательны в этом отношении те места писем Фонвизина, в которых объединяются все три наиболее стилистически значимых слоя (просторечие, славянизмы и европеизмы):

«Сколько излишне здесь, говоря, думать, столько нужно как наискорее перенять самые мелочи в обычаях, потому что нет вернее способа прослыть навек дураком, потерять репутацию, погибнуть невозвратно, как если, например, спросить при людях пить между обедом и ужином. Кто не согласится скорее умереть с жажды, нежели, напившись, влачить в презрении остаток своей жизни?» и мн. др.

Фонвизин достигает значительных успехов и в грамматическом усовершенствовании русской фразы. Хотя в «Письмах» и встречаются иногда «латино-немецкие» конструкции с глаголом-сказуемым в конце предложения и тяжеловесные страдательные обороты («вышел комедиянт спросить у партера, чрез кого хочет он, чтоб английский танец был танцован?»), в целом их синтаксический строй характеризуется многими новыми свойствами, отличающими его от синтаксического строя литературного языка середины XVIII в.

Важнейшее свойство — стремление к максимальной краткости предложения, что достигается отказом от второстепенных деталей, вниманием к главному предмету сообщения. В этом заключается логическая, интеллектуальная основа лаконизма фонвизинской фразы. Кроме того, Фонвизин не стремится (как позже это делал Карамзин) оживить прозу своих писем «дополнениями и вялыми метафорами» (Пушкин), он ищет выразительности фразы в образности слова, взятого в его конкретности, в его реальной предметной отнесенности (см. об этом: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин, стр. 231).

Другое характерное свойство фразы в «Письмах из Франции» — упорядоченный и усовершенствованный порядок слов, наиболее естественный и для современного русского языка (подлежащее предшествует сказуемому, определение — определяемому, дополнение *следует после глагола*). Разумеется, такой порядок слов в «Письмах» не единственно возможный, но он обычен и характерен.

Далее, показательно использование различных несвободных и «полусвободных» словосочетаний и оборотов разговорного языка, отшлифованных в языковой практике народа и наделенных большим запасом смысловой и эмоциональной информации. Именно этим в значительной степени объясняется та простота и естествен-

ность выражения, которая присуща письмам Фонвизина. Приведем отрывок из письма к родным от 11 марта 1778 года:

Неустройства происходят много и от многолюдства. Нельзя, чтоб полиция, сколь бы ни была хороша, усмотрела все в таком содоме. Подумай, матушка, что в городе каждый день четыре спектакля, ярмарка и гульбище. Куда ни поди, везде полнешенько. Нет места, где б не видать было кучи народа. Нет в целых сутках ни одной минуты, чтоб не слышен был стук каретный.

Предложения в письмах к Панину несколько пространнее, в них больше второстепенных членов, в том числе и обособленных. Но в принципе все перечисленные свойства фразы присущи письмам и к Панину и к родным.

Для индивидуальной манеры выражения Фонвизина очень характерны фразы, построенные на основе смыслового контраста. Логически подчеркнутые члены предложения — четко антонимичны. Так строятся и простые и сложные предложения, и в разговорной и в «книжной» манере, в письмах к родным и к Панину:

«Все они, выключая весьма малое число, не только не заслуживают почтения, но достойны презрения»; «И хотя телесная пища здесь весьма дешева, но душевная еще дешевле»; «Первое право каждого француза есть вольность, но истинное настоящее его состояние есть рабство»; «Первый государственный чин, духовенство, препоручает провинцию в одно покровительство царя небесного, дабы самому не поссориться с земным».

Язык «Писем из Франции» не укладывается в рамки теории трех стилей. Невозможно, например, истолковать различие между языком «домашних» писем к родным и языком полуофициальных писем к Панину как различие между «низким» и «средним» стилями русского литературного языка.

Несходство между письмами к Панину и письмами к родным вызвано не противопоставлением «высокого» и «низкого», скорее оно объясняется «целью высказывания», разницей в отношении автора к адресатам. Такой принцип разграничения характерен и для литературного языка нашей эпохи.

«Письма из Франции» и сейчас очень интересны. Их язык не труден для нас, а ведь Фонвизин писал их двести лет назад, до Пушкина, когда современный русский литературный язык еще не сформировался.

А. И. ГОРШКОВ,

доцент Коломенского педагогического института

Фру-фру

В «Анне Карениной» Л. Толстой дает подробное описание лошади Вронского Фру-фру. Это описание специалиста и знатока «конской охоты» (выражение Л. Толстого. Ср. в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова: *охота* — занятие ловлей, содержанием и разведением животных (спец.). *Голубиная охота, перепелиная охота).* Писатель употребляет такие элементы коннозаводческой терминологии, как «стати», «грудина», «свислость», «косолапина»: «Фру-фру была среднего роста лошадь и по статям не безукоризненная. Она была вся узка костью; хотя ее грудина и сильно выдавалась вперед, грудь была узка. Зад был немного свислый и в ногах передних и задних была значительная косолапина». Вместе с тем Л. Толстой подчеркивает породистость, кровность лошади: «у ней в высшей степени было качество, заставляющее забывать все недостатки; это качество была кровь, та кровь, которая сказывается... Во всей фигуре и в особенности в голове ее было определенное, энергическое и вместе нежное выражение. Она была одно из тех животных, которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство их рта не позволяет им этого». Несколько раз он называет лошадь прелестной. Эту породистость, изящество Л. Толстой отразил и в имени лошади — Фру-фру.

Французское frou-frou в буквальном значении — это звукоподражание, соответствующее русскому 'шелест', 'шуршание': «Оно служит для того, чтобы изобразить шорох листьев, одежды, особенно платьев из шелка или тафты» (Словарь Littré, 1874). В разговорном языке faire du frou-frou означает 'щеголять, выказывать роскошь' (там же). В языке дворянства французские выражения подобного рода были в обиходе. Очевидно, выражение *фру-фру* стало нарицательным для обозначения изящества, изысканности. Так, например, в очерке писателя А. Башуцкого «Дачник» (1845) находим такое описание: «Вид дачи снаружи затейлив, окрестности по жителям [по составу жителей.— *Н. А.*] очень фру-фру, можно свести желанные знакомства».

Назвав лошадь Фру-фру, Л. Толстой отразил то проникновение западной, главным образом французской, идиоматики, которое было свойственно речи русского светского общества XIX века.

О том, как Л. Толстой, работая над романом, выбирал кличку для лошади Вронского, рассказано в книге Б. Эйхенбаума «Лев Толстой. Семидесятые годы» (Л., 1960). По мнению исследователя, кличка «Фру-фру» имеет литературное происхождение. В 70-е годы среди русских театралов была популярна французская мелодрама «Фру-фру». Эта пьеса упомянута А. Н. Островским в «Талантах и поклонниках» (1881). Негина жалуется: «А он, противный, что же делает! Назначает „Фру-фру" со Смельской».

В художественной системе романа «Анна Каренина» эпизод скачек имеет важное значение. Многие обращали внимание на то, что судьба Фру-фру, гибнущей по вине Вронского, как бы предсказывает трагическую смерть Анны.

Интересно, что в ранних черновиках совпадало имя героини романа (Татьяна Ставрович) и лошади Вронского (английское Tiny, или Таня). В окончательном варианте Л. Толстой устраняет это слишком прямое и грубоватое сопоставление. Теперь «Фру-фру превратилась в своего рода сюжетное иносказание, намекающее на будущую судьбу Анны» (Б. Эйхенбаум).

Н. С. АВИЛОВА

ТРИ «ЧУДНЫХ МГНОВЕНЬЯ»

Предмет лирики — человеческие переживания. Каждому понятно, конечно, что лирическая поэзия не замыкается в узкосубъективном, что ей подвластен мир. Но все внешнее в лирическом произведении живет, лишь став внутренним, выразившись в новом единстве индивидуального человеческого чувства. Стих выступает основной формой лирики именно потому, что его структура позволяет воплотить эту внутреннюю жизнь души.

Пределы каждого лирического стихотворения ограничены сферой данного переживания, что приводит к той особенности, которую В. Г. Белинский называл дробностью лирики: «Отдельное произведение не может обнять целости жизни, ибо субъект не может в один и тот же момент быть всем. Отдельный человек в различные моменты полон различным содержанием. Хотя и вся полнота духа доступна ему, но не вдруг, не в отдельности, а в бесчисленном множестве различных моментов». Вместе с тем и в отдельном лирическом фрагменте так или иначе отражается чувство «целости жизни». И эта диалектика лирического мига и целостного мира создает то содержательное противоречие, которое разрешается в структуре лирического стихотворения и становится одним из источников развития поэтической мысли.

Вспомним в связи с этим А. С. Пушкина:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

С. Я. Маршак писал: «Может ли быть мастерство там, где автор не имеет дела с жесткой и суровой реальностью, не решает никакой задачи, не трудится, добывая новые поэтические ценности из житейской прозы, и ограничивается тем, что делает поэзию из поэзии, то есть из тех роз, соловьев, крыльев, белых парусов и синих волн..., которые тоже в свое время были добыты настоящими поэтами из суровой жизненной прозы» (Воспитание словом. М., 1965, стр. 41). Как объяснить с этой точки зрения секрет удивительного воздействия пушкинских стихов? Ведь несомненно, что и «мимолетное виденье», и «упоенье», и даже «гений чистой красоты» — это уже добытые поэтические ценности. Но здесь все они ритмически сопоставляются с неожиданно простым и потому особенно значительным «явилась ты», и так рождается единственная предназначенность всех поэтизмов в свете преобразующего человеческую жизнь «чудного мгновенья». Недаром именно эти во многом центральные слова — «мгновенье» и «ты» — становятся основой проходящих через все стихотворение рифмических цепей. Ими подтверждается тот единый ритм, который объединяет все строфы. И звуковые связи не исключение. Все четверостишия (кроме третьего) начинаются одной и той же формой четырехстопного ямба, и все заканчиваются ею, а последняя строфа полностью повторяет метро-ритмическую композицию первого четверостишия.

В стихах ясно ощутимы и многие другие лексические и ритмико-синтаксические повторы. Укажем, например, на полный повтор двустишия

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты —

на частичные лексические и синтаксические повторы в новых семантических вариантах:

Звучал мне долго голос нежный — И я забыл твой голос нежный;
Передо мной явилась ты — И вот опять явилась ты;
Без божества, без вдохновенья — И божество, и вдохновенье.

Все эти виды повторов сочетаются один с другим, и мы можем говорить, например, о трех интонационно подобных стихах:

Передо мной явилась ты — И вот опять явилась ты — И для него воскресли вновь.

Если в основе интонационного параллелизма первых двух строк лежит и лексическое, и синтаксическое, и ритмическое сходство, то третья присоединяется к ним прежде всего на основе ритмического подобия и аналогичного расположения в строфе.

И все многочисленные повторы оказываются этапами целостного ритмического развития. Оно свободно и естественно вмещает в себя, казалось бы, абсолютно противостоящие друг другу фазы лирического переживания. Ведь после утверждения «чудного мгновенья», после воспоминания о нем звучит по существу его полное отрицание. Один ритмический перебой («Шли годы. Бурь порыв мятежный» — единственный четырехударный зачин строфы да еще с синтаксическим усложнением) — и затем лирический рассказ о потере «чуда» возвращается к тем же формам гармонического развития, а завершается строфа даже особенно симметричной вариацией (Твои небесные черты), где словоразделы совпадают с внутристрочными ямбическими долями.

И как характерно, что в следующей строфе «И божество, и вдохновенье» звучат первый раз в отрицательном контексте: «Без божества, без вдохновенья...». Эти строки — по существу первое кольцевое завершение стиха; их ритмическая форма, как уже говорилось, повторяет стихи о «мимолетном виденье». И повторяющаяся рифма, и общая лексическая тональность традиционно-поэтических «виденья» и «вдохновенья» — все это возвращает нас к начальным стихам, заставляя услышать здесь несомненное сходство и столь же несомненный семантический контраст.

Путь, кажется, проделан полностью, есть и утвердительное начало и отрицательный конец, но в том-то и дело, что ни то, ни другое не итог, и лишь теперь открывается возможность воссоздать «чудное мгновенье» не только как лирический миг, но и как лирический мир, как вечную и нетленную основу жизни. В последних двух строфах повторяется все предшествующее развитие, объем повторов все более разрастается, и, наконец, последние стихи стягивают в себе и вершину утверждения:

Передо мной явилась ты — И вот опять явилась ты — И для него воскресли вновь

и вершину отрицания:

Без божества, без вдохновенья — И божество и вдохновенье.

Теперь, если снова взглянуть на многочисленные повторы, можно заметить объединяющий их принцип гармонической парности: повторяющиеся стиховые фразы всякий раз оказываются новой ступенью развивающейся жизни, включенной в лирический мир. Так в стиховой структуре создается своеобразная

форма целостного лирического переживания, свободно и естественно включающего в себя и, казалось бы, полное свое отрицание. Но противоречия эти, не примиряясь, гармонически совмещаются.

Перед нами, конечно, один из самых совершенных образцов пушкинской лирики, пушкинского гармонического мироощущения: поэт «видя противоречия русской действительности и не сглаживая их, еще не смущается ими»; хотя «ему были ведомы все страдания цивилизованного человека», он «обладает инстинктивной верой в конечную правоту хода истории» (А. И. Герцен).

Все последующие поэтические системы непременно соотносятся с пушкинским художественным миром, так или иначе развивая и смещая его. Мы убедимся в этом, рассмотрев, например, одно из самых выразительных лирических стихотворений А. Фета:

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки.
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Здесь достаточно слышны отзвуки пушкинского «чудного мгновенья», и воспоминания о нем в томительной суете, и его потери, и обретения вновь. Но если у Пушкина лирический миг прежде всего о п и с а н, а сама динамика чувства спрятана в символических сравнениях, то фетовское переживание словно формируется на наших глазах, оно непосредственно живет (а не просто выражено) в интонации. Фет уже не может просто сказать: «чудное мгновенье», он должен эту чудо воплотить и вот мы слышим, как вначале еще не вполне связанные фразы стиха (отсюда интонационные перебои первой строки) попадают в единый интонационный поток и преображаются, оживают, как оживает рояль:

Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали...

Это, конечно, фетовское чудо. Ни слова о душе, и в то же время, можно ли сказать точнее о необыкновенном душевном просветлении! Кажется, что может быть обычнее маленького слова *весь*. Но вот оно вдруг становится между столь же обычным: *рояль* и *раскрыт*, и все они озаряются светом совершенно необыкновенного индивидуального значения. Этому способствует и звуковое сближение слов различных семантических планов: рояль — раск-

рыт — струны — дрожали. Последнее слово вбирает в себя звуковой состав первого и как бы еще раз повторяет его.

Эта единая звуковая волна оказывается составным элементом доминирующей в стихе особой напевной лирической интонации. Три восходящих «шага» третьей строфы, объединенные с предшествующим периодом и между собой анафорическим «И», не находят полного разрешения в заключительной строке. И интонационный период продолжается. Он естественно переходит к третьему «Что» последней строфы, и в ней возникает финальная симметрия, где четыре интонационных толчка разрешаются в четырехчастном заключении. Каждый составной элемент стиха выступает прежде всего в своей интонационно настраивающей функции, например, пиррихий в строке «Как только веровать в рыдающие звуки» делает необходимым интонационно-мелодический акцент на торжественном «веровать».

Итак, душевная жизнь воссоздается в фетовском стихотворении гораздо более непосредственно, и нам кажется, вполне можно говорить о шаге вперед в области лирического освоения внутреннего мира, «диалектики души». Перенесем, однако, взгляд от поразившего нас лирического мига к целостному лирическому миру. Мы помним, что пушкинское переживание естественно включило в себя и максимальное утверждение и максимальное отрицание и, не смущаясь этими противоречиями, вывело нас к образу целостного мира, который оказался вовлеченным в поэтическое мгновение. Кажется, и у Фета между «лирическими мгновеньями» идет речь о «томительных и скучных» годах.

И много лет прошло, томительных и скучных...

В том-то и дело, что годы эти прошли мимо стиха, мы не услышали даже их отзвука, они только исключаются из лирического мира, потому что они не предмет поэзии. Вернее, отзвук этих лет все-таки присутствует, но он прежде всего в том напряжении, которым выделяется поэтический мир — просветленные мгновения песни, любви и красоты. Вспомним слова Фета: «Художнику дорога только одна сторона предмета: их красота» (О стихотворениях Ф. Тютчева) — и сопоставим их с очень точным высказыванием Гоголя о том, что в поэзии Пушкина «все стало ее предметом и ничто в особенности». Это различие всего отчетливее слышится в финалах: всеобъединяющем единстве Пушкина

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь

и ограничительном выделении Фета

...и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Стало быть, вывод о безусловном обогащении форм и средств лирического выражения односторонен, так как не учитывает существенной утраты Фета. Она в общем виде может быть названа

локальностью поэтического мира, потерявшего пушкинскую всеохватность. В статье «О природе слова» (Л., 1921) О. Мандельштам сделал интересное замечание о том, что по существу можно писать две истории литературы: историю находок и историю утрат. К этому можно добавить, что находки и утраты взаимосвязаны и часто поэтические завоевания обретаются «ценой потери».

Эта художественная проблема — диалектика лирического мига и целостного мира имеет всеобщий характер, ибо каждый большой поэт ищет пути к тому, чтобы «не сосредоточиваясь на себе сосредоточить в себе изменяющийся мир» (М. Горький). Причем поиск идет в процессе овладевания уже существующими формами литературно-художественного сознания, развития их. Вспомним в связи с этим еще одно стихотворение о чудном мгновении. Проанализируем его. А. Блок:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла...

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла.

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Блок начинает почти точно с того, чем кончилось стихотворение Фета. Мысль о том, «что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь», что «цели нет иной» становится исходной точкой лирического переживания. Локальность лирического мира, свойственная Фету, непосредственно воплощена здесь в ритмическом движении от всеобщих «доблестей, подвигов, славы, горестной земли» к потрясающему в своей предельной конкретности и индивидуальной достоверности «лицу в простой оправе». Эта лейттема стиха, выделенная и ритмически — цезурным переносом, трижды повторяется в последующем развитии, которое еще не раз заставляет вспомнить о стихотворениях Пушкина и Фета.

Можно даже вычленить какие-то общие элементы этих лирических «фабул».

И я забыл твой голос нежный — И я забыл прекрасное лицо. Шли годы. Бурь порыв мятежный — И много лет прошло, томительных и скучных — Летели дни, крутясь проклятым роем. Душе настало пробужденье.— И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь — И вспомнил я тебя пред аналоем.

Но самое интересное открывается не в этих эпизодических элементах сходства, а в их целостном переосмыслении и в той устойчивой основе, на которой только и может проявиться подлинно индивидуальный характер лирического переживания.

Напоминающий о лирическом мире Фета зачин разрешен в абсолютно противостоящем ему финале. Воспоминание не только не приводит к фетовскому «как тогда», но наоборот в сильнейшем нагнетании интонационных параллелей (опять-таки напоминающих о Фете) формируется прямо противоположный отрицательный итог:

Все миновалось, молодость прошла!

Эта кульминационная строка выделена единственным в стихотворении цезурным перебоем и чрезвычайно значимым звуковым сращением *миновалось — молодость*: этимологически далекие друг от друга эти слова образуют единый семантический комплекс, действенную только в пределах стихотворения родственную группу, индивидуальную семью слов. А идущий следом и еще раз напоминающий о Фете кольцевой повтор оказывается прямым лексико-семантическим контрастом.

Только «*тебя любить, обнять и плакать над тобой*» оказывается невозможным. Локальный лирический мир — отринут, он в системе Блока — прекрасная поэтическая молодость, которая теперь забыта, ибо ей не дано преодолеть «жизни сон тяжелый», который неминуемо входит в стихи. Да и вообще преодолеть (в смысле: изъять, устранить, забыть) сон уже нельзя, его можно только поэтически постигнуть, и здесь антифетовское отрицание локальности оказывается у Блока устремлением к пушкински всеохватывающему лирическому миру.

Конечно, в свете этого устремления становится очевидной огромная дистанция, разделяющая художественные системы. И дело не только в противоположности общего настроения и, особенно, финалов, где «утвердительное кольцо» Пушкина сменяется отри-

Во втором номере «Русской речи» читайте статью о языке и стиле В. И. Ленина

цательным у Блока. Мы помним, что в качестве одного из устоев стихотворной композиции у Пушкина выступает сразу же вставшее рядом с «чудным мгновеньем» простое и очень емкое «ты», отголоски которого и в прямых повторах и в цепи рифм звучат почти во всех строфах. В «ты» свободно и естественно включаются «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Оно становится синонимом лирического мира, в котором всевмещающее «я» и всеобъемлющее «ты» — стороны диалектического единства.

Совсем иначе у Блока. В его стихе «ты» — тоже протекающая тема. Однако оно все более и более последовательно противостоит лирическому «я». «Я» и «ты» отчленяются друг от друга цезурными разделами (Я звал тебя, || но ты не оглянулась, Я слезы лил, || но ты не снизошла), противопоставляются в ритмически-параллельных рядах, и, наконец, в заключительных строках отчетливо выявляется одинокое «я», оставшееся один на один со всем миром, отделенное даже от самого близкого ему «ты».

Но при всей трагичности финал этот — творческое состояние. Да, для Блока невозможно то ясное сведение начал и концов, которым он так восхищается у Пушкина: «Перед Пушкиным открыта вся душа — начало и конец душевного движения. Все до ужаса ясно, как линии на руке под микроскопом». Но для Блока невозможно и не стремиться к этому «конечному» единству. Какое бы то ни было согласие на «частичный» локальный лирический мир — отвергается, «лучше сгинуть в стуже лютой». Но надо любой ценой «все сущее — увековечить, безличное — вочеловечить, несбывшееся — воплотить». Потому-то и необходимо лирику всеохватывающее «трагическое миросозерцание». «Оптимизм вообще,— писал А. Блок,— не сложное и не богатое миросозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед собой в том, что он противоположен пессимизму, но он никогда не совпадает также и с трагическим миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира».

Так формируется важный для современности поэтический завет Блока, впоследствии высказанный им в прекрасных стихах «Возмездия»:

Жизнь — без начала и конца,
Нас всех подстерегает случай,
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад иль рай.
Тебе дано бесстрастной мерой

Измерить все, что видишь ты,
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

М. М. ГИРШМАН,
старший преподаватель
Донецкого университета

ФРОНТОВЫЕ БЛОКНОТЫ К. СИМОНОВА

Читатели давно полюбили очерки, рассказы, повести и романы К. Симонова о войне. Героический и нелегкий подвиг народа, защитившего Родину от фашистского нашествия, страницы симоновской прозы воскрешают с такой правдивостью, что кажутся документально достоверными. Насколько же близки они на самом деле к тем реальным событиям, встречам, которые были у военного корреспондента Симонова? Автору этой статьи благодаря любезности К. Симонова удалось ознакомиться с фронтовыми блокнотами писателя, с подлинными дневниками его будущих героев, с записями их устных рассказов. Сравнивая эти «заготовки» с опубликованными очерками, можно заметить, что в ранних произведениях К. Симонов наиболее точно следовал за рассказчиком, по возможности даже сохранял подлинный текст записей.

Поэтому в ранних очерках легче проследить работу писателя над каждым словом. В этот период творчества писатель в основном переводил устную разговорную речь героев в литературную и даже книжную, избавляясь от просторечных слов, диалектизмов, профессионализмов, от неправильного словоупотребления. Речь героев при этом неизбежно *теряла свою устно-разговорную* характерность. Понимая это, К. Симонов, однако, частично оставлял и некоторое своеобразие сниженной разговорной речи. Например, в очерке «Однофамильцы» сохраняется и просторечное слово **маленько**, и разговорное **сперва** в прямой речи не всюду заменяется литературным **сначала.**

Иногда К. Симонов просто цитирует прямую речь рассказчиков. В записи беседы с командиром партизанского отряда Н. И. Бантышем говорится: «И вот вдруг выпал снег и через дырки нападал в галерею. Тут все, и особенно девушки, просят пустить **у немцев снегу поворовать**». А в очерке «В Керченских каменоломнях: «В первых числах декабря... выпал снег... К начальнику штаба... явилась целая делегация с просьбой разрешить пойти **у немцев снегу поворовать».**

Но при сравнении записей бесед с художественным очерком почти нигде не встретишь полного копирования. Иногда авторские изменения совсем неприметны. «В первой атаке **сбили я и Сафонов** по одному бомбардировщику»,— рассказывает старший лейтенант Коваленко. В очерке «Истребитель истребителей» К. Симонов меняет порядок слов: «В первой атаке **Сафонов и я сбили** по одному бомбардировщику». Второй вариант (с прямым порядком слов) более нейтрален. И если в устной речи инверсия нормальна, то в письменной она выглядела бы нарочито.

В *ранних очерках* К. Симонов освобождает речь героев от грубо-просторечных слов. Вот запись рассказа младшего сержанта А. И. Данилова: «Финны **попёрли** и стали подходить все ближе». В «Однофамильцах» читаем: «А финны все ближе и ближе». В романе «Солдатами не рождаются» не раз употребляется слово **поперли** в речи героев Комкор Гринько так говорит о первых советских летчицах: «Не **попер** бы я Деникина от Орла до Ростова, хрен бы они летали, мои бабы». Ильин сожалеет: «Эх, не **доперли** мы с флагом!»; «Наш двужильный сам **попер»**,— сообщает Зырянов; «В газету **пропрет»**,— заявляет Левашов.

В записи рассказа И. Ф. Данилова: «Я подобрал там карабин и 6 **ихних** гранат. Я засел в щели». В очерке К. Симонов снимает просторечное **ихних:** «Я подобрал там карабин, шесть гранат и засел в щели». (В романах К. Симонова слово **ихний** часто встречается в речи героев.)

Вместе с лексикой преобразовывается и синтаксис разговорной фразы. Так, А. И. Данилов рассказывает: «Я себе все подбирал гранаты, потому что другие бросают **поближе**, без пользы, а я куда **подальше**». В очерке писатель вводит в речь рассказчика сравнительный оборот: «Я тогда подобрал себе все гранаты. Я бросаю **подальше, чем другие**».

Тщательно работал К. Симонов и над дневниками своих героев. Записи в дневниках, сделанные наскоро, между боями, почти не отличались от устного рассказа. Вот что записывает Н. И. Бантыш в свой дневник: «Артобстрел. Зинченко без приказа хотел **вылезть посмотреть**». В очерке «В Керченских каменоломнях» эта запись литературно оформлена: «Идет артиллерийский обстрел... Зинченко без приказа хотел **вылезти** наружу **посмотреть, что происходит**».

Всегда ли целесообразна такая литературная обработка текста? В дневнике, который фигурирует в очерке как своего рода документ, она вполне оправдана. Возможно, что в связи с этим К. Симонов убирает из дневника Бантыша и местные названия и профессионализмы. Бантыш пишет: «**Секрет** выстрелил в лампу, а потом взорвал фугасы». У К. Симонова: «**Стоявший на посту партизан** первым выстрелом разбил лампу, а когда немцы очутились в темноте, был взорван еще один фугас». У Н. И. Бантыша было: «Немцы бросали гранаты по **дыркам**»; «Однажды мы проделали новую **дырку** и Виктор Иудин полез в эту узкую **дырку**». Симонов изменяет: «Немцы весь день бросают гранаты через верхние галереи»; «В одну из ночей партизан Виктор Иудин, пытаясь выйти на разведку, проделал в одном из верхних коридоров **отверстие** наружу».

Вполне обоснована замена профессионализмов и просторечных слов в авторском изложении подвига героя. В записи рассказа летчика Коваленко: «Семененко зашел им в хвост, одного сбил, а другой **отвернулся**». В очерке «Истребитель истребителей»: «Семененко зашел им в хвост и, сбив одного, заставил другого **отвернуть в сторону**».

В рассказе разведчика Карпова вершина скалы именуется **верхушкой**: «Краснофлотец Ковалев заметил на правой **верхушке** человека... Он ясно вырисовывался на фоне неба, и снять его было делом одной **вскидки**». В очерке «Дальние разведчики»: «Взошла луна, и при ее свете на **вершине** скалы снизу ясно был виден четкий силуэт немецкого часового. **Вскинуть** автомат и снять его было делом одной секунды».

В рассказе Карпова немцы «ворочали фонариками». К. Симонов убирает это просторечное выражение, говоря о часовом, который ходил, «время от времени **направляя** луч электрического фонарика на скалы».

С другой стороны, из рассказа Карпова исчезает и канцелярская тяжеловесность. Фраза: «Было очень темно, вместе идти было нельзя, **при обнаружении** сняли бы всех одной очередью» в «Дальних разведчиках» звучит иначе: «Шли по-двое, чтобы внезапная пулеметная очередь не могла снять всех сразу».

Признавая в целом необходимой работу автора над языком записей устных бесед, отдельные замены — особенно в речи героев — мы все же считаем излишними. Например, рассказу И. Ф. Данилова придавало живость словообразование **строканнуть**: «А я тут с гранатами завозился, но взял автомат и **строканул**». В «Однофамильцах» Данилов говорит: «Автомат у меня хороший, **строчит**, как швейная машинка... Снял их из автомата».

Разговорный эллипсис в рассказе А. И. Данилова: «Стали они гранатами, пулеметами и минометами» в очерке неоправданно дополняется: «Стали **финны бить** гранатами пулеметами, минометами». В этом же очерке К. Симонов разговорное **бро-**

сил заменяет на книжное **израсходовал.** *Ср.: «Свои гранаты все бросил»* и «Свои гранаты я израсходовал». Едва ли кто понял бы слово **бросил** как 'выбросил', а не 'метнул, швырнул'. Эмоциональное **здоровый** в устном рассказе Коваленко о немецких самолетах («Я люблю 110-е бить — они **здоровые**») К. Симонов заменяет нейтральным **большой** в очерке «Истребитель истребителей»: «Я сто десятый люблю, хорошая машина, в том смысле, что **большая**, есть куда попадать».

Совершенно необходима была литературная обработка при неправильном словоупотреблении, встречающемся в записях устных бесед. Так, в рассказе Коваленко: «Тут мы выполнили двойную задачу истребителей и бомбардировщиков — бомбили немцев **руками их же бомбардировщиков**». В очерке: «На этот раз мы выполнили, как говорится, двойную задачу — бомбили немцев **их же собственными руками**».

Иногда писатель вносит уточнения в речь своего собеседника. Г. В. Карпов *рассказывает: «Как только мы* перебежали, **над старым местом** взвилось еще две ракеты». Здесь идет речь о быстром передвижении разведчиков, и словосочетание **старое место** не равнозначно **прежнему месту** (ср.: работать на старом месте, жить на старой квартире, то есть *давно работать, жить на этом* месте). К. Симонов в «Дальних разведчиках» перестраивает эту фразу, сохраняя значение мгновенности действия: «Как только они тихо скатились вниз по склону, вторая ракета взлетела как раз над тем местом, где они только что были».

Для поздних очерков также характерна работа над уточнением смысла слов. Летчик Алексей Хлобыстов рассказывает *о своем командире* Полякове в бою с фашистами: «Он, как я думаю, решил таранить во что бы то ни стало, чтобы сбить хоть ведущего асса и **расстроить** всех остальных». Без пояснительного слова «расстроить ряды противника, нарушить строй» фраза не ясна, а Хлобыстов *употребляет* в своем рассказе и производное от слова **расстроить**: «Я рассчитывал не только на непосредственный результат тарана, но и на то, что это произведет **расстройство**, *и остальные ребята вылезут».* В очерке «Русское сердце» читаем: «Он понял, что Поздняков тогда решил, хотя бы ценой гибели, сбить немецкого командира, **рассеять** их ряды»; «Была только одна мысль: вот он сейчас ударит, немцы **рассыплются**, и ребята вылезут из кольца».

Обработка текста, служащего всего лишь материалом, сюжетной канвой, каркасом для построения художественного произведения, начиналась уже и в ранних очерках. Скупая фраза старшего лейтенанта М. Н. Моля о своем катере: «Я прижался к *берегу в тени, противника оставив на* свету»,— превращается у К. Симонова в развернутую картину: «Прижавшись к самому берегу... катер *пошел* в глубь бухты. Он шел, огибая каждую скалу, ни на секунду не отрываясь от берега, все время подвигаясь в **черной, почти чернильного цвета, тени**, *отбрасываемой высокими прибрежными скалами».* Так краткая запись становится зримой, оживает, делая очерк *«Дерзание»* художественным.

Наряду с коренной переработкой текста оригинала в поздних очерках очень ясна и другая тенденция — *максимальная* приближенность к языку рассказчика. Явное стремление сохранить его индивидуальную *манеру выражения вплоть* до употребления диалектизмов. В очерке «Парамон Самсонович» близость к народной речи объяснялась художественной задачей: сочная казачья речь была неотъемлема от облика казака Парамона Самсоновича Куркина. К. Симонов в очерке так отмечает *свою точность в воспроизведении* его рассказа: «Иногда на фронте встречаешь людей, которые так рассказывают о своей жизни или жизни своих однополчан, что стараешься только записать дословно то, что они говорят, и потом, сыскав свои записи, печатаешь их, почти ни слова не меняя в этом рассказе, к

таким людям принадлежал и Парамон Самсонович».

Сохраняются в этом очерке многие просторечия и диалектизмы: «Танки **спущаются** на нас с горки»,— рассказывает Куркин; «Пули идут на тебя **цельной** лавой»; «Исчезают люди **незнамо** где». В речи Куркина встречается характерное для южных говоров **обратно** в значении «опять»: «Вроде как сам **обратно** молодой»; «Подходяще, чтоб **обратно** к войне привыкать».

В романе «Солдатами не рождаются» также часто встречается это слово **обратно**: «К утру должно обратно распогодиться»,— говорит сосед Овсянниковых Суворов; «Может, вам обратно оставить?» — спрашивает санитар; «А мы тут обратно воевать начнем» (Кузьмич); «Поздравляю, что обратно меня догнал» (Зырянов); «Отвык спать. Вторые сутки обратно привыкаю» (Иван Алексеевич).

При сравнении записи рассказа Куркина с очерком видно, что писатель все же кое-что меняет в тексте. Куркин говорит: «Командир полка Орел, в усах ходил. И не было перед ним никогда того, чего бы он не взял. В гражданскую мальчиком был, приблудившимся в части» В очерке Парамон Самсонович рассуждает так: «У нас командир полка Орел был. **Это фамилия его была, но он и в самом деле орел.** Не было перед ним никогда того, чего бы он не взял. В усах ходил В гражданскую войну мальчиком приблудился к какой-то части, **так в армии с детства и остался** . К. Симонов обыгрывает здесь фамилию Орел.

Куски текста, добавленные писателем, органически сливаются с речью рассказчика. При чтении можно заметить, что в первоначальных записях фразы Куркина были отрывистыми, словно рублеными.

Аналогичную работу над словом проделал писатель в повести «Дни и ночи», создавая образ Конюкова. Среди героев повести это единственный, списанный с живого человека. Захар Филиппович Канюков, гвардии сержант, участник трех войн — первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. Существует запись беседы с З. Ф. Канюковым, из которой видно, что это человек с юмором. Так, З. Ф. Канюков говорит: «Меня только здорово обидел проклятый **фриц**. У меня на спине мешок и белья пара. Так он поджег. Чувствую — дымлюсь на спине. Так мне даже смешно и удивительно — что, думаю, что я танк?».

Сравним эту запись с текстом повести и увидим, что К. Симонов сохраняет народный юмор в рассказе своего героя, насыщает его речь афоризмами-поговорками, органически вплетающимися в текст: «И котелок у меня за спиной поверх мешка, потому что **нет едока, чтобы он был бы без котелка**. Ползу, и так у меня котелок мотается из стороны в сторону, гремит... Ползу, и вдруг чувствую, что на спине у меня горячо... Вытащил нож, чиркнул по ремню и отрезал мешок. Свалился он рядом со мной и дымится. **Он** его, значит, зажигательной пулей прожег. И тут я засмеялся, мне смешно стало, потому что, думаю, что я танк что-ли, что **он** у меня башню поджег».

Писатель сохраняет в рассказе Конюкова местоимение **он** «в собирательно-указательном значении, вызванном запретом, „табу", на слово **враг**, **неприятель**» (так определяет В. В. Виноградов в книге «Русский язык» значение этого слова в военных рассказах Л. Толстого и др.). С тем же самым значением употреблялись во время Великой Отечественной войны слова **он**, **немец** и пренебрежительное **фриц** как народно-разговорное обозначение фашистов. Такое название врага встречалось еще в дневнике Бантыша: «**Немец** держал под скалами целый полк»; «21-го **немец** выгнал население, гнездившееся в крайних коридорах». Но в своем очерке «В Керченских каменоломнях», как и во всех ранних очерках, К. Симонов придает этим фразам нейтральную форму: «Полтора месяца **немцы** держали вокруг каменоломен больше полка пехоты»; «21-го **немцы** забрались в верхние каменоломни и стали выгонять на-

селение, гнездившееся в крайних коридорах».

Проследив вкратце работу писателя над языком очерков и других, более поздних произведений, мы можем сделать вывод, что в ранних очерках К. Симонов больше обрабатывал язык своих героев, делая его литературно правильным, в поздних — сохранял индивидуальные особенности речи героев.

Работая над своими романами, К. Симонов свободнее использует в речи своих героев и диалектизмы и жаргонизмы. Иногда они служат средством речевой характеристики героя, указывают на ту среду, к которой он относится. Так, в романе «Солдатами не рождаются» своеобразна крестьянская речь генерала Кузьмича, пестрящая диалектизмами: надоть, мабуть, взойтить, вчерась, туточки и т. п. В речи тети Поли, матери Тани Овсянниковой, Авдеича и других солдат, партизан, санитаров, рабочих встречаются просторечия: не побегла, без польт ходили, не заблукаем, не поемши, забоялся, потяжеле нашего и т. д.

В роман вливается целый поток просторечных слов, диалектизмов, жаргонизмов и т. п. Это озорные солдатские шуточки, грубоватые и резковатые, порой даже ругательства (война — дело грубое). Наряду с обычными нейтральными словами, в разговоре солдат встречаются и такие, например, просторечия, как: замахорить, позычить, заколодило, шкандыбает, спятил, распетушился, драпанете, песочить, талдычить, рубанул и т. п.

Можно привести множество сочных солдатских афоризмов-идиом, рассыпанных по всему роману «Солдатами не рождаются»: «Говори без каруселей»; «Грейся на всю катушку»; «Не крути вола за хвост»; «Не ломай дурочку»; «Мне орден не светит»; «Сегодня Цветков на коне» и т. д. и т. п. Они отражают солдатский юмор, сквернословие Левашова и грубость Батюка, меткость выражений Зырянова, Бережного, Ильина, Серпилина и Синцова, не скованных рамками нормативной речи. И все это, вместе с обычной интеллигентной речью, передает пеструю стихию военной среды.

К. Симонов как бытописатель войны и в языке военной среды довольно точен. Путь его от очерков к романам свидетельствует, что писатель все больше сталкивается с живой стихией разговорного языка народа, и эта живая речь побеждала книжную, литературную, входя даже в авторский рассказ. И чем смелее использовал писатель диалектизмы, просторечные выражения, тем сочнее и ярче становился и язык повествователя и речь его героев.

●

В очерках формировался не только язык, но и стиль симоновской прозы. Обычный очерковый стиль, несколько сухой и сдержанный, сохраняется частично и в романах К. Симонова. Вот, например, кусок текста из романа «Солдатами не рождаются»: «Разрывы были часты; судя по звуку, рвались немецкие мины. Потом в грохот разрывов вплелись пулеметные очереди. Пока добрались до Цветкова, бой уже стих. Рвались только одиночные мины».

Это обычный описательный тон повествователя-очеркиста, не создающий никакого настроения — ни мажорного, ни минорного. Но еще работая над художественным очерком, К. Симонов переводил такого рода повествовательную интонацию в экспрессивную, передавая волнение своего героя.

В записи рассказа летчика Алексея Хлобыстова о том, как его прямо тут же на аэродроме приняли в партию, можно прочесть: «Это совершилось за минуту до вылета. Я только сказал: буду большевиком не на словах, а на деле, и взвилась ракета, и мы снова полетели штурмовать». Сравним эту запись с очерком «Русское сердце»: «**И** именно от того, **что** все было так просто, **что** были только он **и** комиссар, **и** рядом стояла машина, **и** клокотал бензин, **и** сейчас он должен был взлететь,—

все это вдруг показалось ему очень торжественным. Он немного заволновался **и** голосом несколько более глухим, чем обычно, сказал, **что** он будет большевиком **не на** словах, **а на** деле, **а** про себя подумал, **что не** только на земле, **но и** там, в воздухе».

Проза становится лирической. Речь в ней ритмична, мелодична. Обычно ритмика речи создается путем перечислений, повторов, нагнетания глаголов и других однородных членов (в данном случае повторяются союзы **и, а, что,** отрицание **не**).

Лирические отступления часто начинаются с обращения. Это создает экспрессивную интонацию. Вот пример из романа «Солдатами не рождаются»:

> **Девушки, девушки** из банно-прачечного! Это **ваш**-то отряд, как вы сами с усмешкой рассказываете, зовут на фронте «мыльный пузырь»? Это про **вас**-то плетут всякие **были** и **небылицы**?.. И кто знает, **сколько** в этом **правды** и **сколько неправды**, наверное **не без того, и не без этого.** Но все равно, главная правда про вас та, что **не было, и не могло быть** на целом свете в эти сутки лучше людей, **чем** вы, **и не было** рук добрей и небрезгливей, **чем ваши, и не было** стараний святей и чище, **чем ваши,**— помочь **человеку** снова сделаться **человеком!** И **ни одна** из вас **не** дрогнула, **не** растерялась, **не** ушла, **не** закатилась в обморок, как тот врач-мужчина в лагере. **Ни одна.**

Это типичный пример лирической прозы с ритмическими повторами (слова, выделенные полужирным шрифтом в приведенном отрывке). Таких лирических отступлений в романах К. Симонова много. Часто это раздумья Серпилина, Синцова или Тани Овсянниковой о своей жизни, и строятся они быстро от второго лица в значении первого.

Еще создавая очерк «Последняя ночь», К. Симонов превращал имеющуюся в записях сухую информацию с цифровыми данными об освобождении Феодосии в волнующе-романтический рассказ, воспевающий подвиг черноморских моряков. В очерке есть ритмические повторы, рефрены, так же, как и в другом раннем романтическом очерке «В башкирской дивизии».

Интересны также диалоги в прозе К. Симонова, берущие начало от очерка «Шпионка» и рассказа «Сын Аксиньи Ивановны». Это не обычный диалог (то есть прямая речь), а несобственно-прямая речь (перенесение речи героя в текст авторской косвенной речи). Происходит как бы мысленный диалог или разговор взглядами, жестами. Например, в романе «Солдатами не рождаются» (при встрече Серпилина с Алферовым):

> Алферов **неуверенно посмотрел** на него, **не шутит ли; увидел, что не шутит**, и взял трубку.
>
> — Селиверстова, а Селиверстова... Давай еще спой.
>
> Он **вопросительно посмотрел** на Серпилина: **сказать, для кого придется петь, или не говорить!**
>
> Серпилин **покачал головой: «Не надо».**

Здесь происходит два диалога, один внешний — разговор Алферова с Селиверстовой по телефону (мы не приводим его полностью), другой — разговор взглядами и жестами Алферова с Серпилиным, разговор без слов.

Можно сказать, что проза К. Симонова органически соединяет в себе три стиля: очеркизм, лиризм, драматургические элементы (диалог). Внутренне сдержанный, но глубоко драматичный в своем лаконизме стиль суровой симоновской прозы сочетает в себе лиричность поэзии, сдержанность и страстность публицистики, напряженность и острую конфликтность драматургии.

И именно в очерках, в работе над их языком складывался и формировался своеобразный стиль прозы Константина Симонова.

Т. С. ГЛЕБОВА
Москва

О НАЗВАНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Художественное повествование может начинаться или с начала (так написана «Жизнь Клима Самгина» М. Горького), или с середины («Обломов» И. А. Гончарова, в котором детство Обломова в виде его сновидения дано в середине романа), или даже с конца («Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого начинается со смерти Ивана Ильича, а потом уже на протяжении рассказа проходит вся его жизнь). Но в любом произведении, как бы оно ни было построено, «первое слово»,— конечно, само название произведения. И читатель прежде всего должен его осмыслить. Это не так просто, даже в самых, казалось бы, простых случаях.

Почему, например, рассказ Льва Толстого называется «Кавказский пленник», а не «Кавказские пленники»? Ведь их в рассказе два: Жилин и Костылин. Но, во-первых, этим названием подчеркивается, что внимание автора сосредоточено на живом и деятельном Жилине, а вялый и апатичный Костылин его мало интересует. Во-вторых, и это еще существеннее, Толстой названием своего рассказа продолжал традицию Пушкина и Лермонтова, у которых были поэмы на тот же сюжет и с таким же заглавием.

А почему А. С. Пушкин назвал свое произведение — «Капитанская дочка»? Ведь Марья Ивановна Миронова отнюдь не настолько выделяется среди других персонажей, чтобы этим именем назвать весь роман. «Капитанской дочкой» ее величают всего лишь раз и то с насмешкой: «Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь!», но Пушкину были хорошо известны, по крайней мере, три произведения с подобными названиями: повесть Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», комедия И. А. Крылова «Урок дочкам» и роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова». В ряду этих наименований и перекликаясь с ними, находит себе место «Капитанская дочка» Пушкина.

Автор настолько дорожит названием своего произведения, что нередко считает необходимым пояснить его или в предисловии, как М. Ю. Лермонтов в «Герое нашего времени», или в самом тексте

произведения. Так, в последнем действии комедии А. Н. Островского «Лес» Несчастливцев говорит своему приятелю: «Как мы попали в этот *лес*, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов?». Становится ясно, что название «Лес» дано драматургом не потому, что действие происходит в лесной усадьбе, а потому, что жизнь обитателей этой усадьбы — дикая, «лесная». У Островского «лес» так же аллегоричен, как и в статье Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?»: «...Они вступали в дремучий, неведомый лес, шли по топкому, опасному болоту, видели под ногами разных гадов и змей...». В этом смысле аллегоричен и «лес» у М. Горького в «Старухе Изергиль».

Иносказательно и название романа И. С. Тургенева «Дым». Литвинов возвращается из заграницы домой и по пути в вагоне «странное на него напало размышление... „Дым, дым",— повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом... Все дым и пар... Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... Дым,— шептал он...— дым, дым и больше ничего...». Многократным повторением слова *дым* Тургенев подчеркивает смысл и значение названия романа. Известно, какая полемика разгорелась вокруг этого произведения и его заглавия. Ф. И. Тютчев откликнулся на него стихотворением:

Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым безотрадный, бесконечный дым...

и эпиграммой:

«И дым отечества нам сладок и приятен!»
Так поэтически век прошлый говорит,
А в наш — и сам талант все ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит.

А социальную значимость и перспективность названия романа И. С. Тургенева «Накануне» прекрасно показал Н. А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?».

Острую полемику, хотя совершенно в ином аспекте, чем заглавие «Дым», вызвало название рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно?». В этом рассказе речь идет о крестьянине Пахоме, которому в башкирских степях за тысячу рублей предлагают столько земли, сколько он успеет обойти за день. Если к закату он не вернется на то место, откуда начал обход, деньги его пропадут. И вот, чтобы захватить побольше земли, Пахом спозаранку отправляется в путь. К вечеру, боясь опоздать, он бежит уже из последних сил и у самой цели падает бездыханным: «Подбежал работник Пахомов, хотел поднять его, а у него изо рта кровь течет, и он мертвый лежит... Поднял работник скребку, выкопал могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил — три аршина, и закопал его».

Жизнь Пахома окончена, окончен и рассказ Толстого. Выходит, что заключительные слова рассказа и есть ответ на вопрос, поставленный в названии. Но ведь писатель спрашивал о человеке («Много ли *человеку* земли нужно?»), а ответ дан — о *трупе*.

Этот ответ и вызвал возражения, в частности, А. П. Чехова, который в рассказе «Крыжовник», явно имея в виду Л. Толстого, писал: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли, но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку... Человеку нужны не три аршина земли... а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Порою от перемены названия произведения меняется и его идея. Рассказ Л. Н. Толстого «После бала» в первоначальном варианте назывался «Дочь и отец». В этом случае на первый план выступал контраст между хорошей дочерью и дурным отцом, как бы противопоставлялись два поколения. Совершенно иначе осмысливается рассказ, названный «После бала». Контраст и в этом случае налицо, но теперь он куда глубже. Вечером, на балу, все было хорошо и все были хороши, мила была дочь и мил был отец. А на рассвете... под командой отца-полковника прогоняли сквозь строй и нещадно, под барабанный бой истязали шпицрутенами солдата. Командиру показалось, что чей-то удар недостаточно силен, и он с яростью обрушился на жалостливого: «Я тебе смажу...». Теперь название «После бала» означает, говоря ленинскими словами, «срывание всех и всяческих масок», разоблачение Толстым показной, «бальной жизни». Оно стало сатирическим, исполненным сарказма.

Название рассказа в форме вопроса у Л. Толстого нередко, например: «За что?», «Чем люди живы?» и другие. Таковы и наименования романов А. И. Герцена «Кто виноват?» и Н. Г. Чернышевского «Что делать?». И Герцен и Чернышевский — русские просветители и революционные демократы, но отражают они в своих произведениях разные стадии развития революционного движения. Соответственно этому для Герцена еще актуален вопрос «кто виноват?», а для Чернышевского ответ на него уже вполне ясен, для него актуальнее другой вопрос — «что делать?».

И примечательно, что В. И. Ленин дал своему известному труду то же название, что и Чернышевский, при этом уже не только спрашивая, а и рекомендуя — что делать.

Бывает, что иносказательный смысл названия существеннее прямого. «Мертвые души» Н. В. Гоголя названы так, разумеется, потому, что Чичиков скупает умерших крепостных, но куда более значимо, что Собакевич, Манилов, Плюшкин, Ноздрев, Коробочка и другие — сами мертвые души, хотя и «числятся живыми».

Двузначно, полагаю, и название произведения М. Горького «Дело Артамоновых». «Дело» имеет несколько значений, среди них и то, которое относится к этой повести: дело Артамоновых — это прежде всего их коммерческо-промышленное предприятие. Но «дело» имеет еще и значение судебного разбирательства, судебного процесса (ср. «Дело» А. В. Сухово-Кобылина): писатель вершит суд над Артамоновым, над всем «делом» их жизни.

Весьма значимо и название цикла стихотворений А. Блока «Ямбы». Стандартный стихотворный размер ямба, как известно, у

поэтов не в большой чести. Еще Пушкин писал:

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить.

Домик в Коломне

Но Блок в слово *ямбы* вложил иной смысл: в древней Греции и в Риме ямбами писали стихи сатирические, исполненные гражданского негодования, например, стихи греческого поэта Архилоха и римского — Ювенала. Вот на этот-то «бич ямба» и указывает Блок.

Иносказательны, конечно, и названия романов: «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Железный поток» А. С. Серафимовича, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского. *Цемент* понимается как связь дружбы, спайка товарищей в общем деле; *железо* и *сталь* — мощь человеческого духа, стойкость и мужество революционера. Это тот же образ, которым оперируют Н. С. Тихонов, когда в «Балладе о гвоздях» рисует несгибаемых воинов, участников гражданской войны:

Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.

И В. В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин»:

Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.

Интересно и остроумно название стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче». Поэт рассказывает, как, глядя на солнце, каждый день восходящее и заходящее, он обратился к нему:

Чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы.

И солнце послушалось, зашло и сказало:

Ты звал меня?
Чаи гони...

И меж поэтом и солнцем начинается разговор. Не останавливаясь на нем, заметим лишь, что это ч а й н о е приключение рассказано поэтом в стихотворении, которое называется «Необы ч а й н о е приключение». В названии — ключ к его пониманию: приключение поэта — не обычное, домашнее, чайное, а н е о б ы ч а й н о е. Вот почему Маяковский, услышав однажды чтение этого стихотворения без заглавия, крайне разгневался: без него пропали острота и «соль» стихотворения.

Интересно и заглавие другого стихотворения — «Мелкая философия на глубоких местах». Стихотворение это, хотя и со многими (как часто у Маяковского) каламбурами, по существу очень груст-

ное. Поэт едет по морю и думает:

Я родился,
рос,
кормили соскою,—
жил, работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

Да, это, конечно, очень грустно, но мужественные поэты не любят показывать в стихах минорные настроения. Так, Пушкин писал:

Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость:
Оставим это,— сделайте мне милость!
Домик в Коломне

И о том же — в стихотворении «К Овидию»:

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их.

А Маяковский в стихотворении, посвященном Пушкину («Юбилейное»), говорит:

Нет, не навяжусь меланхолишкой черной...

и, как бы извиняясь за свои грустные раздумья, аттестует их как «мелкую философию».

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить. Но и приведенных, полагаю, достаточно, чтобы убедиться, что в художественном призведении значимы не только его основные компоненты — идея, тема, композиция, развитие действия, психология героев, но и то, на что часто не обращают внимания: название произведения, эпиграф, имена героев и все те подробности, без которых, казалось бы, можно обойтись. На самом деле, не замечая их, мы теряем при чтении многое, подчас очень существенное: отметая «подробности», мы рискуем упустить и главное.

Изменение всего лишь одного слова в названии может исказить его смысл. Так, из-за резолюции Николая I, гласившей, что у злодея не может быть истории, в течение почти века пушкинская «История Пугачева» была известна с искаженным названием — «История пугачевского восстания».

Читатели, как и книги, конечно, бывают разные: одни читают книги от доски до доски, другие — от тоски до тоски, но во всех случаях справедливо изречение античного писателя и ученого Плиния Старшего, что нет такой плохой книги, из которой нельзя было бы извлечь что-нибудь хорошее. Но, разумеется, при условии, что сам читатель — хороший. А хороший читатель внимателен ко всякой художественной детали. Чтобы понять говорящего, следует не только его выслушать до конца, но, что не менее важно, и с самого начала. Так и в отношении к чтению: не следует пренебрегать тем, с чего каждое произведение начинается, — его названием.

Профессор М. С. АЛЬТМАН
Ленинград

НАИМЕНОВАНИЯ ЦВЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII-XIX в.в.

Цветовые оттенки в русском языке обычно выражаются именами прилагательными: голубой, пепельный, медовый, оранжевый, изумрудный, сиреневый, вишневый, лазурный, молочный, фисташковый... Однако существуют и другие способы их передачи. В середине XVIII — начале XIX века в результате переводов соответствующих французских цветообозначений в русском языке появились сочетания слова *цвет* с именем существительным: цвет змеиной кожи, кофе с молоком, слоновой кости, увядшего листа. Эта структура не знала никаких ограничений, что позволяло передавать самые разнообразные окраски.

Широкой употребительности новых цветообозначений способствовало то, что со второй половины XVIII века в моду вошли блеклые, оттеночные, смешанные тона, для обозначения которых еще не выработалась соответствующая система прилагательных. Колорит нового времени — в тонких, еле уловимых глазом оттенках, в радужных полутонах в отличие от контрастов густых горячих ярких красок, которые предпочитала старина. Красильщики были озабочены правилами, «как составлять смешанные краски различных и особливо модных цветов» (И. Майер. Искусный эконом. М., 1819). Не только в костюмах, но и в фарфоре, кампях, коврах преобладали полутона: женское «пригожество» прежде составляла румяная белизна; теперь румяна были изгнаны; в моду вошла «интересная бледность».

Французский язык имел уже к этому времени широко разветвленную систему наименований, приспособленную для обозначения самых утонченных окрасок. Она была вызвана не только потребностями производства и моды, но и живейшим интересом, проявлявшимся в это время к живописи, цвету, его нюансировке. В середине XIX века, когда это разнообразие красок было уже в прошлом, в «Дневнике» Гонкуров появляется характерная за-

нись: «Видел у оценщиков на аукционе коллекцию платья XVIII века, цвета — „серый“ и „голубиное горло“, „розовый дождь“ „кака дофина“, наконец, *цвет опаловая безнадежность* и *брюшко блохи в приступе молочной лихорадки*,— во всем этом множество тонких отливов, веселых и приятных глазу, игривых, певучих, кокетливых, радостных. Мир с самого момента его основания никогда не испытывал необходимости одеваться в черное, постоянно носить траур. Это изобретение XIX века. А XVIII век бегал пальцами по всей гамме цветов, вверх и вниз; он облачался в солнце, в весну, в цветы, он предавался игре жизни среди безумства красок».

Влияние французского языка в области цветовых наименований распространилось и на ряд языков: не только для России, но и для всей Европы Париж был бесспорным законодателем вкуса. В этом смысле некоторые цветообозначения как отражение известных установок моды были интернациональны, то есть французские слова и выражения употреблялись без перевода и транслитерации. У Ф. Шиллера в «Коварстве и любви»: «Президент: Можете несомненно сообщить мне какую-нибудь важную новость? Гофмаршал (серьезно, после некоторого молчания): Его высочество сегодня в бобровом кафтане *цвета merde d'oie* [гусиного помета]».

В России новые, смешанные оттенки цветов получили главным образом в «дамском» языке самые причудливые наименования (перифрастичность вообще была признаком «эстетически приятной речи»): цвет коровьего хвоста, морского рака, парижской грязи, лапьего чрева (телесно-розовый), сапожных отворотов, свежего коровьего масла, голубиного горла (блекло-розовый), гисновой кожи, драконовой крови (ярко-красный). В «Северной пчеле» за 1841 год (№ 196) об увлечении такими цветообозначениями пишут уже как о комическом эпизоде. В отделе «Смесь» приводят такие примеры из «одной старой книги»: цвет испуганной мыши (нежно-серый), влюбленной жабы (зеленовато-серый), мечтательной блохи и паука, размышляющего о преступлении; нежно-серый получил также название *розового пепла*. Л. Н. Толстой, изображая в «Войне и мире» светское общество начала XIX века, нарядил Ипполита Курагина в панталоны цвета cuisse de nymph effrayée (бедра испуганной нимфы) — совсем во вкусе времени; А. Н. Толстой в романе «Петр I» княжну Антониду Буйносову в «робу» цвета «незабвенный закат», Саньку Волкову — в пышные юбки *цвета фрезекразе*. Однако взятые им в целях исторической стилизации цветовые характеристики возникли не в Петровскую эпоху, а несколько позднее.

В салонной речи конца XVIII — начала XIX века бытовали наименования «меланхолических» окрасок: сладкая улыбка, нескромная жалоба, заглушенный вздох, совершенная невинность. Вот описание дамского убора XVIII века, процитированное в «Северной пчеле»: «Голова госпожи N убрана была постоянными чувствами; на ней надет был чепчик верных побед, украшенный ветряными перьями и лентами *цвета потупленных глаз*; на плечах у нея была косынка *цвета новоприбывших особ*; сзади Медичи, оправленная в благопристойность с опаловым отчаянием; муфта минутной страсти».

Большинство наименований присваивалось цветам по каким-то внешним, случайным признакам; поводом к появлению новых цветообозначений были герои и героини французских модных романов и совершенно незначительные события парижской жизни. Ассоциативные связи, устанавливаемые

между предметом и его окраской, были зыбки и быстро распадались; одни названия сменяли другие, не продержавшись в употреблении порой и года.

В 1801 году появился *цвет турецкой лазури,* в 1802 — *цвет негритянской головы,* в 1803 — «кафтаны *цвету винных дрожжей,* несколько темноватого» и «атласы белой и *цвета дикой козы* (chamois)» («Московский Меркурий», 1803). В 1804 году появился *цвет флорентинской бронзы* и *темного трубочиста;* в первое десятилетие XIX века особый оттенок зеленого, бытовавший при консуле Бонапарте, назывался *зеленым придворным* (он «немного ярче так называемого английского зеленого»,— писал журнал «Московский телеграф»). В конце Первой империи был моден цвет *синий наполеоновский* (позднее — cendre Napoléon *цвет наполеонова пепла*), в 1819 году — *цвет индейских глазков.*

Особенно много описательных цветовых характеристик появляется в 20-е годы: цвет бронзовой брони (зеленый с фиолетовым отливом), молодого нелинявшего попугая, лондонского дыма (оттенок бронзового), рождающегося чижика, норвежского моха, испанского табака (оттенок розового), коринфского винограда, русской зелени, райской птички, мальтийского померанца, куропаткина глаза (светло-красный), вулкановых сетей (оттенок горохового), одинокого камыша, везувийской лавы, зеленого чудовища, байронова плаща (красновато-коричневый), пламени базара — «в память пожара, недавно истребившего в Париже обширное строение, называемое Базаром» («Московский телеграф», 1825, № 9), балканской земли, медвежьего уха (темный с красным отливом) (см. у Гоголя: «В довершение всего *фрак на нем [Собакевиче] был совершенно медвежьего цвета»,*— это не только деталь характеристики, но и намек на бытовавший некогда цвет), наваринского дыма (коричневый), наваринского пепла (мышиный цвет). В 1827 году египетский султан прислал Карлу X огромного жирафа, зверя, ранее не виданного в Париже, и тотчас же появились шляпы а-ля-жираф и окраски: цвет желтого жирафа, желто-жирафовый и др.

В 30-е годы XIX века число описательных цветовых характеристик несколько сокращается, но возникающие вновь так же причудливы и прихотливы. Мода диктовала блеклые и пестрые окраски: «Кстати: платья гладких цветов и белые совершенно исчезли, и которая дама не довольно пестра, та и не обращает на себя ни одного лорнета,— та несчастна и погибла на все лето»,— полушутливо, полусерьезно писал журнал «Библиотека для чтения» в 1834 году.

Среди новых характеристик: цвет распускающихся древесных почек, майского жука (темный с золотым отливом), вороньего глазу, розовый Де-

... главный характер нашего языка состоит из чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», критик негодования искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

А. И. Герцен. 1851. *Былое и думы*

тей Эдуарда (розовый с лиловатым отливом), зеленый непостижимый, дубовой золы, парнасской розы (розовый с фиолетовым отливом), кротовой кожи и др. В 40-е годы необычные цветовые характеристики уже малочисленны: цвет индийской бронзы, пыльной смородины; старые наименования почти забыты.

Русская художественная проза — интереснейший комментатор подобных речевых употреблений. Она отразила этот причудливый язык, которым пренебрегала поэзия и почти не использовала научная и деловая литература, предпочитавшая устоявшиеся наименования. У Герцена упомянут «цвет давленой клубники» (Записки одного молодого человека); Чичиков просил в лавке сукон «с искрой оливковых или бутылочных, приближающихся, так сказать, к бруснике» и «притом больше искрасна, не к бутылке». Гоголь — блестящий бытописатель своей эпохи — сознательно пародировал зыбкие цветовые характеристики, бывшие языковой приметой времени. К середине XIX века использование такого рода сочетаний как примета изысканного перифрастического стиля почти выходит из употребления. Однако конструкция, усвоенная для выражения различных оттенков, обращенная первоначально к иноязычной модели, становится привычной в русском языке. Таким образом, в русском языке создается еще один способ выражения цветовых качеств.

Постепенно такие цветообозначения начинают широко использоваться наряду с обычными прилагательными (цвет морской волны, чайной розы, вороньего крыла, мокрого асфальта, слоновой кости).

Их предпочитают писатели с обостренным чувством цвета. Только зоркость одного из тончайших колористов нашей литературы — И. А. Бунина — могла породить такие характеристики, как: актер с лицом цвета замазки; глаза, дерзкие и пёстрые, цвета пчелы; шея цвета мумии; колена цвета раковины; юбка цвета куропатки. Известно, что Бунин предпочитал такие наименования общеупотребительным, устойчивым. В «Господине из Сан-Франциско» фраза «На фоне голубого моря» была исправлена: «На фоне моря цвета незабудок» — вторая, несомненно, живописнее и тоньше передает нужный оттенок.

Наконец, описательные цветообозначения — средство яркой сатирической характеристики и всякого рода образных переосмыслений: «Продаются мужские костюмы. Фасон один. Мы уже описали его в начале рассказа. А цвета какие? О, огромный выбор цветов! Черный, черно-серый, серо-черный, черновато-серый, серовато-черный, грифельный, аспидный, наждачный, цвет передельного чугуна, коксовый цвет, торфяной, земляной, мусорный, цвет жмыха и тот цвет, который в старину называли «сон разбойника» (Ильф, Петров. Директивный бантик); «Он был в несколько эстрадном пиджаке *цвета кафе о-лэ*, и брюках *цвета шоколада о-лэ*, и в ботинках *цвета крем-брюле* при винно-красных шерстяных носках» (В. Катаев. Святой колодец).

Л. М. ГРАНОВСКАЯ

Культура речи

1 «Ию нана си знают»

Второй номер журнала «Русская речь» за 1968 год познакомил нас со статьей кандидата филологических наук М. М. Михайлова «О благозвучии русской речи». Она представляет интерес не только для языковедов, но и для того круга людей, профессия которых в той или иной мере связана со звучащим словом. Однако, анализируя звуковую сторону нашей речи и причины, ограничивающие ее фонетическое богатство, музыкальность, ритмичность, автор не затронул весьма важный, на наш взгляд, вопрос о фонетической организации разговорной речи, которую каждый из нас постоянно слышит в быту.

Ию нана си зна́ют (Ее, наверное, все знают). Эта фраза записана нами в ленинградском Дворце пионеров на занятиях кружка художественного слова. Ее произнесла ученица шестого класса. Слова прозвучали слитно, единым потоком. Впоследствии эта фраза неоднократно предлагалась различным лицам «для расшифровки», но ни разу никто этого сделать не сумел, хотя воспроизводилась устно и имела такое же звучание, как и в оригинале. Тем не менее дети, присутствовавшие на занятиях, обратили внимание на исковерканность слов только после того, как по просьбе преподавателя фраза была повторена девочкой дважды.

Наблюдение за речью детей позволяет утверждать, что бытовая речь школьников крайне неблагозвучна, на нее следует обратить специальное внимание, ее необходимо воспитывать.

В кружке художественного слова, где мы «поймали» злополучную фразу, был заведен речевой дневник. Назначались дежурные, которые записывали в дневник услышанные ими по ходу занятий изувеченные слова, «перевод» к ним, а также имя и фамилию «автора». Вот некоторые примеры:

чек, чилэ́эк — человек
де́чки — девочки
ма́чики — мальчики
сю́ня, се́ня — сегодня
сваре́ние, стваре́ние, стихтваре́ние — стихотворение
сюре́мя, сёре́мя, сьре́мя — все время
панра́с — понравилось
пе́р ра́с — первый раз
ра́зи — разве
ны́чит, зы́чит — значит
ваще́, пще́ — вообще

óщим — в общем
дисúна — действительно
изúнь пжáста — извините, пожалуйста
нóт — ну, вот
тýшта я — потому что я
тóк тадá — только тогда
сшéна, шéна — совершенно
накэ́цта — наконец-то
крáс — как раз
пчу — почему
анú астылись — они остановились
ска — сказал
дрась — здравствуйте

Созданы в устной речи несколько вариантов глагола *говорить*: говорю́, гаврю́, гаирю́, гарю́, гу. В потоке речи можно встретить и такие разновидности этого глагола, как *я ирю*, *вы гавыти*.

Сначала многие ошибки дети не замечали, преподавателю приходилось обращать их внимание на речевую небрежность. Но постепенно слуховое восприятие звучащей речи развивалось у детей, и они начинали сами слышать ошибки в произношении товарищей, а затем и свои собственные, что представляет наибольшую трудность. Ребята обычно живо реагировали на всевозможные речевые «сюрпризы», которые им невольно преподносили товарищи. Обнаруженные «инвалиды» сразу становились предметом коллективного обсуждения. Эти до неузнаваемости изувеченные слова мы как бы реставрировали, возвращали принадлежащую им по праву красоту и звучность, горячо разделяя мнение К. С. Станиславского о том, что «живое слово имеет свое определенное лицо и должно оставаться таким, каким создала его природа» (Работа актера над собой. М., 1951).

В классе появились плакаты со словами К. С. Станиславского: «Слово со скомканным началом подобно человеку с расплющенной головой. Слово с недоговоренным концом напоминает... человека с ампутированными ногами» и «Когда у некотрых людей от вялости или небрежности слова слипаются в одну бесформенную массу, я вспоминаю мух, попавших в мед, мне представляется осенняя слякоть и распутица, когда все сливается в тумане» (там же).

Приводились ребятам слова и Б. Шоу из пьесы «Пигмалион»: «Вспомните, что вы — человеческое существо, наделенное... божественным даром членораздельной речи!.. и перестаньте квохтать, как осипшая курица».

Детям было предложено искать высказывания выдающихся деятелей культуры и классиков русской литературы о богатстве, красоте и звуковом многообразии нашего национального языка. Хотелось, чтобы мысли крупнейших знатоков русского языка, их отношение к языку, ощущение его звуковой природы нашли отклик в сознании детей, вызвали в них потребность более внимательно и бережно относиться к своей речи, к фонетической стороне слова. По грамзаписям они знакомились с творческими портретами выдающихся мастеров нашего театра — Качалова, Хмелева, Тарханова, Книппер-Чеховой, Тарасовой, Коонен, Степановой, Щукина, Яхонтова и др. Это давало им возможность услышать образцовую русскую речь, услышать в звучащем слове удивительное богатство русского языка, о сохранении и развитии которого

говорили истинные ценители нашей национальной языковой культуры. Несовершенство собственной речи представлялось им более наглядно.

Трехлетнее наблюдение за устной речью детей, наблюдение за развитием речевого слуха позволяют утверждать, что дети способны ощущать тончайшие фонетические оттенки окружающего их речевого многообразия. Надо воспитывать, тренировать слуховое, восприятие, научить их не только ощущать бесконечное богатство живой русской речи, но и дорожить этим богатством, чувствовать ответственность за благозвучие живого слова.

Институт художественного воспитания АПН СССР 25—30 марта 1968 года провел в Москве конференцию по вопросам развития музыкального слуха и певческого голоса детей. На конференции обсуждался вопрос о воспитании у детей музыкального слуха и музыкального восприятия. Отечественные и зарубежные ученые и педагоги представили интереснейшие доклады. Было бы правильно так же широко разработать проблему культуры устной речи детей и обратить особое внимание на воспитание слухового восприятия речи взрослыми. Речь детей, как в зеркале, отражает те неправильности, которые широко распространены в устной речи взрослых. Вот примеры:

Вы на се́щей бу́ти выхы́ть?	— Вы на следующей будете выходить?
Вы ща выхо́ити?	— Вы сейчас выходите?
Эта нэ ске́мыть спу́тали	— Это, наверное, с кем-нибудь спутали
Мот я нипра́льна гаврю́	— Может, я неправильно говорю
Ва всям чу́и	— Во всяком случае
Вспо́ил ка́я кни́га	— Вспомнил, какая книга
Я ду́л ты ска́л пра́вду	— Я думал, ты сказал правду
Он ду́ит ты шу́тиш	— Он думает, ты шутишь
Дава́ дива́ся; ди́ дива́ся	— Давай одевайся; иди одевайся
Ну ить ху́жи не бу́ит	— Но ведь хуже не будет
Сы саи́ми хазя́ими	— Со своими хозяевами

Слова, которые слышат и повторяют дети, иногда искажаются до неузнаваемости:

оказывается — акатца, акасца, ака́ца
наверное — нае́на, не́на, на́на
посмотри, смотри — памари́, пасари́; сари́, смари́, сы
все равно — сирано̀, сёно̀, сно, сёрно̀, сино̀, сано̀, фсёрно̀
все равно как — сыно́ка́к, сно́ка́к
потому что — пу́ шта, му́ што, ту́ шта, паму́ шта, пату́ шта

Варианты слова *понимаете* особенно разнообразны: пама́ити, паня́ити, па́ити, ма́ити, па́ти, ма́ти, а́ти, ы́ти, пы́ти, пя́ти, пя́а, пэ́. Слова *дедушка* и *девушка* в устой речи чаще всего звучат одинаково: де́шка.

Количество таких звукосочетаний, заменяющих настоящее русское слово, беспредельно. Это пагубно отражается на звучности нашей речи, ее музыкальности и ритмичности.

Г. В. Кристи, кандидат искусствоведения, в статье «Культура слова в театре» («Русская речь», 1967, № 4) пишет: «Сопоставляя разговорную речь представителей старшего и младшего поколений, нетрудно убедиться в том, что, например, чеховский герой говорил иначе, чем наш современник, с точки зрения ритмики, мелодики и динамики речи, не говоря уж о лексических тонкостях». Естественно, что возросший ритм нашей жизни влияет и на живое слово. Темп речи резко возрос, информационная сторона ее приобрела в быту первостепенное значение.

Исследования показали, что «для опознания слова вовсе не обязательно воспринять все составляющие его звуки. Это явление объясняется большой избыточностью информации, которую несут знакомые нам слова» (В. П. Морозов.— «Музыкальные кадры» [газета Ленинградской консерватории]). Таким образом, понятно, почему возможно само возникновение искажений русского слова, и почему «закодированные» слова, приведенные выше, все-таки воспринимаются, опознаются нами.

В связи с этим иногда приходится слышать даже возражения против очищения, облагораживания речи: «Ведь все равно все понимают, что я говорю!». Согласиться с подобной точкой зрения нельзя.

«Необходимо найти пути для того, чтобы язык, понятный для всего общества и единый для всех его членов, мог наилучшим образом осуществлять свои задачи как орудие общения, как орудие борьбы и развития общества»,— писал С. И. Ожегов («Вопросы культуры речи». М., 1955).

Невозможно представить себе, чтобы звуковое богатство языка перестало быть одним из основных свойств нашей речевой культуры.

«Не для того жили и писали на изумительном русском языке Пушкин и Лев Толстой, Горький и Чехов, чтобы их потомки утратили чувство языка» — эти слова К. Г. Паустовского, требовавшего очищения нашей речи от «тошнотворной и мертвой мешанины из плохо переваренной иностранщины и языка протоколистов» в неменьшей степени относятся и к нашим примерам искажения фонетической природы слова.

На наш взгляд, в современной устной речи наблюдаются следующие явления: 1) сокращение длительности гласных; 2) выпадение из слов в потоке живой речи отдельных звуков и целых звукосочетаний.

В результате сокращаются временные промежутки между ударными гласными, нарушается ритм, свойственный подлинной русской речи. Сокращение длительности гласных уменьшает звучность и мелодичность речи, ограничиваются тональные вариации речи, она становится «стучащей», монотонной. Выпадение звукосочетаний из слова разрушает фонетическую природу, а зачастую калечит и смысл слова.

Наблюдения за детьми и студенческой молодежью позволяют

сказать, что школа в большом долгу перед ними. Многие годы обучают школьников правилам грамматики и очень мало обращают внимание на культуру устной речи. «Чувство языка» не становится предметом воспитания в необходимых масштабах. Вузы, готовящие преподавательские кадры, должны обратить на это самое пристальное внимание. Надо, чтобы учителя могли услышать и исправить речь своих воспитанников.

На помощь школе должны прийти театр, радио, кино, телевидение. А кстати, там культура слова не находится на должной высоте. Одна из причин такого положения вещей состоит в том, что речь поступающей в театральный институт молодежи тоже, как правило, низкого уровня (многие примеры, приведенные выше, взяты из речи студентов театрального вуза), а время, выделенное для занятий сценическим произношением крайне ограничено. Овладеть всеми его элементами, а также воспитать слуховое восприятие речи студентам удается не всегда. Поэтому довольно часто молодой режиссер «глух» к слову, он не слышит речевой неряшливости, которая «вытаскивается» актером на сцену. Режиссер добивается от актера органического существования на сцене, естественности его речи, необходимой для современного спектакля. Но естественность произношения на сцене — большое искусство; зачастую молодой актер владеет им слабо. Речевые рефлексы, усвоенные ранее, одерживают верх над навыками, приобретенными в вузе, и на сценической площадке звучат «растерзанные и изувеченные» слова, актер не чувствует фонетики своего текста. Режиссер, создатель спектакля, не замечает этого, и театральная речевая культура снижается до уровня бытовой разговорной речи.

По-настоящему подготовленные актеры и режиссеры помогут советской школе поднять культуру звучащей бытовой речи, которая является одним из важнейших признаков, определяющих общую культуру человека.

Профессор Г. О. Винокур писал в статье «Из бесед о культуре речи»: «...Правильная, чистая речь есть признак правильного общественного поведения, свидетельство высокой гражданской сознательности, в конце концов — добродетель, в том высоком значении этого понятия, какое оно имело, например в античности... Люди, много и осмысленно читающие, любящие книгу, литературу, почти никогда не испытывают орфографических мучений даже и в том случае, если не помнят соответствующих школьных правил. Они усваивают орфографию вместе с воздухом общей культуры. Для них правильное письмо — дело инстинкта, а не школьной памяти. Именно инстинктом, „второй натурой“ и должна стать правильная речь для полноценного гражданина, носителя и деятеля культуры».

Г. В. КОМЯКОВА,
преподаватель сценической речи
Ленинградского института театра,
музыки и кинематографии

2 Ошибки в произношении иностранных слов

Один из пунктов анкеты, опубликованной в № 1 за 1967 год, предлагал назвать наиболее распространенные ошибки в устной и письменной речи. Большинство читателей пишут о произношении твердого согласного звука перед гласным *е* [э] (в квадратных скобках даны звуки. См. об этом: Н. А. Еськова. Звуки и буквы.— «Русская речь», 1967, № 4). При этом в одних ответах указывается на явление в целом, в других — приводятся конкретные, неверно, по мнению автора ответа, произнесенные слова. Вот они:

агре́ссия [рэ], аккордео́н [дэ], зоотéхник [тэ], пане́ль [нэ], пионе́р [нэ], пионе́рия [нэ], пионе́рский [нэ], проéкт [эк], се́рдце [сэ], темп [тэ], шинель [нэ].

(Некоторые из этих слов часто повторяются в разных письмах.) Слова, извлеченные из писем, с точки зрения произносительных норм русского литературного языка неоднородны. Это обстоятельство заставляет нас дать специальную лингвистическую справку. Она касается двух вопросов: 1) одинаково ли произношение всех этих слов по орфоэпическим нормам русского литературного языка? 2) каковы причины произносительных ошибок в них?

Все слова в этом списке (кроме слова *проект*) в фонетическом отношении объединены следующей особенностью: наличием звука [э] после согласного. Самое общее фонетическое правило об этом гласит: в русском литературном языке в отличие от европейских и некоторых славянских языков (например, очень близкого к нам украинского) согласные звуки перед *е* [э] произносятся мягко.

Исключение составляют лишь слова иностранного происхождения. Заимствования в одних случаях сохраняют звучание, бывшее у них в языке-источнике, в других — подчиняются фонетическим законам русского языка. Процесс звуковой ассимиляции заимствованных слов сложен и противоречив. Обычно бывает так: чем слово раньше заимствовано, чем чаще оно употребляется, тем оно больше в своей фонетике приблизилось к русскому языку. Но так бывает не всегда. Например, слово *пане́ль* зафиксировано еще в Лексиконе 1762 года, но до сих пор его произношение не установилось. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова (1939) рекомендует произносить *панель* с твердым *н* [нэ] лишь в специальном значении: *панель из орехового дерева,* а в трех других значениях с мягким *н* [не *нэ*!], словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1960) не рекомендует произносить его с твердым *н* [не *нэ*!]. По наблюдениям М. Я. Гловинской, из 40 случаев употребления слова *панель* 37 — с твердым *н* [нэ], 3 — с мягким *н* [н' э].

А вот слово *аккордеон* — совсем новое в русском языке, его даже нет в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (т. 1. М.— Л., 1950), и тем не менее оно произносится с мягким *д* [д'э]. Слово *тёмп* отнесено М. Я. Гловинской к разряду частых, и оно последовательно сохраняет *т* твердое [тэ].

В приведенном выше списке все слова (кроме *сёрдце)* заимствованы из европейских языков и такие, как, например, *академия, аккордеён, зоотёхник, пионёр* (и его однокоренные), *шинёль,* полностью подчинились звуковым законам русского языка, поэтому в них надо произносить согласный перед *е* [э] мягко. Другие до сих пор сохраняют фонетический облик языка-источника: *темп* [тэ!], и, наконец, произношение третьих пока еще колеблется в живом употреблении (агрёссия, панёль), что и отражено в справочных пособиях.

В нашем списке встречается слово *проект*. В настоящий момент его произносительная норма — *проэкт* [э]. Стабилизация такого произношения встречает известное сопротивление, которое обусловлено двумя диаметрально противоположными причинами.

С одной стороны, оно идет из языка-источника: слово *проект* происходит от латинского projektum, где перед [э] был согласный — всегда мягкий звук «йот» — j (см. статью Н. А. Еськовой). При заимствовании слова звук j долгое время сохранялся в произношении, чему способствовало и написание *проект* (через *е*). До сих пор такое произношение остается в речи очень многих интеллигентов (преимущественно старшего поколения). Интересные данные об этом приведены в заметке Л. К. Максимовой «употребление букв *э, е* после гласных в заимствованных словах» (сб. «О современной русской орфографии». М., 1964).

С другой стороны, возможность произношения слова *проект* [е] может возникать в результате приспособления его к исконно русской произносительной системе, и наблюдается оно, наоборот, у лиц, не владеющих нормами литературного языка. Русскому языку несвойственно соседство двух гласных. Все слова, которые содержат в корнях такие сочетания, заимствованы: боа, вуаль, геология, гигиена, диета, *зоология, стюардесса,* тротуар, пенюар и т. п. Поэтому сочетания двух гласных обычно разрушаются (например, иноязычное сочетание *ио* в слове *радио* в диалектной, ненормированной речи развило междугласный звук [в]: *радиво*). В слове *проект* (звучащем как *проэкт*) соседство *оэ* преодолевается за счет развития в нем вставного j, благодаря чему и создается произношение *проjэкт*.

Из всего изложенного вытекает парадоксальный вывод: произношение слова *проект* [е] может быть либо показателем высокого, книжного произношения (в речи интеллигентов старшего поколения), либо свидетельствовать о недостаточной грамотности говорящего.

Таким образом, одна из возможных причин ошибочного произношения связана с судьбой заимствований в русском литературном

языке. Произношение твердого согласного перед *е* [э] в приведенных словах можно объяснить и влиянием украинского языка (акадэ́мия, зэ́ркало, сэ́рдце, пионэ́р и т. п.). Именно об этом и свидетельствуют многие читательские письма. В одном и том же ответе объединены примеры ошибок на произношение согласного перед *е* [э] в словах (приведем эти ответы так, как они даны самими авторами): пионэ́р, шинэ́ль, панэ́ль (актриса из Ленинграда); шинэ́ль, сэ́рдце (телеграфистка из Москвы); пионэ́р, проэ́кт (доцент из Новозыбкова); аккордэон, пионэры, тэми (ученица 8-го класса из Ленинграда). Эти примеры, дифференцирующиеся, как мы видели выше, в русском литературном произношении и, наоборот, совпадающие в украинском языке, свидетельствуют о том, что авторы ответов, по-видимому, имеют в виду отклонения от норм русского литературного произношения, возникающие под влиянием украинского языка.

В заключение укажем правильное произношение разобранных в нашей заметке слов:

агре́ссия [рэ] и [р'э], акаде́мия [д'э], аккорде́он [д'э], зоотехник [т'э], пане́ль [нэ] и [н'э], пионерия [н'э], прое́кт [эк], се́рдце [с'э], те́ми [тэ], шине́ль [н'э].

Т. С. КОГОТКОВА
Москва

Стилистические синонимы

В современных толковых словарях русского языка значение слова *синоним* определяется как «тождественное понятие». Видимо, не без влияния его получили распространение так называемые «авторские», «индивидуальные», «контекстуальные», или стилистические синонимы. Напомним известный пример из третьей главы «Мертвых душ», где платье Чичикова на одной странице именуется и «кафтаном», и «сбруей», и «мокрыми доспехами». Эти *стилистические синонимы* связаны один с другим не непосредственно, а через некое общее понятие: «То, что надевается на тело».

Со стилистическими синонимами несомненно роднятся слова, обозначающие понятия какой-либо категории (рода, вида, подвида и т. п.), когда во избежание тавтологии их приходится заменять в тексте: слово *береза* можно заменить на *дерево, растение* и даже *предмет*.

Сюда примыкают объединения слов с нарастающей (или уменьшающейся) степенью абстракции (например: чаша — посуда — сосуд — емкость) и сходные слова, собираемые «в цепочку», чтобы усилить, выделить какой-либо признак. Этот прием называется

градацией: слова группируются в порядке повышающейся или понижающейся смысловой или эмоционально-экспрессивной значимости, например у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах»: «Фу ты, пропасть, какие смушки!.. Описать нельзя: бархат! серебро! огонь!», и наоборот: в «Клопе» В. В. Маяковского *селедка* сперва именуется «килькой», потом «шпротом-переростком», «маринованными корсетными костями» и даже «улиткой».

К градации примыкает и другая стилистическая фигура — амплификация, то есть расширение представления о чем-либо при помощи сходных определений, сравнений, расположенных с нарастанием экспрессивности: в очерке А. Кривицкого «Чернильный прибор» — «Вся эта буря, этот дикий самум, смерч, разразившиеся в зале, схлынули, утихли так же внезапно, как и начались».

Надо полагать, что и такие стилистические фигуры, как антономазия, перифраза, персонификация, также относятся к области стилистических синонимов. А весь круг перечисленных языковых явлений можно объединить категорией «синонимической ситуации». Об этом в статье «Синонимия и контекст» пишет Т. Г. Винокур: «... в качестве членов синонимической ситуации в одинаковой роли выступают: разнопредметные и однопредметные синонимы, тождественные или только сходные по значению слова, стилистически разноплановые и одноплановые, общеупотребительные переносные значения и их индивидуальное применение, поэтические тропы и т. д.» («Вопросы культуры речи.» V. М., 1964).

Все сказанное выше необходимо иметь в виду, когда мы рассматриваем некоторые, не совсем обычные примеры со словом *русский:* «Русские солдаты разгромили фашизм», «Русские баскетболистки стали чемпионками Европы». А разве в разгроме фашизма не участвовали также солдаты — представители других национальностей нашей страны? Верно ли, что сборная баскетбольная команда СССР состояла исключительно из русских девушек? Слово *советский* тут приравнено к слову *русский*, но соответствует ли такое уподобление нормам современного русского литературного языка?

Утверждают, что слово *русский* стало употребляться в устной речи и в печати вместо *советский* с середины 50-х годов. Один лингвист даже пытался найти причину такого, на его взгляд, неточного словоупотребления. Это, мол, влияние зарубежной прессы и радио, контактов с иностранными студентами, туристами, спортсменами, артистами и т. д.: за рубежом для многих СССР — все еще Россия, а все советское — русское (см. заметку Эр. Ханпира «Об одном неточном словоупотреблении». — «Вопросы культуры речи».VI. М., 1965).

С этим утверждением никак нельзя согласиться. Ведь такое словоупотребление было уже широко распространено во время Великой Отечественной войны. Вот несколько примеров из произве-

дений выдающихся наших писателей: «Курская битва была ясным доказательством того, что немцы более не в силах наступать, что русские солдаты и их оружие сильнее, ловчее, отважнее немецких солдат с их вооружением, что русские генералы умнее немецких генералов и русская военная наука более передовая, чем немецкая» (А. Толстой. Наше наступление); «В центре атаковали неудержимо новые и новые силы Красной Армии. Шла вперед железная русская пехота» (Вишневский. Идет победа); «Рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны» (Леонов. Твой брат Володя Куриленко);

И на море, и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «Катюша»,
Ходит шагом боевым.
ИСАКОВСКИЙ. Песня про «Катюшу»

Слово *русский* в значении 'советский' употреблялось и задолго до войны. Так, в публицистике М. Горького: «Примеру рабочих русских следуют рабочие всего мира, постепенно организуясь на борьбу против капиталистов» (Детям Сахалина); было оно и в языке В. И. Ленина. Великую Октябрьскую социалистическую революцию создатель Советского государства называл в 1922 году «русской революцией» (Политический отчет ЦК РКП(б) на XI съезде партии), а не «российской революцией», хотя наша партия в дореволюционную пору называлась Российской социал-демократической рабочей партией. Этим названием подчеркивалось, что партия не только русского рабочего класса, но рабочего класса всей России.

Противоречит ли все это нормам современного русского литературного языка? Надо полагать, что такое словоупотребление в произведениях крупнейших советских писателей и публицистов само собой должно снять этот вопрос.

То, что слова *русский* и *советский* не синонимы, нисколько не означает отсутствия взаимосвязи между ними, способности заменять друг друга в определенных случаях.

Среди образных средств языка издавна существует способ называть целое через его часть — синекдоха. Так, словом *хлеб* называют еду вообще. Если сообщается, что «в полку осталось 500 штыков», то подразумевают не количество данного вида холодного оружия, а боеспособных вооруженных бойцов.

Употребление слова *русский* в значении 'советский' тоже следует рассматривать как синекдоху, ибо слово *русский* (русский народ, русский человек) в данном случае представляется как составная часть *советского* (советское общество, советские люди). Русский народ является той частью многонационального советского общества, которая в силу своих революционных исторических заслуг, своего огромного вклада в дело строительства социализма, героической защиты страны в годы гражданской и Великой Отечественной войн, по своей беззаветной готовности всегда прий-

ти на помощь всем братским народам — по праву стоит на первом месте среди строителей коммунизма, достойным образом представляет все наше общество в целом.

Такое употребление слова *русский* правомерно лишь в тех случаях, когда это не противоречит значению слова, но придает речи живость, красочность. В строго официальном стиле оно исключено.

Слова *русский* и *советский* не синонимы. Но членами синонимической ситуации они стать могут. Например во фразе: «Да, мы русские, советские люди!».

Однако понятие синонимической ситуации удовлетворяет не всех ученых по той причине, что терминизированный синоним теряется в массе понимаемых «расширительно». Отсутствие точного, однозначного понятия «синоним» не может не сказаться отрицательно на составлении синонимических словарей.

Во избежание такого осложнения, да и по ряду теоретических соображений, предлагается все «синонимообразные» языковые явления подвести под более широкую категорию вариативности, противопоставив ее подлинной синонимии. Подробнее о категории вариативности можно прочитать в статье А. П. Евгеньевой «Основные вопросы лексической синонимии», опубликованной в сборнике «Очерки по синонимике современного русского литературного языка» (М.— Л., 1966).

Впрочем, размежевание синонимии и вариативности само собой не решает проблемы. Категория вариативности (если принять этот термин) требует глубокого изучения. Многие из названных выше языковых явлений, в том числе и стилистические фигуры, относимые к вариативности, нуждаются в более полном толковании, систематизации и классификации, хотя они давно определены и зафиксированы в словарях, например в Словарях лингвистических терминов О. С. Ахмановой (М., 1966) и Ж. Марузо (М., 1960)

Особо важное значение эта проблема приобретет тогда, когда у нас начнут составлять аналогические, идеографические, тематические словари, нужда в которых уже давно остро ощущается. Всестороннее исследование вариативности и синонимии весьма существенно для самой стилистики как науки.

В. П. ПЕТУШКОВ

Ленинград

В разделе «Поступающему в вуз» в следующем номере читайте статью «Профессии, которые мы выбираем»

4 Загадка суффикса -ин-а

В современном русском языке суффикс *-ин-а* едва ли не самый многозначный. Он употребляется в разных значениях: единичности — *жемчужина* (жемчуг), *изюмина* (изюм), увеличительности — *носина* (нос), *арбузина* (арбуз), отвлеченности — *ширина, вышина*, предметности — *малина, смородина; говядина, свинина* и др. Особенно интересны такие образования, как *домина, псина, холодина*. Их относят то к мужскому, то к женскому роду: «Мы подкатили к Ревкому: *рослый стильный домина* по главной улице, он на углу выпирает круто вперед, кидается в глаза» (Фурманов. Мятеж); «Спутницы мои... увидев дом, от удивления воскликнули: Э! Э! Э! *Какая домина*, да в этом и бог знает сколько людей поместить можно» (Болотов. Записки); «И *эту домину*, в котором мы зараз, видал? Соорудили тоже без архитектора, а какой получился великан» (Бабаевский. Сыновний бунт) — здесь одно из определений — *эту* — при слове *домина* дается в женском роде, а другое — *в котором* — в мужском.

Непоследовательность при указании грамматического рода казалось бы однотипных образований с суффиксом *-ин-а* проявляется и в словарях. Так, в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» существительные с увеличительным значением *кирпичина, островина, стволина* относятся к женскому роду, а *кулачина* (в прямом смысле слова), *лбина, сомина* — к мужскому, хотя те и другие образованы от слов мужского рода. Таких примеров множество.

Двойственность родовой характеристики этих образований в существующих грамматических пособиях не объяснена. Причина ее — омонимия суффикса *-ин-а*. В одних случаях он создает производные со значением увеличительности и сохраняет род производящего слова: «Мужики после половодья нашли на берегу сома... *большущий сомина*» («Русский охотник», 1895); «Через *большую колодину* никогда не завалишься» (Фаресов. Среди моховиков).

В других случаях *-ин-а* служит для создания или усиления выразительности (экспрессивности) тех слов, к которым присоединяется: старик — старичина, комель — комлина; лежебок — лежебочина, кулак — кулачина (в социальном значении). «Силантьев возвращается к *комлю* и отпиливает большой кусок дерева... Отрезанный кусок *комлины* падает на эстакаду с тяжелым, сырым стуком» (Липатов. Глухая мята); «Все равно ты *кулак*,— настаивал белый дед.— *Кулачина*» (Кочетов. Секретарь обкома).

Существительные с экспрессивным суффиксом *-ин-а* имеют сложную родовую характеристику.

1. Они относятся к женскому роду:

а) если образованы от неодушевленных существительных. Например: «Это господин чиновник берет *Мою краснокожую паспорти-*

ну» (Маяковский. Стихи о советском паспорте); «Он заглядывал в могилу, скрипел чуть слышным голосом: — Вот и *домина богатая»* (Шишков. Угрюм-река); «Парит и грозит дождь. Дорога *каждая часина* работы» (Л. Толстой. Так что же нам делать?); «И дед, вдруг обозлившись, ругал топор, ругал Ваньку, ругал *эту чертову коряжину* — пень» (Шишков. Тайга); «Но что мелькнуло в *седой ущелине* скалы?» (Полежаев. Черкесский романс);

б) если они образованы от одушевленных существительных, но не дифференцируются по полу: «Он нагнулся к ней и спросил: — *Псина* , ты откуда? Я тебя ушиб» (Чехов. Каштанка); «...*Щучина причепилась,*— округлил глаза Егор Саввич» (Усольцев. Вкус хлеба); «...Глядь!— лежит на ладони *уродина* о шести пальцах-отростках, да *такая страховидная,* что сердце сжалось» (Липатов. Глухая мята).

2. Существительные с *-ин-а* относятся к мужскому или женскому роду в соответствии с половыми различиями лиц или животных, названия которых выступают в роли производящих основ: «*Такой морячина,* как Хаугли, справится с любой бедой» (Капица. Ревущие сороковые); «*Отличный старичина,* только вот страстишка к картишкам все животы подводит» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).

3. Существительные с *ин-а* общего рода (типа *жадина, ябеда*), если они образованы от названий лиц, не дифференцирующихся по половому признаку: «Так вот же тебе, *тварина*! — и всаживаю *ей* ножик...» (Мельшин. В мире отверженных); «Заподозревал вдруг князек Якуньку: — Ты, *тварина*, имению мою *сцопал»* (Грачевский. Тюлений остров); «*Эка молодчина,* Авдеев, прокурат малый» (Л. Толстой. Хаджи Мурат); «Им любуется отец:— *Экой молодчина*!» (Полонский. Мими); «Брось *уродина* этакая!» (Борисов. Ход конем); «Болван *уродина пречудный»* (Словарь Сумарокова. Притчи).

Определение грамматического рода этих существительных не единственная трудность. Не менее сложный вопрос — стилистическая характеристика таких образований. Возьмем, например, нейтральные слова *лужа, жердь, год, колода, судьба, буерак.* К существительным с суффиксом *-ин-а,* образованным от этих слов, в 17-томном академическом Словаре даны такие пометы: просторечное — *лужина,* разговорное — *жердина,* книжно-поэтическое — *година,* диалектное — *колодина,* устаревшее и народно-поэтическое — *судьбина,* наконец, нейтральное — *буерачина.* Однако такое разнообразие стилистических оттенков этих существительных только кажущееся. Свойство суффикса *-ин-а* — усиливать выразительность слова, не меняя его смысла, обусловливает, по нашему мнению, употребление его только в разговорной речи. Стилистическая окраска иного рода (нейтральная, книжная) не первоначальна, ее приобрели отдельные существительные. Об этом свидетельствуют такие факты:

1. Экспрессивный суффикс *-ин-а,* присоединяясь к существительным со «сниженной» стилистической окраской, сохраняет ее. Например, одинаково просторечными являются: гад и гадина (о человеке); дурак и дурачина, ехидна и ехидина (о человеке); разговорными: рогуля и рогулина, посуда и посудина (о судне).

2. Суффикс *-ин-а,* присоединяясь к нейтральным существительным, сни-

жает их стилистическую окраску: коряга и коряжина, лужа и лужина, жердь и жердина, урод и уродина. «Подальше от речушки — низкие, сырые перелоги, ямы да *овражины*», «Всюду листвяги, сосняк, *болотины*», «Мы пробирались через вздувшиеся луговые *ручеины*» (Малов. В краю берендеевом).

3. Суффикс *-ин-а* имеет широкое распространение в народной, диалектной речи: лядя — лядина, мочага — мочажина, спор(а) — спорина, укрюк — укрючина. Примеры из записей псковских народных говоров: «Катались по озеру на *камьине*» (камья — лодка — долбленка); «*Кыршевина* (кыршень — затылок) так болит, что шеи не повернуть».

4. Ни одно из образований с этим суффиксом — они начали регистрироваться словарями 100—150 лет назад — не имеет нейтральной или книжной стилистической окраски. Например, впервые отмечены в 17-томном Словаре: *ехидина, лежебочина, остолопина, плутина, скелетина, стишина,* в более ранних словарях современного русского языка: *загогулина, казачина, колодина, краина, кряжина, лесина — леса, леска, лужина, метина.*

5. Сохраняя продуктивность в настоящее время, экспрессивный суффикс *-ин-а* образует слова только разговорного стиля речи. Приведем примеры таких существительных, не зарегистрированных словарями, из современной художественной литературы: «Что теперь со мной будет? — думал Уханов.— Слопает меня вихрастая *бегемотина!*» (Николаева. Битва в пути); «*Чудачина* он (Бахирев),— думал Чубасов.— Почему сам не сказал» (там же); «И ты, Никита, не задирайся зря — тоже видно, без того, что б *занозину* в душу не засадить,— не можешь» (Мальцев. Войди в каждый дом); «Красноармейцы сели. Читают *газетиной* вея» (Маяковский. О «фиасках»).

Подобные образования в разговорной речи потенциально возможны от многих существительных: табурет — табуретина, топор — топорина, хамелеон — хамелеонина, шпага — шпажина и т. п.

6. В 17-томном Словаре единственными образованиями с суффиксом *-ин-а,* имеющими книжно-поэтическую окраску, являются *година* (год) — (День каждый, каждую *годину* привык я думой провожать. Пушкин) и *кончина* (конец) 'смерть'. Но они и по происхождению — книжные, церковнославянские образования. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского на слово *година* (год) есть только два примера, причем из книг переводного характера: Ефремовской кормчей и Хроники Георгия Амартола, а при слове *кончина* (конец) указаны тоже два источника и оба церковнославянские: Служебная Минея по списку 1096 года и Пролог Троице-Сергиевой лавры (до 1350 года). Несомненно, что книжную окраску эти слова сохранили с древнейшей поры. В самом же церковнославянском языке, как и в древнерусском, такие образования — результат продуктивности суффикса *-ин-а:* а) блатина (блато), работина (работа), тъщетина (тъщета), храмина (храм), хизина (хиза); б) грязина (грязь), днина (день), купчина (купец), образина (образ), скопьчина (скопец), смолина (смола) и т. п. (по Материалам Словаря И. И. Срезневского). Следовательно:

1. Нельзя относить к просторечным такие существительные, которые образованы от слов с нейтральной или разговорной стилистической окраской: коряжина (коряга), леже-

бочина (лежебок), лужина (лужа), плутина (плут), стишина (стих), скелетина (скелет) — об очень худом человеке. Существительные с *-ин-а* носят разговорный характер, так как сам суффикс в отличие, например, от *-енция: заведенция, старушенция, рубашенция, штукенция,* придает производящим словам разговорную, а не просторечную окраску.

2. Просторечные существительные с *-ин-а,* которые образованы от слов, ничем не отличающихся от них по своей экспресии, нельзя относить к разговорной лексике. Эти существительные остаются просторечными: оплеушина (оплеуха), остолопина (остолоп), посудина (посуда) — о небольшом судне, дурачина (дурак), загогулина (загогуля), кривулина (кривуля).

3. Образования с *-ин-а* от общенародных слов (с любой стилистической окраской) нельзя толковать как областные: колодина (колода), кряжина (кряж), омутина (омут), тварина (тварь). Примеры с подобными образованиями есть в 17-томном Словаре и его картотеке, в основном из произведений русских классиков, точнее — из авторской речи: «Кончай, *барсучина,* кончай! — кричал Ванька» (Ходжер. Конец большого дома); «Женю! — рассвирепел старик.— На батрачке женю, на нищей! *Жеребчина* стоялый...» (Никитин. Костер на ветру); «*Морячина!* В любую штормягу две вахты простоит» (Каница. Ревущие сороковые); «Черт с ним, пусть плюется *верблюжина,* делал бы дело» (Николаева. Битва в пути).

4. Слова, образованные при помощи суффикса *-ин-а* от нейтральной лексики, нельзя признавать нейтральными: буерачина (буерак), дрожина (дрога). Они относятся к разговорной речи. Нейтральными по стилистической окраске могут быть только такие образования, которые стали активно употребляться вследствие выпадения из языка производящих слов: *долина* — ср.: *дол, колдобина* — ср.: *колдоба.* Одним из признаков того, что слово стало «полноправным членом языка», следует считать возможность создания от него производных: долина — долинистый — долинный.

5. Экспрессивные образования с суффиксом *-ин-а* от нейтральной лексики нельзя относить к устаревшим: путина (путь), судьбина (судьба), тропина (тропа), ущелина (ущелье). В 17-томном Словаре есть многочисленные примеры из произведений русской художественной литературы: «Кто узнал бы тебя нынче в виде таком, Роковая *путина,* „Владимирка старая"?» (Д. Бедный. Владимирка); «...Протестуя против древней, дремучей, деревенской *судьбины...*» (Ефремов. Лезвие бритвы).

Не могут устаревать сами по себе экспрессивные образования с суффиксом *-ин-а* от слов, не подвергающихся архаизации. Такие образования, как мы упоминали, возможны сейчас от практически не ограниченного круга лексики.

В русском языке наметились некоторые приемы использования экспрессивных существительных с суффиксом *-ин-а.* В художественной литературе в одном и том же контексте часто встречаем производящее слово и производную экспрессивную форму — для большей выразительности последней: «И вдруг, гляжу, ходит черное, здоровенное по берегу, над *омутом...* Вдруг — бултых в воду, в самую *омутину*» (Короленко. В пустынных местах); «Когда я кратко очертил ему *путь* мой, он одобрительно воскликнул: —

Ого! Хорошая *путина!*» (М. Горький. В. Г. Короленко); «Ну и *зверь* ты, Матюшка,— сказал Герасим, дрожащими руками доставая из мятой пачки папиросу.— Истый, *зверина* хичный, только и слов» (Никитин. Костер на ветру); «Живущая *тварь* эта самая выдра.. Башку ей раскроили, ну тогда собаку выпустила. Вот сколь она живущая *тварина*» (Мамин-Сибиряк. Медвежий угол).

В народном языке рассматриваемые слова используются с усилительной частицей *ни*: «Ни делины нет», а также употребляются эти существительные с омонимичными суффиксами *-ин-а* (со значением единичности и экспрессивным): «Вот это *лесинина!* Положь в плиту *дровинину*».

Таким образом, *-ин-а* — это особый тип суффикса в русском языке. Он омонимичен суффиксу *-ин-а* со значением увеличительности (субъективной оценки). Ср. еще *молодчина, дерюжина* и *ямина, бревнина.* У них сходны сфера употребления (разговорный стиль), характер производящих слов, с которыми они сочетаются (имена существительные единственного числа по значению и по форме), одинаково отсутствуют собственные суффиксальные производные с иным значением. Однако они отличаются грамматической природой (обозначение экспрессивности, с одной стороны, и увеличительности, оценки — с другой), а также родовым показателем. Еще пример: «К утру *такая* устанавливается *холодина,* что и подыматься не хочешь» (Кочетов. Секретарь обкома); «*Такой домина,* и хотя бы отозвался кто,— удивился Несговоров» (Катерли. Стожаровы).

Рассмотренные примеры дают основание сделать следующий вывод: при морфологической и стилистической характеристике слов очень важно учитывать омонимию суффиксов и словообразовательные модели.

В. И. МАКСИМОВ
Ленинград

5

Он был *веселый человек... веселым человеком*

В русском языке немало самобытных синтаксических конструкций, отличающих его не только от германских, романских, балтийских, но и от близкородственных славянских языков. Так, во многих языках слово, соответствующее по происхождению и по значению русскому *человек*, выступает в роли формального подлежащего обобщенно-личных предложений: английское one, французское on, немецкое man, литовское žmogus, чешское člověk, словацкое človek. Приведем пример из словацкого языка и его русский перевод: Niekedy sa človek hnevá pre hlúposti (Иногда сердишься из-за пустяков; буквально: Иногда человек сердится из-за пустяков).

Подобные конструкции не свойственны природе нашего языка. Но слова с абстрактными значениями и в русском языке могут иметь особые грамматические функции: выступать не в качестве подлежащего, а в роли формального сказуемого. Когда мы говорим: «Марья Ивановна — интересная женщина», «Пожар — вещь опасная», то речь идет не о том, что Марья Ива-

новна является женщиной, а пожар — это вещь. Здесь утверждается, что Марья Ивановна интересна, привлекательна и что пожар опасен.

Слова с абстрактными значениями могут выступать в именительном и творительном падеже: «Он был веселый человек» — «Он был веселым человеком». Правда, конкуренция форм отмечается не во всех временах: творительный падеж невозможен в настоящем, а в будущем используется весьма редко: «Нажив деньги, знайте, я буду человек в высшей степени оригинальный» (Достоевский. Идиот). В прошедшем времени свободно употребляются обе формы, даже в одном контексте: «И хотя Альке было всего лет пять или шесть от роду, она отлично знала, что... надо ходить тихо по дому, не стучать, не шуметь и не плакать, ибо, кроме того, что Алька была хорошим человеком, она была еще и серьезный человек» («Комсомольская правда», 22 января 1964).

Творительный падеж существительных начал активно использоваться в сказуемом только с начала XIX века. К концу XIX века он уже теснит именительный, а в наши дни конструкция «Он был студентом» встречается гораздо чаще, чем «Он был студент». Однако в построениях со словами абстрактного значения именительный падеж еще сохраняет господствующее положение. По-видимому, использование обеих форм регулируется определенными закономерностями.

Прежде всего следует подчеркнуть, что параллелизм форм невозможен при двух грамматических условиях. Любое существительное (не только абстрактного значения) в именном сказуемом выступает: а) только в именительном падеже, если подлежащее выражено словом *это* и б) только в творительном падеже, если при связке *был* используется отрицание *не*. Например: а) «Это был мужчина лет тридцати восьми, безусый и безбородый, с розовым лицом» (Солоухин. Владимирские проселки); б) «Стахович и в самом деле не был плохим человеком» (Фадеев. Молодая гвардия).

Остальные закономерности обнаруживаются при анализе особенностей порядка слов. Рассматриваемые предложения состоят из четырех структурно значимых слов. Теоретически в них возможны 24(!) перестановки компонентов:

Подлежащее + *был* + определение + *человек*

Подлежащее + *был* + *человек* + определение

Был + подлежащее + определение + *человек* и т. д.

Но употребительны не более шести перестановок. И только в двух из них именительный и творительный используются без заметных ограничений.

Параллелизм форм существительных с абстрактными значениями отмечается в тех случаях, когда подлежащее и связка предшествуют именной части сказуемого и его определению. Например, подлежащее + *был* + определение + *человек*: «Люди, окружавшие Филиппа Петровича, были в подавляющем большинстве свои люди» (Фадеев. Молодая гвардия); «(Зиновий Блюмберг) каникулы проводил в общежитии, слонялся в приемной комиссии института и был там своим человеком» (Росляков. Один из нас); подлежащее + *был* + *человек* + определение: «И еще Пюркино счастье — Пётра мужик был вовсе непьющий, с первого же глотка начинал страшно маяться» (Залыгин. Соленая падь); «Павел Миронович был человеком компанейским, к тому же любил выпить» (Крутилин. Линяги).

Однако и здесь есть свои закономерности. Свободное использование двух форм, как правило, отмечается в том случае, когда слово *человек* имеет при себе одиночное определение. Если же определений больше, то выступает обычно именительный падеж: «Для кое-каких других он был поганым человеком, а нам, детишкам и матери,— свой родной: он нас кормил, одевал и обувал...» (Шолохов. Поднятая целина); «— Галчонок, я был красивый, легкомысленный парень, самоуверенный и избалованный,— вот кем я был!» (Кетлинская. Мужество).

При ином порядке слов выступает обычно лишь одна из форм. В тех случаях, когда на первом месте выступает слово абстрактного значения или связка, отмечается чаще всего именительный: «Человек он был собою видный, осанистый, росту высокого, немного лыс, немного с проседью и довольно тучный, с мягкими румянами и несколько отвислыми щеками...» (Достоевский. Идиот); «Был он здоровенный парень с длинными руками, горбоносый, с вытянутым, как у лошади, лицом» (Шукшин. Классный водитель). Здесь также обнаруживается уже известная нам закономерность: если дается развернутая (при нескольких определениях) характеристика человека, то именительный падеж оказывается предпочтительнее творительного.

В одном из типов наших конструкций используется только творительный падеж: «Пожалуй, в войну самым главным человеком на селе был почтальон» (Цыбин. Всплески). Думается, что творительный вытеснил в данной позиции именительный из-за необычного порядка слов, а также и потому, что при сказуемостном существительном используется, как правило, одиночное определение.

Однако именительный падеж может прочно сохранять свои позиции и при одиночном определении. Это отмечается при пропуске подлежащего, когда все предложение представляет собой обобщенную, иногда подчеркнуто категоричную оценку человека: «Призвали попа. В ночь он его пособоровал, но до чего же ужасный крепкий человек был!» (Шолохов. Поднятая целина); « — С батькой-то вашим мы на охоту вместе хаживали. Хороший был парень!» (Яшин. Сирота). Творительный падеж был бы здесь неуместным. Такая характеристика свойств человека, словно бы представляющая конкретный ответ на вопрос: какой он был человек?, должна быть выражена синтаксически независимой формой.

Результаты наших наблюдений можно обобщить в такой схеме:

Модель конструкции

	Именительный падеж	Творительный падеж
Это + *был* + определение + *человек*	+	—
Подлежащее + *не был* + *определение* + *человек*	—	+
Подлежащее + *был* + определение + *человек*	+	+
Подлежащее + *был* + *человек* + определение	+	+
Человек + подлежащее + *был* + определение	+	—
Был + подлежащее + определение + человек	+	—
Определение + *человек* + *был* + подлежащее	—	+
Определение + (подлежащее) + *был* + *человек*	+	—

В заключение следует подчеркнуть, что мы рассмотрели синтаксические свойства еще развивающихся конструкций. Все выводы относятся лишь к их использованию в языке наших дней. Активные преобразования этих языковых форм не позволяют настаивать на выводах и тем более абсолютизировать их. Вне всяких сомнений, что соотношения эти могут существенно измениться — именительный не сохранит всех своих позиций. Однако предсказания в грамматике — вещь опасная...

В. И. ЧЕРНОВ
Смоленск

В помощь редактору

Предлог со стороны

«*Я решил записывать то*, что в качестве мусора ползет из эфира в мои уши...» — пишет в газету строгий читатель по поводу языковых погрешностей радиопередач («Литературная газета», 16 ноября 1965). А правильно ли построена эта фраза, написанная блюстителем чистоты языка по призванию и прошедшая через руки блюстителей чистоты языка по должности? Это предложение и ряд других, выбранных из газет, из записей устной речи, были показаны людям, профессионально работающим с языком,— лингвистам, редакторам. Их просили ответить на вопрос: считают ли они предложенные фразы правильными, а если видят ошибку, то в чем она. Многие отвечали, что так не сказали бы, что им не очень нравятся эти фразы (почему — трудно определить), что чувствуется в них канцелярский оттенок.

Насчет канцелярского оттенка они правы. Дело в том, что почти во всех выбранных предложениях были конструкции с так называемыми производными, или отыменными, предлогами (*в качестве союзника*, *в отношении* плана, *по отношению* к театру, *со стороны* агрессора, *в порядке* профилактики, *за счет* увеличения и т. п.). А предлоги эти характерны для книжно-письменной, деловой речи.

Что же касается неопределенности в оценках, то они объясняются вполне объективными причинами.

Производные предлоги, в отличие от первичных, или первообразных,— более позднее явление в русском языке. Активно они стали развиваться в последние два века, а внимание ученых привлекли лишь в наше время. Пока еще ни в грамматиках, ни в справочниках нет четко сформулированных правил и условий употребления конструкций с производными предлогами.

Употребление конструкций с производными, отыменными предлогами связано с усложнением структуры простого предложения. Если падежные формы с простыми предлогами могут входить в предикативную основу предложения, то есть в тот минимум, без которого нет и самого предложения (например: *Он без шапки, Мать в тревоге, Они с Урала*), то падежные формы с производными предлогами, как правило, в основу не входят, а включаются в предложение на следующих ступенях распространения. Сравним: «Иванов критикует Петрова» и «Критика со стороны Иванова в адрес Петрова».

В обоих построениях сохраняется одно и то же отношение между словами: называется действие, его субъект и его объект — адресат. Но первое — со спрягаемым глаголом *критикует* — представляет собой самостоятельное предложение, а второе — с отглагольным именем существительным *критика* — может быть только частью другого предложения, например: «Критика со стороны Иванова в адрес Петрова вы-

звала одобрение присутствовавших». Таким образом, благодаря конструкции с отыменным предлогом в новом предложении сконцентрированы как бы две мысли: кроме основной, в ней имеется еще дополнительная.

Но, позвольте, скажут читатели, ведь та же часть сообщения, с сохранением тех же отношений, может обойтись и без канцелярских предлогов, например: «Критика Иванова Петровым». В самом деле, здесь это возможно. Однако есть такие языковые ситуации (кроме тех случаев, когда производные предлоги служат просто дублерами и без них можно обойтись), где они выполняют необходимую и полезную работу.

Рассмотрим условия употребления отыменного предлога *со стороны*. Мы уже знаем, что конструкция «отыменный предлог *со стороны* + существительное в родительном падеже» в предложении употребляется при отвлеченных (обычно — отглагольных) существительных. При этом существительное в родительном падеже обозначает лицо или коллектив как второстепенный субъект действия.

Существуют и другие способы выражения субъекта действия при отглагольном существительном — формы родительного и творительного падежей: *поддержка специалистов* и *поддержка проекта специалистами*. Однако одна из слабостей форм родительного и творительного беспредложных, перегруженных значениями, в том, что в них недифференцированно соединяются значения субъекта и объекта действия: *поддержка специалистов* может означать, что 'специалисты поддерживают' и что 'специалистов поддерживают'.

Конструкция *со стороны кого*? исключает эту двусмысленность. Преимущество ее очевидно в тех случаях, когда она оказывается средством борьбы с синтаксической омонимией (совпадением разных значений в одной форме) и с громоздкостью трудного для восприятия нанизывания беспредложно-именных форм. Вот примеры вполне оправданного употребления предложной конструкции *со стороны кого*?: «Прошлогодние разоблачения нечистоплотных финансовых связей МССМ уже вынудили руководство этой организации отказаться от поддержки со стороны различных американских фондов, которые на самом деле представляли собой слабо замаскированные отделения ЦРУ» («Известия», 19 июня 1968); «Они обвиняют правительство в намерении прибегнуть без контроля со стороны парламента к мерам в интересах крупных монополий» («Комсомольская правда», 8 мая 1967); «Как известно, деятельность комиссии Уоррена подвергалась серьезной критике со стороны различных кругов американской общественности» («Известия», 2 июня 1968).

Значение этой конструкции, по-видимому, еще и в том, что, отличаясь от беспредложных приименных форм родительного и творительного падежей большей структурной самостоятельностью в строе предложения, она предоставляет более автономное положение обозначению субъекта действия. Это выделение субъекта достигается и в результате разгрузки нежелательной цепочки приименных родительных: «Что же касается грузовиков, то применение и повышение строгости надзора за этим со стороны Госавтоинспекции позволит ликвидировать и эту „проблему“» («Вечерняя Москва», 25 ноября 1963); «Расправа с левыми лидерами СДПГ вызвала волну протестов со стороны представителей профсоюзов и различных политических организаций Западного Берлина» («Известия», 16 марта 1968).

Естественно, что употребление без надобности книжной конструкции *со стороны кого*? утяжеляет стиль речи, вносит в нее оттенок канцеляризма. Ср., например: «Дело у ребят поставлено серьезно и квалифицированно,— все это результат влияния со стороны руководительницы клуба» («Неделя», 1968, № 25); «Пешеходы справедливо возмущаются, когда видят нарушения правил движения со стороны водителей транспорта» (Листовка ОРУД. М, 1962); «Скандалы уже приняли форму издевательства со стороны Поветкиных по отношению соседей» (запись выступления в суде, 1964).

Помимо сказанного, действует еще и естественное семантическое ограничение в употреблении рассматри-

ваемой конструкции, связанное, по-видимому, с тем, что, перейдя в одной из своих форм в разряд предлогов, бывшее существительное *сторона* не полностью утратило свое лексическое значение. Никому не придет в голову сказать: «приготовление уроков со стороны школьников», «обсуждение книги со стороны читателей», «починка ботинок со стороны сапожника». Значит, субъект не всякого действия, названного отглагольным существительным, может быть выражен при помощи предлога *со стороны*.

Лексическое значение имени, скрытое в этом предлоге, предполагает такой круг отвлеченных имен, которые связаны с выражением отношений двух сторон. Эти имена называют действия или качества, в целенаправленном проявлении которых обнаруживается отношение интересующего нас субъекта, адресованное второй стороне как объекту. Вот подобные имена существительные, наиболее часто встречающиеся: угроза, нападение, агрессия, обвинение, одобрение, критика, шантаж, контроль, руководство, сочувствие, недоверие, уважение, возражение, притеснения, гонение, фамильярность, требовательность и т. п.

Не случайно в книжно-деловой речи при этих существительных нередко соединяются конструкции *со стороны* (кого?) обозначающая субъект действия, и *по отношению* (к кому?), *в адрес* (кого?), обозначающие объект — адресат действия, то есть именно эти две стороны, связанные определенными отношениями: «Я не скажу, что критика в мой адрес со стороны Л. Якименко была для меня бесполезной» («Вопросы литературы», 1967, № 3) (ср. те же отношения: субъект — действие — объект — на первой ступени членения предложения: Якименко критикует меня); «Горький так писал Федину по поводу тех обвинений в „литературщине", которые прозвучали в адрес романиста со стороны некоторых критиков...» («Комсомольская правда», 24 февраля 1967) (ср.: «критики обвиняют романиста...»).

Наши наблюдения над структурно-смысловыми особенностями предложной конструкции *со стороны кого*?, по всей вероятности, не могут пока определить всех условий ее употребления, но они позволяют обнаружить и квалифицировать более или менее резкие отклонения от нормы. Так, в предложении: «В основе трагедии — отсутствие малейших угрызений совести со стороны нанимателей» («Комсомольская правда», 10 октября 1967) — речевая ошибка вызвана именно тем, что по своей семантике ни *отсутствие*, ни *угрызения* не обозначают направленного действия. Это скорее замкнутые состояния, поэтому здесь уместна форма выражения не субъекта действия, а субъекта состояния, принадлежности синтаксической формой «у+Род.»: «отсутствие угрызений совести у нанимателей».

В примере: «Со стороны отдельных руководителей допускается нарушение пункта 5 Указа Президиума Верховного Совета...» («Знамя труда» [Курганская область], 1 февраля 1964) — также оказываются нарушенными структурно-смысловые условия построения предложения. Здесь конструкция *со стороны кого*? неуместна потому, что в основу предложения положен страдательный оборот, в котором субъект действия выражается формой творительного падежа: *допускается* (кем?). При этом нельзя не заметить, что возвратная форма глагола *допускается* двусмысленна (страдательное значение и значение 'допустимо'). Правильнее и четче было бы выразить ту же мысль так: «Руководители нарушают пункт 5...» или (в более деловом стиле): «Пункт 5 нарушается некоторыми руководителями».

Те же условия нарушены и в предложении: «Со стороны официальных кругов... в Финляндии очень часто подчеркивается внешнеполитический нейтралитет» («Правда», 25 января 1966). При страдательном глаголе субъект действия должен быть выражен существительным в творительном падеже: *подчеркивается кем?*, а не *со стороны кого?*

Таким образом, исходя из смысловых и синтаксических свойств конструкции, можно определить «коэффициент ее полезного действия».

Г. А. ЗОЛОТОВА
Москва

УДАРЕНИЕ

ВАЯТЕЛЬ

Ва́ятель... Это ударение, неправильное с точки зрения современных произносительных норм, часто можно слышать в речи самых разных по возрасту и образованию людей. Встречается оно иногда и у поэтов:

[Вернер]:
О нет! Объятый любовью масс,
Ва́ятель облика нового века,
Вы сами себя ощутите вдруг
Изваянным миллионами рук.

СЕЛЬВИНСКИЙ. Читая «Фауста»

Как объяснить эту ошибку?

Прежде всего следует сказать, что ударение имен существительных с суффиксом *-тель* в русском литературном языке достаточно определенно. Колебания здесь сравнительно редки, но все-таки есть отдельные факты смещения ударения в процессе развития литературного языка.

Схема ударения имен существительных на *-тель* различает образования от глаголов с суффиксом *-а-* (сюда включаются и *-ева-*, *-ыва-*, *-ива-*) и от глаголов с суффиксом *-и-* и *-е-*. Ударения в первых случаях всегда очень точно следуют ударению глаголов, от которых образованы существительные на *-тель*: взрыва́ть — взрыва́тель, мечта́ть — мечта́тель, дви́гать — дви́гатель, слу́шать — слу́шатель, прои́грывать — прои́грыватель. Колебания ударения в этой группе имен обычно связаны с изменением и колебанием ударения в самих глаголах.

У существительных, образованных от глаголов на *-ить* (или *-еть*), ударение обычно ставится на гласном *-и́(тель)*, даже если оно и не совпадает с глагольным: вреди́ть — вреди́тель, цени́ть — цени́тель и гра́бить — граби́тель, кра́сить — краси́тель (исключение представляют слова *дви́житель* и *мно́житель*).

То же самое можно сказать и об ударении существительных на *-итель*, образованных от приставочных глаголов. Можно было бы думать, что место ударения в этих именах устанавливается в зависимости от ударения форм совершенного и несовершенного вида: доверитель — довéрить, доверять; избавитель — избáвить, избавлять; измеритель — измéрить, измерять и т. д. Однако ряд примеров с ударением на основе в обеих глагольных формах и на *-ítель* в производном имени свидетельствуют о действующей в современном языке тенденции к обобщению ударения на *-и́(тель)*: усили́тель — уси́лить, уси́ливать; ограничи́тель — ограни́чить, ограни́чивать и т. д.

В отличие от прежде названной группы на *-тель*, целиком зависящей в своей акцентовке от глагольного ударения, образования на *-итель* имеют свою акцентную историю. Обобщенное ударение на *-итель*, обычное для современного языка,— явление сравнительно позднее. В процессе развития литературного языка в этой группе образований можно отметить довольно много случаев колеблющегося ударения, примеров отступления от современных норм. Это свидетельствует о постепенном процессе закрепления обобщенного ударения на *-ítель*. И если примеры такого обобщенного ударения отмечены еще в языке древнерусском, то факты литературного языка конца XVIII — первой половины XIX века указывают на незавершенность процесса.

Так, один из словарей русского языка конца XVIII века — «Словарь Академии Российской» — приводит как нормативное: вéритель и вéрительница, избáвитель, утéшитель, измéритель. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года находим *управитель* наряду с *управи́тель*. При этом с разным произношением связывается и разное значение: *управитель* 'наставляющий, направляющий на что-либо', *управи́тель* 'управляющий чем-либо'.

Обычным для первой половины XIX века было и произношение *мы́слитель*, совпадающее с ударением глагола *мы́слить* (ср. современное *мысли́тель*):

Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мы́слитель не ищет...

ПУШКИН. К Дельвигу

у Языкова:

Любезный мы́слитель и цензор благодатной
Моих парнасских дел и жизни коловратной.

А. М. Языкову

Можно отметить и другие примеры.

Подобных отступлений, однако, не так много и все это в значительной степени явления «остаточные» — книжные слова. Характерно, что новообразования, относящиеся к первой половине XIX века, обычно имеют ударение на *-ítель*. Тем более это относится к позднейшим образованиям.

Процесс обобщения ударения на *-и́(тель)* в прошлом веке распространился и на слова с принятым прежде в литературном языке ударением на основе. Так, например, Словарь 1847 года отмечает *вери́тель*, *утеши́тель*, *избави́тель* вместо *вéритель*, *утéшитель*, *избáвитель*, приводимых более ранним Словарем Академии Российской. В дальнейшем ликвидируются и другие отступления.

Собственная история ударения имен существительных на *-тель* этим и завершается. Возможность же влияния колебаний ударения, связанных с глагольным, всегда остается. Это, в частности, и определяет появление упомянутой выше ошибки: *ва́ятель* вместо *ваятель*. Появление этого произношения обусловлено наличием смещенного ударения в глаголе: *ва́ять* вместо *ваять*.

Такое смещение характерно и для целого ряда других глаголов на *-ать* (ср. *бря́цать* вместо *бряца́ть*, *бле́ять* вместо *блеять* и др.).

Произношение *ва́ять* определяет и еще одну речевую ошибку, относящуюся к родственной в акцентологическом отношении группе слов: *ва́яние* вместо литературно нормированного *ваяние* и *изва́яние* вместо принятого *изваяние*.

В. Л. ВОРОНЦОВА
Москва

Письмо в редакцию

Волны штампов

Как-то на областном семинаре рабселькоров был прочитан доклад — «Работа над языком статей и корреспонденций». Выступила с ним опытная, энергичная журналистка.

К сожалению, в числе конкретных примеров работы над языком оказался один неудачный. Докладчица похвалила выражение *мягкое золото* (вместо *меха*). А это был уже укоренившийся штамп в наших краях. В Кировской области имеется несколько меховых предприятий. О работе меховщиков пишут газеты, сообщает радио. Корреспонденты в то время облюбовали словосочетание *мягкое золото*. Оно прямо-таки надоело слушателям.

Человек, который придумал *зеленое золото, мягкое золото* или *черное золото*, наверное, сделал открытие. Но такие выражения долго не блестят. Они быстро приобретают вид старого платья. Недаром тонкий знаток русского языка Алексей Толстой изменил название известного романа «Черное золото» на «Эмигранты».

Штампы возникают какими-то волнами.

Одно время в очерках, корреспонденциях, передовых статьях зачастил глагол *бытовать:* «В рабочей среде бытует еще...»; «Среди учителей города бытует мнение...»; «Среди работников кинематографии бытует взгляд...». Сейчас глагол этот мы видим реже.

Когда в первый раз на газетном листе появилось выражение *живинка в деле,* это было хорошо. Но вот в областных и районных газетах, а также в многотиражках замелькали *живинки,* от которых сейчас отдает чем-то затхлым.

Неплохое слово *весомый.* Помните у Маяковского: «...весомо, грубо, зримо...». До поры до времени это слово применялось не часто. И вдруг открылся волшебный ящичек: *весомые слова, весомый трудодень, весомое изобретение* и курьезы вроде *весомого председателя* и *весомого молока.*

Мода. Несколько раньше промаршировали *большая кукуруза, большой хлеб, большое молоко.*

Закончу свою корреспонденцию размышлением о канцелярском слове *прописка.* Зачем им украшать наши газеты?

«Бодрая веселая песня теперь навечно прописалась в нашем Большом Гридневе». Вы думаете так пишет только Бор. Губин из романа Юрия Германа? В том-то и дело, что нет. Писатель Юрий Герман подметил эту особенность ремесленников и дал им отповедь. Так и надо выбивать из рук штамповальщиков их оружие.

Е. А. КУЗНИЦЫН
г. Слободской Кировской области

ДОМИШКО, АМБАРИШКО

В современном русском языке выделяется разряд существительных мужского рода с суффиксом *-ишк-*. Причем одна часть этих слов (одушевленные) пишется с *-а* на конце: зайчишка, плутишка и т. д., другая (неодушевленные) — с *-о*: домишко, умишко и т. д.

Как известно, окончание *-а* — прежде всего признак женского рода. Для слов *рука, сестра, липа* давно сложился особый тип склонения, который принято называть женским. Окончание *-о* в свою очередь характеризует существительные среднего рода (окно, гнездо, дело), которые также имеют свое склонение (его называют неженским, или мужским-средним).

В соответствии с этим существительные типа *зайчишка* относятся к женскому склонению (как *сестра*), а слова *домишко, амбаришко* и т. п.— к мужскому-среднему (*окно*). Такие рекомендации даны во всех современных нормативных грамматиках, справочниках, словарях. Само собой разумеется, что это правило закреплено за всеми разновидностями письменного языка, ему следуют и работники издательств.

Между тем в устной речи конечный гласный в именительном падеже одушевленных и неодушевленных существительных с суффиксом *-ишк-* произносится одинаково (как звук близкий *а*). Это порождает тенденцию уравнять слова *зайчишка, домишко* и в косвенных падежах, что находит широкое отражение в произведениях художественной литературы. Например: «того домишки уже и след простыл» (Панова); «за каким домишкой» (Твардовский); «с умишкой хилым» (Маяковский); «этим городишкой» (Леонов); «на снос старого домишки» («Известия», 1967). Подобные примеры можно найти и в произведениях XIX века: «из уездного городишки» (С. Аксаков); «в скверный уездный городишка» (Пушкин); «одному домишке» (Достоевский).

Ограниченность лексических материалов не дает возможности сделать окончательный вывод о том, что является нормой для современного русского литературного языка. Однако бесспорно, что для родительного, дательного и творительного падежей нормой стали формы женского склонения (соответственно: *-и, -е, -ой)*, которые, например, профессор Д. Э. Розенталь считает устарелыми или диалектными (Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1967). Представляется совершенно обоснованным высказывание А. А. Зализняка, который пишет, что рекомендуемая

справочниками норма не вполне соответствует современной разговорной практике и что «для образца *домишко* эта модель склонения выглядит так: И. ед. *домишко*, Р. ед. *домишки*, Д. ед. *домишке*, В. ед. *домишко*, Т. ед. *домишкой*» (Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 148). Конечные гласные *-а*, *-о* именительного падежа этих существительных с суффиксом *-ишк-* — факт орфографии, а не грамматики.

Чтобы точнее выяснить норму словоизменения существительных типа *домишко*, следует обратиться к истории языка. В древнерусском, по-видимому, все существительные мужского рода с оттенком уничижения, передаваемого суффиксом *-ишк-*, писались в именительном с конечным *-о*, который служил дополнительным средством выражения экспрессии. О таком окончании свидетельствуют концовки челобитных грамот: твой рабишко, холопишко, сынишко.

Вследствие определенных фонетических условий окончание *-о* не находило поддержки в живой речи неокающего населения; постепенно его стали вытеснять формы на *-а* и в письменной речи.

Академик А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» (М., 1941) пишет: «Слова на *-о*, означающие лица, могут переходить в склонение слов на *-а*, заменяя *-о* через *-а* даже в имен. пад., или образуя только косвенные падежи по указанному склонению» (стр. 139). Интересно отметить, что А. А. Шахматов замечает: «могут переходить», следовательно, не обязательно переходят. Таким образом, вариантные формы на первых порах признаются возможными только у одушевленных существительных с *-ишк*.

Окончание среднего рода использовалось для выражения уничижения, презрения. Любопытно в этом отношении высказывание М. В. Ломоносова: «Презрительные умалительные кончаются на *-ишко* и *-енцо* и рода суть сомнительного, то есть иные сочиняют с ними прилагательные по родам имен, от коих умалительные происходят: наш столишко, наша скатертишко, старое пивенцо; некоторые со всеми прилагательные в среднем роде употребляют: дряхлое стариченцо, старое бабенцо, утлое суднишко» (Российская грамматика.— Сочинения. Т. VII. М.— Л., 1952, стр. 473).

Уточнению форм склонения существительных с уничижительным суффиксом *-ишк-* в дальнейшем способствовало то, что категория одушевленности почти выпала из класса слов среднего рода. Это оживило, активизировало переход слов *воришко*, *сынишко* и т. п. в женское склонение. Наличие в русском языке очень старых существительных мужского рода, оканчивающихся на *-а* (*мужчина, юноша*), а также довольно обширной группы слов общего рода (мужского и женского) — *староста*, *судья* облегчало переход уничижительных существительных мужского рода в женское склонение. Косвенно этот процесс поддерживался и тем, что фамильные мужские имена Короленко, Шевченко и т. п. (при их склоняемости) изменялись по женскому склонению. В академической «Грам-

матике русского языка» (М., 1952, стр. 182) приводятся формы склонения существительного *Шевченко*. Так же склоняются: Никита, Гаврила.

Постепенно была установлена норма, рекомендующая писать существительные *зайчишка* и др. с *-а* на конце и склонять как слова женского рода *сестра*, *стена*, а *умишко, домишко* и т. п. с конечным *-о* и склонять как существительные среднего рода *окно, полено* и т. д. (см., например: «Практическая русская грамматика» Н. И. Греча. СПб., 1834; «Русская грамматика» А. Х. Востокова. СПб., 1874). Такое написание и склонение указанных слов рекомендовалось и словарями (*Домишко, -ка*, с. м. [сущ. мужского рода] — «Словарь Академии Российской», 1789; *Городишко, -а*, с. м.— «Словарь церковнославянского и русского языка». 1847).

Согласно установленной норме склонение существительных оказалось подчиненным орфографии. Эта норма, установленная, видимо, в конце XVIII — начале XIX века и рекомендуемая современными нормативными изданиями, постоянно подтачивалась изнутри живой акающей речью. В связи с этим по склонению слов на *-а* стали изменяться и неодушевленные существительные мужского рода с суффиксом *-ишк-*. И этот новый процесс перехода в женское склонение не встречал языкового сопротивления вследствие безударности конечного гласного. Формы женского склонения от существительных *домишко*, *умишко* и т. п. широко распространились в художественной литературе XIX века. Это было отмечено грамматистами.

Академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык» (М., 1947) пишет о возникновении гибридного типа женско-среднего склонения: домишко, домишки, домишке и т. п. Конечно, нет оснований предполагать, что такой тип склонения ушел из языка под давлением нормализаторов. Интересно, например, примечание Я. К. Грота к тексту А. С. Пушкина: «Хуже б не было сего городишки на примете». Приведя эту цитату, Я. К. Грот пишет: «Здесь в род. пад. ед. неправильно употреблено окончание, свойственное существительным с суфф. *-ишка-*, которые означают одушевленные предметы» («Словарь русского языка», 1895).

Отступление Пушкина от установленной нормы написания и склонения неодушевленных существительных мужского рода с *-ишк-* подтверждается материалами «Словаря языка Пушкина» (М., 1956—1961). Правда, в Словарь включено только три таких слова, но одно из них (в отличие от современных толковых словарей и других справочников) приведено с *-а*: городишка. Эта исходная форма выведена на основании текста: «таскаться в скверный уездный городишка», где существительное стоит в винительном падеже. Слово *домишко* дано в «Словаре языка Пушкина» в орфографии, рекомендуемой современными справочниками. Но одна из двух пушкинских цитат свидетельствует об отступлении от нормы: «[Троекуров] заезжал запросто в домишка своего старого товарища» (Дубровский).

В картотеке словарного сектора Института русского языка АН СССР есть еще цитата из «Дядюшкиного сна» Ф. М. Достоевского с *-а* в винительном падеже: «Ты навсегда оставляешь этот отвратительный городишка». «Ошибки» есть и в произведениях А. П. Чехова: «на вальсишку» (Вишневый сад); «рублишку» (Бабы). Видимо, форма женского склонения в винительном падеже неодушевленных существительных мужского рода с *-ишк-* более приемлема, но и она еще далеко не стала нормой литературного языка, даже устной его разновидности.

Небезынтересно отметить, что в Толковом словаре В. И. Даля все слова мужского рода с суффиксом *-ишк-* даны в исходной форме на *-а*. Так, в словарной статье к существительному *дом* после пометы «умал.» [умалительное, уменьшительное] читаем: домик, домок, домочек, домишка, домишечка; при существительном *амбар* приводится: «умал. *амбаришка*»; к глаголу *забирать* наряду с существительными *заборик, заборчик* дано *заборишка*. В других случаях в этом Словаре формы на *-а* этого словообразовательного типа приведены в иллюстративном материале: грязный дворишка, нашему голосишке. Несомненно, что в Словаре В. И. Даля более последовательно, чем в современных толковых словарях, показан переход существительного мужского рода с суффиксом *-ишк-* в женское склонение, однако примеров с формой винительного падежа у него нет.

Все сказанное позволяет предположить, что переход существительных *городишко, умишко* и т. п. в женское склонение происходил следующим образом. Первоначально формы женского склонения распространились на родительный, дательный и творительный падежи единственного числа (в предложном окончания женского и мужского-среднего склонения давно совпали). Серьезное языковое препятствие к внедрению форм женского склонения существует лишь для винительного падежа, поскольку для основной части существительных мужского рода именно здесь находит выражение категория одушевленности-неодушевленности: вижу дом, вижу отца. А. А. Зализняк также пишет: «В. ед. *домúшку* возможен, по-видимому, только в случае перевода всего слова из мужского рода в женский (нельзя сказать *я видел этот домишку*)» (Русское именное словоизменение, стр. 149). В количественно небольшой группе слов мужского рода на *-а* (юноша, мужчина) и общего рода (староста, судья) нет такого противопоставления, так как это только одушевленные существительные. Но и здесь категория одушевленности в винительном выражена окончанием *-у*, не встречающимся в других словах мужского рода, то есть опять-таки формой женского склонения.

Для распространения женского склонения на именительный падеж единственного числа тоже нет реального языкового препятствия. Различие в окончании одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода с суффиксом *-ишк-* в именительном поддерживается лишь на письме существующей орфографи-

ческой нормой, далеко не всегда отражающей живые языковые процессы. В современном русском литературном языке (во всех его жанрах и разновидностях) широко употребляются формы женского склонения в косвенных падежах, кроме винительного.

Видимо, неодушевленные существительные мужского рода с *-ишк-* на современном этапе истории русского языка следует выделить в группу разносклоняемых: родительный, дательный и творительный падежи единственного числа имеют формы женского склонения, а формы мужского-среднего склонения для этих падежей следует считать устаревшими или устаревающими; для винительного нормой пока остается окончание *-о*, поддерживаемое сильной, формально выраженной категорией одушевленности. В именительном падеже, очевидно, следует считать равно допустимым и *-а* и *-о*, хотя в печатных текстах преобладает окончание *-о*, закрепленное орфографическими словарями и другими нормативными справочниками.

Г. А. КАЧЕВСКАЯ
Ленинград

Инфинитивные предложения

с *было/будет*

В памятниках русской письменности, былинах, народных песнях, пословицах, поговорках, областных говорах мы находим интересные инфинитивные конструкции с глаголами *было / будет*. Они описаны еще М. В. Ломоносовым, Ф. И. Буслаевым, В. И. Далем и др. Приведем несколько примеров: «Взяться было за ум вовремя»; «Ешьте, дорогие гости: всё одно будет собакам выкинуть»; «За милую куму лезть будет в тюрьму». До сих пор еще так говорят в некоторых областях: «В четыре ряда было постановить...» (Новгородская обл.); «Сена-то много, не поместить будет» (Архангельская обл.); «Дойки тут не спрашивать было» (Вологодская обл.).

Инфинитивные предложения с *будет* встречаются у А. С. Пушкина: «Увы, все гибнет: кров и пища. Где будет взять?» (Медный всадник); «Проклятое житье. Да долго ль будет мне с ним возиться?» (Каменный гость); «Пошли толки, как им будет найти заветное место?» (Кирджали); «А о чем я думал? Вот о чем: чем нам жить будет?» (Письмо жене, 1835); «Что мне будет делать в деревне или во Пскове?..» (Письмо к В. А. Жуковскому. 1825).

Являются ли инфинитивные предложения с *было / будет* принадлежностью современной системы русского литературного языка? Может быть, в настоящее время это уже неживые обороты, синтаксические архаизмы? Но само понятие синтаксического архаизма трактуется по-разному. Известный чешский лингвист Б. Гавранек пишет: «Синтаксические архаизмы всегда являются живыми, и, следовательно, они не архаизмы. Обычно из-

меняется только их классификация и их стилистическое употребление...» («K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, стр. 80).

В различных грамматических исследованиях обороты «Что было / будет делать?»; «Мне было / будет ехать» относятся к инфинитивным предложениям. Интересные наблюдения содержатся в работах Ф. И. Буслаева, Н. П. Некрасова, А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. И. Чернышева. К. А. Тимофеева и др.

Большинство исследователей исключает конструкции с *было/будет* из категории инфинитивных предложений. Так, например, А. М. Пешковский квалифицирует подобные предложения как «глагольные безличные» (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 349). С другой стороны, эти конструкции рассматриваются как формы инфинитивных предложений со значением прошедшего и будущего времени (Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения.— В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967).

Совершенно очевидно, что то или иное решение вопроса связано с определением роли и значения безличных форм глагола *быть* в этих конструкциях. Одни грамматисты склонны видеть в нем модальный безличный глагол с вещественным значением, другие — связочное или вспомогательное слово, формальный показатель времени и наклонения. Второе решение представляется более правильным: инфинитивные предложения без глагола *быть* и конструкции с *было / будет* — синтаксические формы одного и того же типа простого предложения.

В данной статье делается попытка на конкретном материале показать принадлежность инфинитивных предложений с глаголами *было/будет* системе современного русского языка, главным образом его разговорной разновидности; установить, что предложения «Мне ехать/Мне было ехать/Мне будет ехать» — разные формы одного и того же структурно-семантического типа.

Рассмотрим каждый член этого ряда синтаксических конструкций и прежде всего инфинитивные предложения без глагола *быть*.

Инфинитивные предложения организуются независимыми формами инфинитива и дательного падежа со значением деятеля. Предложение может быть построено и без дательного падежа, но отнесенность действия к лицу — определенному, неопределенному или обобщенному — всегда сохраняется; например: «Да, да, я знаю... *Ехать*...— сказал он и, сгорбившись, пошел к вагону» (В. Титов. Всем смертям назло). Существенный признак инфинитивных предложений — их особая модальная семантика: значения долженствования, необходимости, неизбежности, следования, предстояния, возможности, невозможности, целесообразности, уместности и т. п. Так, в примере «Мне ехать» возможны значения и долженствования, и необходимости, и неизбежности, и предстояния (я должен, мне надо, необходимо, придется, предстоит ехать). В контексте эти значения конкретизируются.

Структурная схема нередко осложняется какими-либо компонентами: вопросительными, отрицательными, количественными и др. словами; в предложениях с такой осложненной основой модальное значение может несколько стираться. Сравним:

1. Собственно инфинитивные предложения	*Ехать*	Значение долженствования или необходимости
2. Инфинитивные предложения с вопросительными словами	*Сколько ехать?* *Куда ехать?*	Значение предстояния как ослабленное значение долженствования или необходимости
3. Инфинитивные предложения с количественными словами	*Ехать час* *Ехать километр*	Собственно констатация с оттенком значения долженствования или необходимости
4. Инфинитивные предложения с отрицательными словами	*Ехать некуда* *Ехать не к кому*	Модальная семантика стерта

В двух последних случаях модальные значения долженствования, необходимости, возможности лишь дополняют общее значение констатации, утверждения или отрицания.

Отмеченные особенности важно учитывать при характеристике грамматических значений инфинитивных предложений. Дело в том, что далеко не все рассматриваемые конструкции одинаково свободно образуют те или иные синтаксические формы и прежде всего формы со значением синтаксического времени. Это значение выражается в языке специальными грамматическими средствами. В соотносительном ряду противопоставлений инфинитивных предложений выявляются три синтаксических времени:

настоящее — без глагола *быть* (Мне ехать)
прошедшее — с глаголом *было* (Мне было ехать)
будущее — с глаголом *будет* (Мне будет ехать)

Глагол *-быть* лишен здесь какого бы то ни было вещественного значения: существования, бытия, наличия и т. п. Его функция чисто служебная — быть специализированным грамматическим показателем синтаксического времени, то есть относить сообщение в план прошлого или будущего.

От каких же инфинитивных предложений, с какими модальными значениями образуются формы прошедшего и будущего?

Покажем на примерах из художественной литературы и разговорной речи, что конструкции с *было/будет* — не искусственная лингвистическая модель, а реально существующие в современном языке обороты с определенным грамматическим значением, функционирующие наряду с инфинитивными предложениями без глагола *быть*.

1. Собственно инфинитивные предложения.

а) Значение долженствования, необходимости, неизбежности, предстояния (тип: «Мне ехать»): «Матушка, да ведь мне с ней-то жить будет» (А. Островский. В чужом пиру похмелье); «До воды им было еще шагать и шагать — кому больше, кому чуть-чуть» («Комсомольская правда», 23 июля 1967); из разговорной речи: «Опять мне одному будет чай пить», «На следующей остановке нам будет выходить», «А потом мне будет вам бюллетень давать», «Утром сыну было бежать на электричку»;

б) Значение отрицания необходимости: «Родители его имели достаток, *ума ему было не занимать стать*» (Минченков. Воспомина-

ния о передвижниках); «Дмитревскому было не привыкать к таким ударам судьбы» (Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского);

в) Перекрещивающиеся значения а) и б): *«Не мне было допустить,* чтобы в данном случае имя моей жены было связано с чьим бы то ни было именем» (Пушкин. Письмо к А. Х. Бенкендорфу, 1836); *«Им было только от нас деньги-то взять,* а родни-то хоть век не видать» (А. Островский. Праздничный сон до обеда); «Только с птичьим щебетом и сравнить было звонкий Полин голосок» (Леонов. Русский лес).

Основная сфера бытования таких предложений — обиходно-разговорная речь. Некоторые из них несут на себе отпечаток устарелости, так, например, конструкция типа *пойти было:* «Пойти было прогуляться на скотный двор» (Фонвизин. Недоросль), семантика которой тонко определена В. И. Чернышевым: «Дело как раз идет о таких действиях, для которых пропущен необходимый момент и последовал непоправимый результат» («Труды Института русского языка». Т. I. М., 1949). Не что иное, как реликт, и пословичные обороты: «Быть было ненастью, да дождь помешал»; «Быть было худу, да бог не велел» и т. п.

2. **Собственно инфинитивные предложения со значением невозможности** (тип: «Мне не уехать»).

а) Прошедшее время: «И теперь Анне и ее ночному попутчику было не разминуться с ними» (Исаев, Коротеев. Глубокая граница); «Цветы пахли по-вечернему. Особенно старались лилии, но даже *им было не справиться с матиолой»* (Зернова. Солнечная сторона); «Ни в слободе, ни в Москве самой не найти было бойца Никифорову под пару» (Мстиславский. Грач — птица весенняя); «Метра два... А может, и все три — *в темноте не разобрать было»* (Казаков. Тихое утро); *«И снова не разобрать было слов,* не уловить мелодии» (Казаков. Ночь); «Я сразу поехал в город. *Разрушений было не сосчитать»* («Комсомольская правда», 15 мая 1966); «И все же общего удовлетворения было никак не достичь» («Известия», 6 ноября 1966);

б) Будущее время: «За всей гранатой позже пошлют грузовик. Или трактор, если *грузовику будет не подобраться»* (Глинка. Запуск). Из разговорной речи: «А пройдет несколько лет, *этой книжки уже будет не купить»* (учительница московской школы); «Мест в библиотеке уже будет не найти», «Мне, видимо, не уехать будет в начале мая» (аспирантка-филолог); «Зимой теплой шапки будет не достать»; «Нам за вами не угнаться будет»; «Не ставьте так: между столом и тахтой будет не пройти»; «Нет, эту папку будет не положить в сумку».

Как видно из приведенных примеров, инфинитивные предложения со значением невозможности по сравнению с предыдущей группой более свободно образуют формы синтаксических времен. Правда, употребление форм будущего времени ограничено обиходно-бытовой речью. Инфинитив в этих предложениях, как правило, совершенного вида. Интересно отметить, что такое употребление совершенного вида с глаголом *будет* возможно только в инфинитивных предложениях. Это убедительное доказательство принадлежности значения будущего времени конструкции в целом, показатель отличия синтаксического будущего от сложной формы будущего морфологического (т. е. собственно глагола).

3. **Инфинитивные предложения с вопросительными словами** — значения долженствования, необходимости, возможности или отрицание этих значений несколько ослаблены (тип: «Что делать?»; «Куда ехать?»).

а) Прошедшее время: «Да и к чему было говорить, к чему расспрашивать?» (Тургенев. *Дворянское гнездо*); «Стыдиться ли было своей бритой головы и половинчатой куртки?» (Достоевский. Преступление и наказание); «Григорию ли было соперничать в подарках с сыном богатейшего в верховьях Дона помещика?» (Шолохов. Тихий Дон); «Откуда было *парню в те трудные годы взять* да и пустить в расход целого барашка?» («Комсомольская правда», 24 июля 1968); «А ведь река существует тысячелетия; *почему же щуке было не зайти лет пятьсот назад и водиться в реке*, подобно тому как водится иная рыба?» (Солоухин. Лирические повести);

б) Будущее время: «*А как ему за вас будет заступиться*, если вы станете бунтовать и разбойничать?» (Пушкин. Дубровский); «Не знаю, *каково будет тебе переносить*, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим» (А. Островский. Доходное место); «Вы возьмите, моя почтенная, *как вам тогда жить-то будет!*» (Салтыков-Щедрин. Смерть Пазухина). Из разговорной речи: «Как им будет поступить в этом году в институт?», «Как зиму будет прожить?», «Я часто думаю: вот вернусь домой — *чем жить будет?»; «Ну, как сидеть будет без дела?* С тоски умереть!».

Более обычна форма прошедшего времени, нормальна она и в риторических вопросах, например: «Где уж американцам было узнать, что ложь и что правда» (Послание Джона Рида.— «Огонек», 1967, № 42); «И если он стал чуждым близкому кругу товарищей, то *где ж было ему найти прямой*, душевный отдых?» (Минченков. Воспоминания о передвижниках).

4. **Инфинитивные предложения с количественно-обстоятельственными словами** — значение утверждения наличия с оттенком долженствования, необходимости или предстояния (тип: «Ехать километр»; «Ехать час»): «А идти было двенадцать километров» (Казаков. Кабиасы); «Идти было недалеко, быстрым шагом — минут десять» (Ходза. Звезда в зените). Такие предложения с глаголом *будет* в современном языке чрезвычайно редки. Из разговорной речи: «Там, наверно, дальше будет идти»; «Следующего автобуса будет долго ждать».

5. **Инфинитивные предложения с отрицательными местоименными словами** — значение собственно отрицания с оттенком долженствования, необходимости, возможности (тип: «Ехать некуда»).

а) Прошедшее время: «Да и прекрасно,— говорю,— *незачем было меня и ждать*» (Лесков. Жемчужное ожерелье); «Да, крыть было нечем» (Макаренко. Педагогическая поэма); «Весь апрель и май Благовещенский провел в Юрьевце, у сестры Зинаиды: *ехать было некуда, да и не на что* — денег ни копейки» (Васильев. В час дня, ваше превосходительство...); «Таков был план. Со стороны он выглядел стройно, *придраться было не к чему*» (В. Некрасов. Судак); «Не к чему было теперь применять свою изобретательность и энергию» (Минченков. Воспоминания о передвижниках); «Все было кончено, и *говорить было более не о чем*» (Булгаков. Мастер и Маргарита);

б) Будущее время: «Зачем ты бьешь собаку, она уйдет, *и ночью*

некому нас стеречь будет» (Л. Толстой. Малышам); «Единоличие — капут бабьему упрямству. *Некуда будет деться»* (Д. Зорин. Русская земля). Из разговорной речи: «Нам пойти будет некуда, поговорить не с кем»; «Не о ком теперь ей будет думать и заботиться».

В современном языке не ограничены ни возможности образования временных форм этого типа инфинитивных предложений, ни сфера их употребления.

Рассмотренный материал приводит к следующим выводам:

1. Инфинитивные предложения с глаголами *было / будет* принадлежат современной грамматической системе. Наличие этих конструкций не случайно, они выполняют вполне определенную функцию, являясь, как было показано, временными синтаксическими формами. Это как раз то, что обеспечивает их существование как грамматической модели.

2. Значение синтаксического времени в инфинитивных предложениях представлено трехчленным противопоставлением; формальные показатели: в настоящем времени — отсутствие вспомогательного глагола; в прошедшем — *было,* в будущем — *будет.* Вне этой системы противопоставлений синтаксическое время не существует. Так, не имеют соотносительных форм настоящего времени такие конструкции, как: «Пойти было», «Вернуться было тебе» и т. п. Не является показателем синтаксического прошедшего времени глагол *было* в инфинитивных предложениях с частицей *бы:* «Ну и было бы сразу прийти» («Макаренко. Педагогическая поэма); «Я говорю, было бы мне ту утку поискать!» (Казаков. В тумане); «Было бы ему сразу ехать домой, и машина на Дубки шла» (Казаков. Кабиасы).

В инфинитивных предложениях с частицей *бы* (синтаксическая форма сослагательного наклонения) значения необходимости, следования, целесообразности не соотнесены с каким-либо определенным временем: «Вам бы вступиться за Павла-то! — воскликнула мать, вставая» (М. Горький. Мать); «Никитин оглянулся по сторонам.— Послать бы кого-нибудь» (В. Некрасов. Рядовой Лютиков). Сравнение их с предложениями «Вам было бы вступиться за Павла-то!»; «Послать было бы кого-нибудь» показывает, что в конструкциях с *было бы* есть обращенность в план прошлого; однако эта обращенность не есть значение синтаксического времени: здесь нет противопоставленности формам настоящего и будущего. Это скорее смысловой план, а не грамматический.

3. Возможность образования форм синтаксического прошедшего и будущего зависит от особенностей строения и модальной семантики инфинитивного предложения. Все примеры в статье расположены в порядке «ослабления» модальной семантики. Обнаруживается такая зависимость: чем «сильнее» модальная семантика (а соответственно и с м ы с л о в а я отнесенность содержания в план будущего), тем менее свободно и нормально образуются и функционируют в языке грамматические временные формы. Грамматическая модель синтаксического прошедшего и будущего времени собственно инфинитивных предложений (за исключением отрицательных конструкций со значением невозможности) малопродуктивна. И наоборот, от инфинитивных предложений, осложненных вопросительными, количественными, отрицательными словами, образование временных форм свободно и нормально.

4. Из двух форм синтаксического времени — прошедшего и будущего — более продуктивна первая. Это утверждение справедливо по отношению ко всем разновидностям инфинитивных предложений. Причину, вероятно, нужно искать в самой языковой природе инфинитивных конструкций, в специфике их семантики. Ведь в схеме предложения уже есть обращенность в будущее, обусловленная значениями долженствования, необходимости, возможности и т. п. Таким образом, обороты с *будет* как бы совмещают в себе два разноплановых будущих времени: одно смысловое, заключенное в самой схеме предложения, другое — грамматическое, выраженное специальным вспомогательным глаголом. Возможно, это одно из обстоятельств, предопределяющих преобладание конструкций с *было* над предложениями с *будет*.

5. Конструкции с *было / будет* нельзя зачислять в синтаксические архаизмы. В конкретном лексическом наполнении это живые обороты современного языка. Ни у кого из говорящих по-русски не вызовут сомнений такие предложения: «Нам было / будет не справиться с работой»; «Что было / будет делать?»; «Не о чем было / будет жалеть» и т. п. Правда, сфера их употребления ограничена обиходно-бытовой речью. Однако это не может опровергнуть того положения, что формы прошедшего и будущего времени инфинитивных предложений (пусть функционально закрепленные) принадлежат грамматической системе современного языка и необходимы ей. Это убедительное свидетельство того, что синтаксическое время — сильная категория, охватывающая все типы простого предложения, в том числе и инфинитивные, в самой структурной схеме которых уже заключена временная семантика.

Э. М. ТУЛАПИНА
Москва

Проскачу и проскочу

Основной принцип русской орфографии — писать корни и другие значимые части слов (приставки, суффиксы и окончания) всегда одинаково, если даже произношение их в составе разных слов и форм изменяется. Чтобы выполнить это требование, применяют правило проверки безударных гласных по ударным в составе того же корня (далее будем говорить только о корнях): **года** — **год**, **ходить** — **поход**, **голова** — **головы** и **головка**; **пяти** — **пять**, **часовой** — **час** и т. п.; конечные согласные проверяются по согласным перед гласными: **год** — **года**, **поход** — **походы**, **снег** — **снега** и т. п.

К сожалению, такое правило действует не всегда. В одних случаях эти буквы вообще нельзя проверить и их надо запоминать: **собака**, **сапог**, **аршин**, **один**, **вокзал**, **зигзаг** и т. п.; в других — частные орфографические правила расходятся с этой проверкой: *заря*, *но зори*; *загореть*, *но загар* и т. п.

Последние случаи в пособиях по орфографии обычно объединяются под названием «чередование гласных» в корне. Проверка безударных гласных по ударным в этих случаях не используется

отчасти потому, что в ударном положении в соответствующих корнях может быть не один какой-либо звук (а следовательно, и буква), как это обычно бывает, а два: зори и зарево, поклон и кланяться и т. п.

К разряду слов (или корней) с чередующимися гласными относят обычно и слова с корнем *скак-/скок-/скач-/скоч-:* скакун, выскочка и под.

Правописание слов с чередующимися гласными в корне составляют один из самых трудных разделов нашей орфографии. Можно, вероятно, как-то улучшить и упростить существующие правила. Предложения выдвигались не раз, но по тем или иным причинам они отводились. Предлагались, например, в корне *зор-/зар-* (зори — зарево) в безударном положении писать всегда *о*: зоря, зоревой и т. п., так как проверка по слову *зóри* более оправдана, чем по слову *зарево*, тем более, что и теперь некоторые слова этого корня пишутся с безударной буквой *о*: зоревать, зорянка. Но предложение было решительно отвергнуто: многим показалось, что в пушкинской строке «Взойдет ли наконец прекрасная заря?» невозможно написать *зоря*. «Обоснование», конечно, очень слабое. Однако и оно присоединилось к голосам многочисленных противников нового правила. Мы не будем сейчас говорить обо всем этом. Возьмем только слова с корнем *скак-/скок-/скач-/скоч-*.

Правила написания этого корня формулируются по-разному:

1) «Чередование *а* и *о* находим также в глаголах *скакать — вскочить*... и в образованных от них словах: скакун — выскочка...» (Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956);

2) «В корне *скак-* пишется *а* (перед *к*), в корне *скоч-* пишется *о* (перед *ч*), например: скакать, вскочить. Исключение (в безударном положении): скачок, скачу» (Д. Э. Розенталь. Пособие по русскому языку для поступающих в вуз, М., 1965);

3) «Необходимо запомнить написание слов с корнем *скак-* (*скач-*) — *скоч-*, например: скакать, вскочить, заскакать, заско-

Задача

1) Представим себе такую не совсем обычную ситуацию: некий научно-фантастический роман начинается фразой: «Кардала лежал на полу». Можно ли, не читая роман дальше, определить, одушевленный или неодушевленный предмет обозначает таинственное слово *кардала*. Если вы внимательно прочитали статью Г. А. Качевской «Домишко, амбаришко», то вам легко будет ответить на наш вопрос.

2) Усложним задачу. Представим, что наш роман начинается так: «Кардала лежит на полу». Почему теперь на наш вопрос нельзя дать точного ответа?

Ответы см. на стр. 84.

Примечания:
1) обе таинственные фразы грамматически верны;
2) слово *кардала* построено в соответствии со словообразовательными принципами русского языка.

чить, скачок, выскочка, подскочить» (В. Ф. Греков и др. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы. М., 1968).

Но можно обойтись без запоминания разрозненных слов (да и как запомнить, если некоторые из них различаются только буквами *а* и *о:* проскачу и проскочу!) и без исключения из правила (основанного к тому же на чисто формальных приметах), а само правило подвести под основной принцип русской орфографии: безударные гласные проверять по ударным. Такая возможность в данном случае есть, так как слова с указанным корнем, в написании которых надо различать безударные корневые *а* и *о,* неодинаковы по значению.

Это относится прежде всего к глаголам. Имеется ряд глаголов, в которых пишется безударное *а*: скакать, вскакать, выскакать, заскакать, отскакать, перескакать, прискакать, подскакать, проскакать, ускакать. Ему противостоит почти такой же ряд с безударным *о* в корне: вскочить, выскочить, доскочить, отскочить, перескочить, прискочить, подскочить, проскочить (нет лишь бесприставочного глагола).

Глаголы 1-го ряда (с безударным *а*) по значению связаны с исходным для них *скакать:* 1) передвигаться скачками, прыжками, 2) ехать (на лошади) быстро, вскачь. К этому добавляются и грамматические приметы: исходный глагол несовершенного вида, приставочные глаголы сохраняют значение длительного действия; все они изменяются по I спряжению.

Глаголы 2-го ряда (с безударным *о*) непосредственно не связаны со *скакать* и не имеют своего исходного бесприставочного глагола, в их значении есть оттенок быстроты действия, внезапности, однократности; все они принадлежат ко II спряжению.

Личные формы (кроме 1-го лица единственного числа и кроме всех форм глагола с приставкой *вы-*) у тех и других глаголов имеют ударение на корневом гласном, например, форма 2-го лица единственного числа: *отска́чешь — отско́чишь, проска́чешь — проско́чишь* и т. п. Ударные гласные, как всегда, пишутся по произношению. Это опорные написания. По ним и следует проверять написание форм с безударным корнем, учитывая при этом значение сопоставляемых форм: подскакать, подскачу, подскакавший, подскакав — подска́чешь; подскочить, подскочу, подскочивший, подскочив — подско́чишь и т. п.

Глаголы с приставкой *вы-* имеют ударение на самой приставке, поэтому у них нет своих ударных (опорных) форм, но им легко найти такую форму, подходящую по значению, у глаголов с другими приставками: выскакать — проскакать, проскачет; выскочить — проскочить, проскочит и т. п.

Есть еще глаголы на *-ивать, -нуть:* отскакивать, отскакнуть и под. Глаголы на *-ивать* соотносятся с глаголами обоих рядов, но с ними не связаны какие-либо орфографические трудности, так как корневой гласный — ударный: по ним нельзя проверять

другие формы (глаголы на *-ивать*, *-ывать* вообще нельзя использовать для проверки), но сами они пишутся по произношению. Глаголы на *-нуть* связаны со *скакать* и должны проверяться по его ударным формам: перескакну, перескакнёшь, перескакнёт и т. п.— скачешь или перескачешь, перескачет и т. п.

Есть, наконец, существительные, прилагательные, наречия: скачок, выскочка, скаковой, вскачь, скакун, скакалка и др. Некоторые из них имеют ударные гласные (вска́чь, ска́чки, подско́к, заско́к) и потому никаких затруднений не вызывают. Слова с безударными корневыми гласными (выскочка, скачок и т. п.) легко подводятся по значению к одному из указанных ранее рядов и проверяются по их опорным формам: выскочка (выскочить) — проскочит; скачок — скачешь, скачет и т. п. Выражение *на скаку* пишется с буквой *а*, так как связано по значению с глаголом *скакать — скачешь*.

Общий вывод может быть таким: написание корня *скак-/скок-/скач-/скоч-* в составе конкретных слов и их форм можно не запоминать для каждого случая в отдельности, а проверять по соответствующим опорным положениям, но при проверке надо быть особо внимательным, так как при этом приходится учитывать различие в значении родственных слов. В этом отношении рассматриваемый корень близок к корням слов *макать* и *мочить*, *сравнять* и *сровнять* (например, *равный* и *ровный)*, но смысловые отличия его разновидностей проявляются более отчетливо и последовательно.

А. И. МОИСЕЕВ
Ленинград

Лингвистическая викторина

1. Женщину, работающую на пишущей машинке, называют *машинисткой*. А как назвать мужчину, исполняющего эту работу?

2. Известно, что уроженцев или жителей Поволжья называют *волжанами* или *волгарями*; людей, живущих на Дону, Кубани,— *донцами, кубанцами*. А как называют жителей местностей, расположенных вблизи рек Оки, Печоры, Чусовой?

3. *Супруг — супруга*. Обычно для образования лиц женского рода используются суффиксы (учитель — учительница, пловец — пловчиха и т. д.), но слово *супруга* образовано путем изменения только окончания. Назовите еще несколько слов, образованных таким способом.

4. *Балерина* — 'артистка балета'. А каким одним словом можно назвать артиста балета (мужчину)?

5. Чем отличаются по значению слова *архивариус* и *архивист?*

6. Что означают слова *китобоец* и *китобой?*

7. Назовите по крайней мере пять слов, в образовании которых дважды участвует суффикс *-ость*.

8. Какова форма повелительного наклонения от глагола *ехать?*

9. Образуйте родительный падеж множественного числа от слов *чулки* и *носки?*

10. Назовите именительный падеж слов, имеющих в родительном падеже формы *щец*, *дровец?*

11. Образуйте краткую форму от прилагательного *маленький?*

Ответы см. на стр. 117.

Точки: две и... три

В 1965 году в статье «Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки» (сб. «Из опыта преподавания русского языка нерусским». М., 1965) В. Г. Костомаров обратил внимание на то, что двоеточие в заголовках стало «повальным увлечением», но «массовым это увлечение стало лишь в последние два года». По мнению В. Г. Костомарова, «заголовок с двоеточием» восходит, «несомненно, к структуре прямой речи». Автор выделяет два типа заголовков: 1) «кто: что сказал» и 2) «где: что происходит». Распространение их объясняется стремлением журналистов, с одной стороны, связать заголовок с текстом и, с другой — вынести наиболее существенную часть текста в заголовок. Двоеточие позволяет синтаксически оформить усеченные куски текста в единое целое. Знак препинания превращается в связующее звено. Этим достигается смысловая насыщенность заголовка и его телеграммная краткость.

Двоеточие: долгое отдохновение или «распахнутое окно»!

Регламентировать употребление двоеточия совершенно необходимо, так как оно теряет свое значение, заменяя то тире, то восклицательный знак, а то и просто ставится там, где никакому знаку по правилам русской орфографии быть не положено.

Вспомним, что означает двоеточие. Во-первых, паузу — по старой терминологии, «долгое отдохновение»; во-вторых, еще со времен М. В. Ломоносова наши грамматики сохраняли за этим знаком препинания традиционно сложившееся значение: «Две точки примеры, причины и речи вносные напереди показывают» (М. В. Ломоносов. Российская грамматика). Собственно это же толкование находим мы и в «Грамматике русского языка» под редакцией академика Л. В. Щербы (ч. II. М., 1953): «Двоеточие характеризует группу слов, за ним следующую, как некое объяснение предыдущего». Посмотрим, в какой мере руководствуется этими общими правилами наша пресса.

1. **Венера: здравствуй, посланец СССР!** («Известия», 18 октября 1967); **Конст. Федин: Штрих к портрету Н. Г. Чернышевского** («Литературная газета», 21 августа 1968); **Читатель: «ЛГ» выступала на эту тему...** (рубрика, там же). Подобные примеры, конечно, восходят к конструкции прямой речи. И хотя отсутствуют кавычки, второе звено часто начинается заглавной буквой. Этот чисто формальный признак традиционно сохраняется в обновленной конструкции прямой речи. Двоеточие здесь не только выделяет вторую часть — «что сказал», но и символизирует опущенный глагол говорения, обычный при прямой речи (сказал, говорит, воскликнул).

Следовательно, достигается определенная краткость, столь необходимая в заголовках вообще и, особенно, в газетных.

2. **Пакистан: испытания и надежды** («Известия», 14 августа 1965); **Ташкент: встречи, беседы** («Комсомольская правда», 6 января 1966); **Париж: сезон премий** («Литературная газета», 29 ноября 1967); **США: на словах — мир, на деле — усиление войны** («Правда», 3 августа 1968). В «Правде» и в других газетах в разделе кратких новостей эти заголовки оказываются чрезвычайно экономными и выразительными: **С берегов великих рек. Енисей: новь Шушенского; Днепр: музей под небом; Лена: горнякам Якутии; Аму-Дарья: вода идет к полям** («Правда», 28 июля 1967).

Все случаи отвечают формуле

«где?: что происходит, произошло?». Однако эта формула не соотносится столь прозрачно со структурой прямой речи. Если слова *Ташкент, Париж* понимать как «говорит Ташкент», «говорит Париж», то вторая часть не всегда ассоциируется с прямой речью, например: **Нюрнберг: преступление и наказание** («Известия», 18 ноября 1965). Второе звено здесь — часть сложного бессоюзного предложения, поясняющее первое («что произошло?»). Двоеточие как бы скрепляет воедино эти усеченные звенья, вынесенные в заголовок. Можно сказать, что в формуле «где?: что?» переплетаются конструкции прямой речи (первое звено) и бессоюзного сложного предложения с двоеточием (второе звено).

Вторая часть заголовка — это не только именные группы: **София: единство и дружба** («Литературная газета», 31 июля 1968), но и целые предложения, строки последующего текста, заключающие самое важное в описываемом событии: **Сеул: плетутся сети опасного заговора** («Известия», 15 июня 1966); **Греция: «Свободен! бросьте эти шутки...»** («Литературная газета», 5 июня 1968).

Первая часть конструкции «где?: что?» может означать не только географическое понятие, но и политический союз, название предприятия, театра, а также более обобщенные понятия — город вообще, село вообще, планета, мир: **НАТО: боссы нервничают** («Известия», 26 августа 1966); **Зил: путь в полвека** («Известия», 3 августа 1966); **«Ла Скала»: на сцене и за кулисами** («Советская культура», 12 марта 1966); **Лужники: два часа надежды** («Известия», 21 сентября 1967); **Общий рынок: маневры и противоречия** («Правда», 25 декабря 1965); **Город: каким ему быть!** («Литературная газета», 9 сентября 1965); **Луна: алмазы, железо. Что еще!** («Комсомольская правда», 15 января 1966); **Планета: тревоги, надежды** (постоянная рубрика. «Комсомольская правда», 19 декабря 1965); **Мир: хроника и проблемы** (постоянная рубрика. «Комсомольская правда», 13 августа 1967).

Первая часть конструкции «где?: что?» может состоять из ряда однородных членов — названий стран, городов, в которых произошли какие-то общие события: **Алжир, Марокко: фильмы, рожденные в борьбе** («Литературная газета», 21 августа 1968).

Если место действия — две страны-союзницы, то возникает сочетание из двух именительных падежей, соединенных тире в функции союза *и*: **СССР — ГДР: рекордный товарооборот** («Известия», 4 декабря 1965); **СССР — Афганистан: соседи и друзья** («Известия», 4 июня 1968).

3. К этой уже устоявшейся формуле «где?: что произошло?» подходят и такие заголовки: **Гуманизм: реальность и утопия** («Литературная газета», 1 ноября 1967); **Физиология: ее настоящее и будущее** («Известия», 5 апреля 1967); **Хоккей: от подъема до отбоя** («Правда», 21 марта 1967); **Фестиваль: маршруты и песни** («Известия», 5 августа 1968). Этот вид заголовков оказался удобным в постоянных рубриках: **Спорт. Бокс: молодежь пробует силы; Гребля: гонки асов на озере и на реке; Водные лыжи: команда Москвы — сильнейшая; Велосипед: чемпионы есть чемпионы** («Правда», 5 августа 1968).

Суть этой конструкции можно было бы сформулировать так: «где? (в чем? в какой области науки, искусства и т. п.): какие проблемы, события, новости и т. п.».

4. **Экономическая реформа: опыт, проблемы, трудности** («Вечерняя Москва», 31 января 1967); **Пятидневка: производство, быт** («Вечерняя Москва», 11 апреля 1967); **Отдых: масштабы, география, заботы** («Огонек», 1968, № 23).

Если понимать первую часть заголовка как обозначение определенной области, места происходящих событий, обсуждений, споров, то и в этом случае возможно дать обобщенную структуру «где? (в чем? в какой области жизни, быта, труда, науки и т. п.): что происходит, обсуждается?».

5. В заголовках типа «где? (в чем?): что?» первая часть конструкции разнообразна семантически, но однообразна по форме — обычно это имя существительное в именительном падеже, иногда с определением. Но распространившееся в последние годы обозначение явлений (событий) при помощи определений без определяемого (см. об этом: «От загадки

к заголовку».— «Русская речь», 1967, № 1) захватывает и заголовки с двоеточием: **Московская химическая: День ГДР** («Вечерняя Москва», 11 сентября 1965); **Юбилейная: итоги, достижения, перспективы** («Правда», 5 августа 1967).

Интересно, что менее распространенным оказывается заголовок с двоеточием, казалось бы, наиболее структурно оправданный формальной конструкцией «где?: что?»: **В Каире: встречи и впечатления** («Литературная газета», 16 августа 1967). **В Каире** — предложный падеж прямо соотносится с вопросом **где?**, в то время как именительный, преобладающий в анализируемой конструкции, формально (грамматически) не отвечает на предлагаемый вопрос и только по смыслу может быть истолкован как обозначение места, области действия, происшествия. Чем же объяснить распространение именительного падежа и ограниченность употребления предложного?

Пунктуационный знак двоеточие имеет свое вполне определенное значение: после него должна идти группа слов, поясняющая предыдущую. Два звена, разделенные двоеточием,— это части сложного предложения:

Каир: встречи и беседы
и
В Каире: встречи и беседы.

В первом случае следовало бы прочесть: «Говорит Каир: „Происходят знаменательные встречи и беседы"» или «Расскажем о событиях в Каире, где происходят знаменательные встречи и беседы». Косвенный падеж требует иной конструкции «В Каире (где?) происходят знаменательные встречи и беседы».

Косвенный падеж с предлогом, выражающий обстоятельство места, преобразует заголовок в простое предложение и не позволяет ставить двоеточие, не допускает ту ритмическую мелодию, которая обусловлена двоеточием: **В Каире** — (происходят) **встречи и беседы.**

Конструкция с двоеточием создает краткость телеграммы при минимальном падежном изменении, рубленом ритме назывных, бессказуемых предложений (обоих или только первого звена).

Мода на двоеточие приводит к некоторому однообразию; появляются заголовки, однотипные по значению, но восходящие к иным синтаксическим структурам: **Турин. Салон — 68** («Литературная газета», 21 августа 1968); **Индонезия. Год последней надежды!** («Литературная газета», 14 августа 1968) и **Индонезия: «Пять миллионов детей вне школ». «Цены возросли еще на 20 процентов»** («Литературная газета», 14 августа 1968); или **Осака, Экспо-70** («Литературная газета», 31 июля 1968).

6. Некоторые варианты дают заголовки с обозначением времени: **Вчера, сегодня, завтра: Мекка химии — парк «Сокольники»; Слово перед театральным стартом** (постоянная рубрика. «Комсомольская правда», 10 сентября 1965); **Июль: клинок и ковер** (из рубрики «Спорт». «Неделя», 25 июня — 1 июля 1967); **Телетайп ТАСС: с 9 до 13** (постоянная рубрика. «Вечерняя Москва», 30 октября 1967). Здесь возможны две структуры: 1) «когда?: что?» и 2) «где?: когда?».

Легко устанавливаем подчинительную связь «Говорит телетайп ТАСС: сообщаем новости, полученные с 9 до 13». Такой подчинительной связи нет в заголовках **Париж: на пороге лета** («Известия», 11 июня 1966), **Рио, 11 вечера и позже** («Известия», 13 апреля 1967). Знаки препинания — двоеточие в первом заголовке и запятая во втором — выступают в несвойственной им функции, символизируя пропуск вспомогательного глагола **Париж (есть, находится) на пороге лета** и предлога **Рио в 11 вечера и позже.** В этих случаях в русском языке принято тире, а можно и не ставить никакого знака препинания.

Поиски новых конструкций в кратких заголовках со значением места и времени, вероятно, также обусловлены чрезмерным распространением заголовка с двоеточием. Стремление к разнообразию поддерживает заголовок, восходящий к форме датировки писем, деловых бумаг, дневников: **Ташкент, сентябрь 1968 г.** («Литературная газета», 14 августа 1968).

7. Под влиянием заголовков с двоеточием, восходящих к прямой речи и сложноподчиненным предложениям, возникают по чисто формальной аналогии конструкции:

Нефть: активы и пассивы («Известия», 18 декабря 1965); **Мебель: производство, торговля, спрос** («Правда», 1 августа 1966); **Сталь: качество, темпы** («Известия», 25 марта 1966). Можно ли вторую часть воспринимать как пояснение первой? Вероятно первая часть — это краткие наименования соответствующих промыслов, отраслей промышленности. В таких конструкциях очень важен вид связи, оправдывающей двоеточие или не допускающий его. Вот два характерных примера: **Хлопок: 5 576 тысяч тонн** («Известия», 14 ноября 1967); **Резерв: миллион тонн серной кислоты** («Правда», 13 августа 1965). В том и другом случае двоеточием разделена группа «определение + определяемое»: «5 576 тысяч тонн хлопка»; «Резерв в миллион тонн серной кислоты». Вторую часть конструкции можно рассмотреть и как именную часть сказуемого. Но ни одно толкование структуры не оправдывает двоеточие ни семантически, ни логически, ни ритмомелодически.

Еще более неожиданно двоеточие, разделяющее определяемое слово и согласованное определение: **Точность: микронная!** («Вечерняя Москва», 5 июля 1967).

8. Не оправдано двоеточие и в газетных заголовках, представляющих простые предложения с опущенным глаголом-связкой: **НАТО: больной организм Атлантики** («Известия», 31 января 1966); **Кашмир: яблоко раздора** («Литературная газета», 28 октября 1965); **Байкал: наша общая забота** («Литературная газета», 13 декабря 1967); **Враг общий: империализм** («Комсомольская правда», 4 августа 1968).

Еще более очевидна ошибочность двоеточия в примерах с явно выраженной зависимостью именного сказуемого (вторая часть) и подлежащего (первая часть): **Гарантия: высокое качество** («Известия», 8 июня 1968); **Основа счастья: равенство** («Комсомольская правда», 15 июня 1966). И даже: **Жалобщики: овощи!** («Известия», 16 августа 1965); **Лемарк: композитор, певец, поэт** («Известия», 22 января 1966). Все приведенные примеры могут быть выражены обобщенной формулой «что? — (есть) что?» или «что? — (является) чем?», то есть формулой простого предложения «подлежащее — именное сказуемое». Подчеркнутое выделение сказуемого, пропуск глагола связки и естественная пауза между подлежащим и сказуемым традиционно выражается знаком тире. А двоеточие передает, как известно, только подчинительную связь.

9. В газетной практике закрепляется двоеточие и после слов обращения-призыва **алло** и **внимание**, например: **Алло: луна!** («Известия», 1 сентября 1967); **Внимание: куклы!** («Советская культура», 7 августа 1965); **Внимание: творят роботы!** («Комсомольская правда», 11 ноября 1967). Если английское слово hallou 'алло' воспринимать не как междометный возглас, а как глагол 'слушаю', то вторая часть конструкции дополнит, пояснит первую, а двоеточие как раз и подчеркивает эту дополнительную поясняющую функцию. То же объяснение возможно и для заголовков со словом **внимание**. Замена восклицательного знака, обычного после слов **алло** и **внимание**, позволяет разнообразить интонацию **второго** звена без однообразного насыщения эмоциональным восклицанием. Ср.: **Внимание! куклы!** Но в традиционно установившихся объявлениях, например, в дорожных предупреждениях, обычное **Внимание! Идут дорожные работы** оправдано привычкой водителей к определенному штампу. Внимание читателя не нужно привлекать необычностью, рекламностью. Наоборот, необходимо постоянство знака предупреждающей фразы. Следовательно, знак препинания должен быть оправдан семантически, структурно-грамматически и ситуативно.

10. Интересную группу представляют заголовки с двоеточием и глагольной первой частью: **Остерегайтесь: летун** («Вечерняя Москва», 16 августа 1965); **Берегитесь: опасная зона!** («Вечерняя Москва», 24 августа 1965). Повелительная форма глагола объясняется во второй части, в ней раскрывается причина: «берегитесь, так как здесь опасная зона», «остерегайтесь, потому что это летун».

Не менее распространены конструкции: **Нам пишут: призрачное разнообразие** («Советская культура»,

3 декабря 1966); **Отвечают: Министерство связи СССР, Кисловодский горсовет** («Литературная газета», 5 июня 1968); **Выигрывают: автопарк, водитель, пассажир** («Вечерняя Москва», 11 декабря 1965); **Разговор ведут: электрик, ученый, строитель, аспирант, колхозник, шофер, студентка, кладовщик, школьница** («Комсомольская правда», 2 марта 1966).

Однотипность этих примеров только кажущаяся. Первый из них — **Нам пишут: [что!]** — не противоречит общим правилам о двоеточии. Вторая часть заголовка воспринимается как придаточное предложение, дополняющее переходный глагол **пишут.** В других примерах мы встречаемся с инверсией сказуемого и однородных подлежащих, волей журналиста разделенных двоеточием. Двоеточие между подлежащими без обобщающего слова и сказуемым противоречит установленным правилам русской пунктуации. Если допустить, что двоеточие символизирует пропуск обобщающего слова и подготавливает перечисляющую интонацию, то этот знак можно оправдать. В газетном заголовке такое решение *удобно, но возникает явное противо*речие со школьными правилами о недопустимости разделительных знаков препинания между подлежащим и сказуемым.

Как примирить «школьную» пунктуацию и пунктуацию прессы, если учесть чрезвычайно индивидуальное и разнообразное употребление того же двоеточия: **Победа в космосе это: расцвет научной мысли, торжество рабочих рук, экономическое могущество родины, творческая энергия всего народа** («Известия», 10 октября 1967); **Разговаривая со своими ролями: Л. Сухаревская** («Советская культура», 6 июня 1967); **Итак: Почерк жизни. Каким он должен быть сегодня!** («Комсомольская правда», 20 января 1966); **Неразборчивая критика или: не всяк капрал, кто палку взял** («Советская культура», 21 августа 1965). И еще один пример: **Лесовод и дровосек: комментарий к конфликту** («Комсомольская правда», 6 июля 1968). Смысловая связь звеньев, разделенных в заголовке двоеточием, была настолько не ясна и не обоснована, что уже в дальнейшем поднятые проблемы обсуждались под заглавием **Спор лесовода с лесорубом** («Комсомольская правда», 9 августа 1968).

В журнале «Огонек» (1968, № 26) был опубликован рассказ С. Георгиевской «Двоеточие». Автор вспоминает школьные годы и уроки русского языка:

> Учительница... как лоцман, провела нас сквозь точки и запятые. Мы благополучно доплыли до двоеточия.
> — Знаете ли, ребята, что означают две точки — двоеточие?
> Мы молчали. Откуда нам было знать?
> — Двоеточие — это распахнутое окно... Например, я раскрыла окно и увидела... Что я увидела? Посмотрите в окно... Я увидела: липу, ольху, акацию. Или — к причалу подходят баржи. Какие? Распахнем окно двоеточия... Пассажирские, грузовые, буксирные и несамоходные.
> Мы поняли и принялись энергично распахивать окно двоеточия.

Когда читаешь газетные заголовки, то кажется, что многие журналисты *были соучениками С. Георгиевской:* столь смело распахивают они «окно двоеточия». Но все ли школьные преподаватели согласятся с учительницей — бравым лоцманом? Действительно ли во всех случаях можно распахнуть окно двоеточия? И не будет ли такое «окно» грубой ошибкой в решающем экзаменационном сочинении?

И все же двоеточие приобретает новую функцию. Какую? Попытаемся определить ее на основе всех проанализированных материалов.

Двоеточие становится ритмико-эмфатическим знаком. Функция его двоякая. С одной стороны, интонационная, с другой — структурно-смысловая. Двоеточие символизирует пропуск обобщающего слова и паузу, подготавливающую перечисляющую интонацию. Возможность такого употребления двоеточия признает и школьный учебник. Само правило о месте двоеточия изложено *не по тем строгим правилам,* которые предписываются учебником: «Двоеточие ставится: 1) перед однородными членами предложения после обобщающего слова...» и т. д.

(С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков. Учебник русского языка. Ч. II. М., 1967). После глагола *ставится* обнаруживаем двоеточие, хотя нет обобщающего слова, последующая группа слов не составляет предложения, дополняющего сказуемое, и само сказуемое выражено непереходным глаголом. Это и не придаточное предложение, поясняющее первую часть, не прямая речь и не цитата. Следовательно, двоеточие выполняет здесь функцию смыслового обобщения всех следующих за ним правил, символизирует паузу перед перечисляющей интонацией.

Двоеточие выражает также в самом широком смысле подчинительные связи в усеченных конструкциях типа «где?: что?»; «когда?: что?».

Заголовки с двоеточием интернациональны. Например, в одном номере газеты «l'Humanité Dimanche» (22 октября 1967) на первую страницу вынесены заголовки наиболее важных статей: Venus IV: le sens de l'exploit (Венера IV: значение событий); Londres: Big Ben, hippies et mini-jupes (Лондон: Большой Бен, хиппи и мини-юбки); Perray-Vaucluse: que a tué le psychiatre (Перрей-Воклюз: кто убил психиатра?). Как видим, здесь почти все типы усеченных, эмфатических структур, восходящих к сложноподчиненным предложениям или к прямой речи.

Но тенденция к интернационализации сталкивается с традицией активного усвоения того или иного явления семантико-грамматической и фонетической системой языка. В русском языке двоеточие означает подчинительные связи между главным и придаточным предложениями, перечисление. Поэтому оно невозможно после предлогов, соединительных союзов, между определением и определяемым, группой подлежащего и сказуемого. Замена двоеточием тире, восклицательного знака, запятой стирает своеобразие этого пунктуационного знака, лишает его собственно языкового значения: **Внимание — амброзия!** (*«Известия», 6 сентября 1968*). Внимание! **Новые фильмы** (рубрика. «Советская культура», 7 сентября 1968); **Внимание: природа** (рубрика. «Комсомольская правда», 1 сентября 1968). Двоеточие превращается в пустой графический значок, «украшающий» своим необычным положением газетный заголовок, становится универсальным заменителем «на все случаи письма».

Знак пресекательный — знак соединительный

В последнее время еще один знак препинания распространился в газетах — многоточие.

> У Феликса Кривина есть рассказ «Три точки». Это о многоточии и его значении. Что такое одна точка? Ничто. О ней вспоминают, когда предложение закончено. И вот три точки решают объединиться. И оказывается теперь, они могут прервать предложение, заставить слово, повисев на кончике пера, отправиться в чернильницу. «Три точки — это вам не одна. В предложении три точки кое-что значат» (Карманная школа. Ужгород, 1952).

И это «кое-что» в современном языке газеты довольно многозначно.

В старых грамматиках многоточие — знак пресекательный — ставилось, когда речь бывала неожиданно прерванной (А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1856). Функция эта сохраняется и в современном

Нам нужно вспомнить, как относился к языку Ленин. Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за чистоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология.

Максим Горький

языке, но в ней можно выделить два оттенка значения: 1) многоточие означает незаконченность мысли, пропуск или намеренное умолчание; 2) оно соединяет несколько сообщений в нечто единое.

1. **Ну и дела**... («Комсомольская правда», 18 мая 1965); **Будет Карелия сниться**... («Комсомольская правда», 18 января 1966); **Ташкентский драматический**... («Советская культура», 16 июля 1966); **У вас созрели фрукты**... («Вечерняя Москва», 1 августа 1966); **Когда куклы плачут**... («Комсомольская правда», 11 августа 1967); **Поспешая с выводами**... («Литературная газета», 5 июня 1968); **Мальчишка рвется в комсомол**... («Комсомольская правда», 4 августа 1968).

Заголовки с многоточием разнообразны по структуре. Это начальные части предложений, определения, заключающие самый важный момент информации, кусок фразы из текста самой статьи. Это относительно новый прием в газетной практике. Чаще всего именно в таких заголовках мы встречаемся с многоточием в начале, а не в конце, как обычно. В такие заголовки вынесены заключительные слова фраз из текста статьи. Здесь та же недоговоренность, интригующая читателя. Но в этих случаях неизвестно начало высказывания:... **жестоко, но честно** («Комсомольская правда», 19 июня 1966); ...**так и откликнется** («Известия», 21 октября 1965); ...**и снова москвичи** («Вечерняя Москва», 3 августа 1966); «...**запомните его навечно!**» («Литературная газета», 21 августа 1968).

Многоточие в начале не всегда бывает оправданным. Заголовок иногда имеет законченный вид и многоточие выглядит искусственным «украшающим» довеском: ...**вел репортаж Вадим Синявский** («Комсомольская правда», 10 августа 1966).

В некоторых случаях несмотря на многоточие усеченный характер фразы уничтожается заглавной буквой, начинающей вынесенное в заголовок звено текста: ...**И подземелья подчиняются смелым** («Вечерняя Москва», 8 июля 1966).

Поддерживают традиционное употребление «знака пресекательного» такие заголовки: **Юрта... двадцатого века** («Вечерняя Москва», 14 августа 1965); **Виноделы мира скрестили... бокалы** («Комсомольская правда», 10 сентября 1965); **В небе... агитсамолет** («Правда», 5 июня 1968).

Во всех случаях многоточие ставится перед словом, обычно вызывающим удивление. Это одно из живейших значений в современном функционировании многоточия.

Заголовок с многоточием обусловлен желанием привлечь внимание читателя, но им все же злоупотребляют и настолько, что он становится обычным штампом. В «Литературной газете» 31 июля 1968: **К району завтрашнего дня...; От Волги до Дона...; Из деревенского оазиса» — родине...; Скакали по космосу ковбои...; рубрика — Читатель не согласен...; Жизнь наградит вас великими радостями...**

2. Многоточие — знак пресечения — употребляется как соединение: Читатель просит рассказать... (рубрика), ...**долго ли будет существовать «Луна-10»! ...о фабрике химической чистки одежды** («Правда», 4 июля 1966); **Когда верстался номер..., Передал ТАСС..., Прозвучали позывные «Маяка»..., Союзное радио рассказало..., Сообщили из АПН...** («Вечерняя Москва», 28 июля 1966); **Вчера на конгрессах — математиков**..., ...**птицеводов** («Правда», 17 октября 1966); **На зеленом поле**..., ...**на льду** (рубрика. «Вечерняя Москва», 28 сентября 1967); **Уголок ...Этнографа. Микросани ...Натуралиста. Знакомьтесь — рыжик! ...Астронома. Прогулка по небу** («Вечерняя Москва», 17 августа 1968).

Многоточие связывает различного рода сообщения, придает им форму единого целого, позволяет создать общую рубрику. Многоточие может и начинать заголовок и как бы прерывать его, отсылая читателя к тексту статьи. Многоточие начинает абзацы новых информаций, делая их продолжением общей для всех строки, вынесенной в заголовок. Заканчивая заголовок одного сообщения, многоточие начинает заголовок следующего, что уже создает определенное наглядное сцепление информаций, зрительно объединяет их еще до того, как читатель приступил к чтению текста.

А. А. БРАГИНА
Москва

Спор о русских именах

А. В. Суслова и В. А. Никонов затрагивают вопрос, который не может не волновать каждого из нас. Ведь имя, данное человеку при рождении, остается с ним на всю жизнь.

Исстари русские люди носили красивые, звучные имена. Невольно вспоминается Ярослав Мудрый, буй тур Всеволод, князь Игорь и Ярославна, Добрыня Никитич...

А каким стал русский именослов в наши дни? Меняется ли он количественно, какие имена популярны теперь и почему?

Статьи А. В. Сусловой и В. А. Никонова во многом спорны. Однако и вопрос не так прост — об этом можно судить по фактическим данным, которые приводят авторы.

Редакция надеется, что в споре о русских именах примут участие и читатели журнала. Ждем ваших писем.

●

Сколько имен у малышей? Какие они?

Подсчеты в Ленинградском дворце «Малютка» за январь — март 1966 года показали, что самые распространенные имена мальчиков — Александр, Алексей, Андрей, Дмитрий, Игорь, Сергей. Эти шесть имен охватывают 53,6 процента всех детей мужского пола. У девочек семь имен — Елена, Ирина, Марина, Наталья, Ольга, Светлана, Татьяна — уже 66,6 процента. Это и есть имена массового распространения, которые так часты среди малышей. Несколько реже встречаются — Вадим, Валерий, Владимир, Константин, Михаил, Олег, Юрий и Анна, Людмила, Юлия. В широком обиходе, таким образом, всего 13 мужских имен — 76,4 процента общего числа имен и 10 женских — 74,7.

К числу ограниченно распространенных имен относятся: мужские — Анатолий, Борис, Виктор, Виталий, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Евгений, Иван, Кирилл, Леонид, Максим, Николай, Павел, Станислав, Эдуард, женские — Алла, Валентина, Вера, Вероника, Виктория, Галина, Екатерина, Жанна, Инна, Лариса, Любовь, Маргарита, Мария, Надежда, Нина. В общем получается, что 93,7 процента мальчиков носят всего 31 имя, а 92,3 процента девочек — 25 имен. Различными редкими именами называют

лишь небольшое число малышей — 60—70 человек из тысячи. Среди относительно редко встречающихся имен: Антон, Аркадий, Валентин, Василий, Герман, Глеб, Григорий, Данила, Денис, Лев, Петр, Роман, Федор, Александра, Антонина, Елизавета, Зинаида, Ксения, Лидия, София, Тамара и другие, а также имена народов СССР.

Имена, раньше относительно редкие, стали в настоящее время массовыми и наоборот. Общее количество имен на каждую тысячу человек значительно уменьшилось и не превышает в наши дни вместе с именами народов СССР 70—75 как имен у мальчиков, так и у девочек. Забыты многие замечательные имена, столетиями бытовавшие в народе. На две тысячи учтенных в 1966 году новорожденных приходилось 266 Сергеев, 231 Александр, 181 Андрей и всего лишь десять Георгиев, три Глеба и один Захар. Имя Елена присвоено 295 девочкам, Ирина — 212, Татьяна — 201, а Валентина — восьми, Елизавета — трем, Зоя — только одной.

Причина этих явлений отнюдь не в том, что народ разлюбил свои исконные близкие ему имена. Детям и сейчас дают такие редкие имена, как Всеволод, Галактион, Глеб, Захар, Иннокентий, Никодим, Платон, Родион, Северин, Тимофей, Тит, Филипп, Арина, Дарья, Ульяна и другие, но пока это лишь единицы. Главная беда в том, что нет разнообразных пособий и справочников, никто не занимается популяризацией имен, забыли о своей прямой обязанности календари.

Борьба за честь русских имен, за обогащение их состава (включая народные варианты), за грамотное унифицированное написание их, за включение в именословы забытых имен и имен народов нашей страны, а также некоторых новых — не является ли это одной из задач популярного журнала «Русская речь»? Читатели журнала, а как вы оцениваете положение?

А. В. СУСЛОВА
Ленинград

Иван и Винегрет

Все девочки, родившиеся в Костроме в 1931 году, получили 139 имен; а в 1961 году, хотя количество родившихся удвоилось, женских имен оказалось всего только 57. Фактически имен еще меньше: ведь некоторые употреблены по одному разу. В Костроме больше половины всех мальчиков, рожденных в 1961 году, получили только 4 имени: Сергей, Александр, Андрей, Владимир. В Ульяновске за 1967 год 5 самых частых имен (те же и Игорь) дали почти трем четвертям всех новорожденных мальчиков, в том числе Сергеи составили 24 процента, то есть почти каждый четвертый получил это имя. То же самое с именами девочек. В городах всюду самое употребительное Елена, за ней — Светлана, Наталья, Ирина, Ольга, Марина. На три четверти всех новорожденных хватает этих шести имен. Такова статистика ЗАГСов.

В сельских местностях состав самых употребительных имен несколько иной (преобладают Александр, Татьяна), и он еще меньше, чем в городах.

При этом поразительно, насколько сходен выбор имен по разным местностям. В одиннадцати областях, по которым автор выполнил подсчеты за 1961 год, на каждую тысячу новорожденных девочек имя Татьяна повторялось в областных центрах от 81 до 98 раз, в сельских районах — от 101 до 142. Родителям никто не приказывал, а результат оказался таким, словно дана разнарядка. Такова могущественная власть общественного вкуса.

Хорошо или плохо, что ассортимент личных имен сократился? Некоторые встревожены и опасаются, что убыль имен приведет к всеобщей путанице.

Среди народов Северной Сибири сохранилось представление, что имя и душа едины. Там родившимся дают только имена умерших родственников. У некоторых племен Новой Гвинеи обычна даже «охота за именами»; нападают на соседние деревни и перед тем, как зарезать человека, требуют: «Имя! Скажи свое имя». Это объясняется так: «Имен не хватает». Конечно, те, кто бьют тревогу о том, что у нас не хватит имен, исходят из иных предпосылок и предлагают бескровную охоту за именами. Но боязнь эта напрасна всюду.

Уменьшение количества употребительных имен — процесс здоровый. Если их станет много и большинство из них будут единичными, вот тогда и неизбежна путаница. Даже такое нередкое имя, как **Вячеслав,** в 1961 году в Клявлинском районе Куйбышевской области зарегистрировано, как **Вечислав и Вечяслав.** Во многих документах Костромской и других областей значится **Владимер**. Частое татарское имя **Венера** пишут в метриках **Венира, Винера** (Татарский Старо-Кулаткинский район Ульяновской области) и даже **Ванира** (Владимирский городской ЗАГС — в областном центре!). Сколько мытарств предстоит людям при назначении пенсий и в десятках других случаев жизни: месяцами длятся переписка и хождения по учреждениям, когда в документах имя записано по-разному. И это не бюрократизм, а справедливая требовательность, без которой немыслим никакой контроль. Уж не посадить ли в каждом сельсовете на регистрацию имен работника с высшим образованием? Но и высшее филологическое образование не поможет записать такие имена, как **Лагшмивара** и **Оюшминальда** (произносятся: Лакшмивара, Аюшминальда). Как догадаться, что **Оюшминальда** — это «Отто Юльевич Шмидт на льдине», а **Лагшмивара** — «Лагерь Шмидта в Арктике»?

Беспокоиться надо не о количестве имен, а об их качестве.

С середины 20-х годов хлынул многотысячный поток новых имен. Исторически оправдываемые как протест против старого, они, однако, принесли мало удач. Названные в те годы **Пятьвчет** («пятилетка в 4 года») и **Электрофина** без благодарности вспоминают родителей, которыми руководили лучшие побуждения. Не знаю, живы ли родившиеся тогда **Эмбрион** и **Лагшмивара,** а **Винегрет** жив (родился в 1942 году в Хоботовском районе Тамбовской области). Каково будет его детям носить отчество, которого они по закону не могут сменить? Теперь таких имен меньше, но они еще продолжают появляться. В Ульяновске родители дали своему сыну имя **Электрик.** В Москве отец-рабочий наградил дочку именем **Баядера** — увидел на афише и решил «приобщиться к искусству», не потрудившись выяснить значение. Девочка подрастет, узнает, что обозначает ее имя, но до совершеннолетия изменить его не сможет.

К сожалению, и сейчас не единичны имена в голливудском духе: всяческие **Миральды, Эльвиры** и прочая низкопробная лжекрасивость, навеянная убогими представлениями о «заграничном шике».

Многие родители, не задумываясь, дают любое имя, попавшееся случайно. Нередко серьезней выбирают себе костюм, чем имя ребенку. В свидетельствах о рождении (значит, и в паспортах) часты формы: Оля, Лена, Витя и прочие. Некоторые родители не знают, что это уменьшительные формы. Но и для тех, которые знают, такие имена пси-

хологически естественны: только что родившегося ребенка им трудно представить взрослым. А он вырастет и будет директор **Витя Сергеевич** профессор **Оля Павловна.**

Появляются имена, от которых трудно образовать отчество, словно родители заранее отказывают себе во внучатах. Не задумываются и над тем, как будут называть их ребенка в семье и товарищи по школе. Правда, среди собранных пензенскими студентами уменьшительных форм от личных имен, возникших в советский период, есть ласкательные и к Пятьвчету и к Трактору.

На Всесоюзном совещании по личным именам (Москва, апрель 1968) Т. А. Короткова привела обнаруженное ею в свидетельстве о рождении (Свердловск) чудовищное сочетание имени с фамилией: **Грация Неумытова.** *Злейший сатирик не придумает!*

«Гордые» имена **Гений, Герой** — подлинная трагедия для тех, кого так нарекли. Школьника со средними способностями грешно упрекнуть за тройку, но, если его имя **Гений,** несоответствие будет преследовать человека всю жизнь.

Откуда родителям знать, какие имена выбрать? И к кому обратиться за советом? Многие работники ЗАГСов сами ничего не знают ни об истории имен, ни о современном их функционировании. Иногда проскальзывают в печати письма, заметки и фельетоны об именах, но все высказывающиеся опираются только на собственный вкус. А на что им опереться? Никакого объективного критерия пока нет. Иногда пытаются дать практические рецепты, но если нет ни системы, ни теоретической базы, все наблюдения и советы субъективны и произвольны. Напрасно надеяться на то, что спасут именословы. Хороший справочник имен невозможен, пока не решены еще самые основные вопросы, серьезная научная разработка которых потребует нескольких лет, а она и не начата.

У нас еще нет антропонимики — науки о совокупности собственных имен людей. Эта наука вместе с топонимикой, этнонимикой и др. входит в *ономастику* — отдел лингвистики, изучающий все собственные имена. Писали по этим вопросам многие. Для всех следующих поколений антропономистов останутся немеркнущими имена Н. М. Тупикова, А. И. Соболевского, А. М. Селищева. Но даже их работы — только отдельные фрагменты. Теперь впервые ученые разных специальностей объединяются для совместных исследований: прошли встречи антропонимистов на трех украинских и 1-й поволжской ономастических конференциях, состоялось специальное Всесоюзное совещание по личным именам, на котором вместе с учеными (лингвистами, социологами, историками, этнографами) работали практические работники ЗАГСов (было прочитано 116 докладов).

Предстоит заложить фундамент советской антропонимики — разработать ее теоретические основы, без которых и тысяча исследований не станет наукой. Пока спорны даже такие ключевые вопросы: как определить имя собственное? выражает ли оно понятие? какова разница между личными именем и прозвищем? и мн. др. Крайне трудно, но необходимо найти объективный критерий качества имени, позволяющий научно доказать — хорошо имя или плохо.

Спрашивая «что значит это имя?», смешивают совершенно разное. Даже пишущие о личных именах сеют путаницу. Поэтому особенно бесполезны попытки рассуждений о «переводимости» и «непереводимости» собственных имен. Личное имя значит «вот этот человек». Но это «паспортное» значение содержит и значения более общие, например, в большинстве антропонимических систем: мужчина или женщина, национальная либо религиозная принадлежность, при сословном строе — положение на лестнице социальной иерархии и т. д.

Но совсем иное дело: что значило слово, из которого возникло имя собственное, то есть какова его этимология? Это и хотят узнать спрашивающие о значениях собственных имен, но не умеют сформулировать

вопрос. Этимологическое значение личного имени (например, 'свет' в русском **Светлана**) в отличие от собственно антропонимического не обязательно, лишь немногие личные имена сохраняют его. В некоторых именах пытаются воскресить его, а на самом деле подставляют иное значение, переосмысляя по внешнему совпадению звуков ставшее непонятным слово (**Борис** не имеет никакого отношения к глаголу **бороться**).

Этимологии некоторых имен известны очень немногим (допустим, Леонид — древнегреческое 'потомок льва', Марина — латинское 'морская'). А происхождение большинства самых употребительных имен известны только специалистам (**Ирина** — древнегреческое 'мир', **Валентин** — латинское 'сильный') или неизвестны даже им (Нина, Сергей). Больше того, слово нарицательное, став именем собственным даже без всяких внешних изменений, уже не то слово (оно даже склоняется иначе: родительный, дательный, предложный падежи — **любви,** но **Любови**). Слова **салат, котлета** вызывают приятные эмоции, но совсем противоположный эффект вызвали бы те же самые слова в роли личных имен **Салат, Котлета:** яркое этимологическое значение сталкивается с новым антропонимическим, вызывая конфликт.

Важно здесь и следующее: собственное имя получает особую смысловую окраску в зависимости от качеств обозначаемого объекта. Доходит иногда до того, что и этимологическое и антропонимическое значения утрачиваются, а живет только третье — от-антропонимическое: говоря **хулиган, король,** никто не думает о мистере Хулигане и императоре Карле (их имена послужили «прототипами» этих слов).

Меняющееся соотношение этих разноплановых значений и дает характеристику имени. Одни выбирают имя **Светлана** за то, что оно перекликается со словом **свет**, а другие, наоборот, предпочтут **Веронику** именно за то, что этимологически оно для них ничего не значит. В обоих случаях выбор идет в плане до-антропонимических значений. В других — подход от-антропонимический: одни выберут Татьяну, потому что так звали бабушку или героиню «Евгения Онегина», другие — Виталину, потому что не напоминает им ни о ком.

Само по себе, взятое вне времени и среды, любое имя ни хорошо, ни плохо, а только безразличный набор звуков. Оно имеет смысл только в определенной среде и в определенное время. Это превосходно понимал Пушкин, упомянув в примечании к «Евгению Онегину»: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами» и в самом тексте «звала Полиною Прасковью» (то есть гналась за иноязычной модой, брезгуя именем хотя и античного происхождения, но ставшим достоянием крестьянок и купчих). Имя **Петр** было редким в Древней Руси, совсем не употреблялось в княжеской среде до середины XIV века и участилось в XVII веке, а слава Петра I сделала его одним из самых частых. Но вот на троне замелькали Петр II, Петр III, и жалкие их фигуры отбили охоту повторять это имя. В XIX веке Петры почти перевелись среди привилегированных слоев, хотя имя еще держалось в народе. Судьба имен изменчива социально-исторически, а ведь ни репутация «святого», ни дата имени в календаре не менялась.

Наивны высказывания об именах «благозвучных» или «неблагозвучных». Чаще всего так говорят, подразумевая совсем иное и не умея (или не желая!) объяснить более убедительно. Девочку, рожденную в феврале, родители хотели назвать Февралина, а им возразили: «Неблагозвучно!». Как раз очень звучно: вслед за легким губным зачином чудесно переливаются три сонорных, два гласных переднего ряда придают мягкость предшествующим согласным. Но, конечно, **вралина** воспринимается как производное от **врать.** Значит, дело тут не в неблагозвучности, а в «неблагозначимости», если можно так сказать.

Обширные материалы наблюдений убеждают, что в истории личных имен могущественны такие закономерности, которых не видели сами называющие и не замечали исследователи, но которые обнаруживает статистика. Чтобы не приводить много цифр, ограничимся единственным примером (формы мужских имен по их окончаниям, в процентах):

Окончание имени	Вторая половина XVIII века	Вторая половина XIX века	1961 год
Твердый согласный	60	60	45
и	26	36	51
а	14	4	0,1
Прочие	—	—	4

Стремление к норме неумолимо вытесняет мужские имена на -а (Фома, Никита), оставляя этот признак за женскими. Становятся властной нормой имена на -й (хотя сам набор их менялся: **Тимофея** и **Терентия** сменили **Николай и Алексей**), теперь лидируют **Сергей, Андрей, Юрий, Геннадий, Валерий.** Победа этих имен подготовлена тенденцией их роста за несколько столетий. Можно сформулировать вывод, который удивит не изучавших внимательно многовекового движения имен: не потому победила форма на **-й,** что полюбились **Сергей, Андрей** и т. д., а потому и часты **Сергей и Андрей,** что оканчиваются на **-й,** хотя сами выбирающие, конечно, об этом совсем не думали, подобно тому, как любой русский, никогда не изучавший грамматику, безошибочно согласует **новым домом,** а не **новая домом** или **новыми дом.**

Личное имя — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, независимо от того, понимают говорящие эти законы или нет. Но, конечно, не безразлично: пользоваться ли языком сознательно или вслепую. Личные имена составляют особый разряд слов, в котором общие законы языка действуют специфически. Кроме того, здесь возникают свои собственные закономерности, подвластные социологии, истории, праву, эстетике.

В. А. НИКОНОВ

Москва

Ответы на задачу

1) В статье Г. А. Качевской говорится о том, что все слова мужского рода, имеющие окончание *-а*,— одушевленные. По форме прошедшего времени *лежал* легко определяем, что слово *кардала* мужского рода. Таким образом, если б нам нужно было поставить вопрос к этому непонятному слову, мы бы спросили так: «*Кто* лежал на полу?».

2) *Во втором предложении глагол стоит в настоящем времени,* и род существительного теперь формой не выражен. Поэтому-то мы и не сможем ответить на поставленный вопрос.

Почему остроумный?

Известно, что остроумный человек не обязательно наделен глубоким умом. «Тотъ не великой еще человѣкъ, кто умно вымышляетъ и глубоко остроумиемъ проницаетъ» (XVIII век). И наоборот, умный человек может быть совершенно лишен остроумия.

В современном слове *остроумный* присутствует понятие ‘острого’. *Острый* — такой, о который можно уколоться, обрезаться. В переносном употреблении прозрачно отражается прямое: *острое* положение, *острое* словцо, *острый* момент.

Однако в значении слова *остроумный* есть оттенок, не укладывающийся в эти рамки. Человек может говорить колкости, резкости, может быть язвительным (*колоть, резать,* древнерусское *язвити* ‘ранить’ — все имеет отношение к ‘острому’), но не они определяют остроумие. Остроумный человек может быть удивительно приятным и веселым и за всю жизнь не допустить ни одного резкого суждения. Почему же все-таки *остро*-умный?

Остроумность ответа (в словах или в поступках — все равно) достигается тем, что окружающие не ожидают именно такого хода мысли. В остроумии присутствует смысловая неожиданность, быстрая реакция мысли на слова собеседника или на обстановку.

В древнерусском языке *острый* имело два основных значения: ‘острый’ — мечь остръ (XI век); ‘быстрый’ — гнѣвъ остръ (XI век), острѣ плѣнити (XII век). Есть все основания предполагать, что *остроумный* образовано из *острый* во втором значении и в древнерусском языке означало ‘быстроумный’. По тому же признаку — быстроты ума, мысли — возникли слова, означающие остроумие в других славянских языках: например в чешском bystrost myšlení, в польском bystrość umysłu, хотя и в чешском и польском есть слово ostry ‘острый’.

Поскольку в русском языке значение ‘быстрый’ у *острого* исчезло, а связь существительного *остроумие* с прилагательным *острый* очевидна, произошел некоторый семантический сдвиг в сторону ‘острого’ у всего гнезда (острый ум, остроумие, остроумный и т. д.).

В ранних примерах слово *остроумие* употребляется иначе, чем в современном языке. «Ты же...— обращается Иларион к князю Владимиру, при котором крестилась Русь,— токмо от блгаго помысла и остроумия разумѣвъ, яко единъ есть богъ» (XI век, по списку XV века). Архиепископ Васиан Ростовский взывает к уму великого князя, умоляя его твердо стоять за христианскую веру: «Молю же о семь царское твое остроумие, богомъ данную ти премудрость, да не позазриши моему худоумию» (Летопись по Воскресенскому списку XVI века). В полном соответствии с этим встречаем и *остроумный*. Даже в поздних памятниках оно значит 'умный, разумный, быстро соображающий': «Дѣвица бо сущи остроумна, вся глаголемая ей добрѣ разумѣваше» (Чюдо... о царевне Персике, XVIII век); «А люди тоя страны зѣло учтивы... и ко учению остроумныя» (Описание государства китайского, 1731 год). Зато Н. Н. Новиков, описывая характер М. В. Ломоносова, употребляет *остроумный* в совершенно нашем смысле: «Нравъ имел он веселый, говорилъ коротко и остроумно, и любилъ въ разговорахъ употреблять острые шутки» (Опыт исторического словаря о Российских писателях, 1772 год).

Остроумие как быстрота и находчивость ума ценилось во все века. В Духовном регламенте 1721 года есть такое предписание: «Новопришедшего ученика отвѣдать память и остроумие и если покажется весма тупъ, не приниматъ въ Академию». Некоторые от природы наделены остроумием: «И прия отъ Бога даръ многъ и мудрость остроумну обрѣтъ». Кого же бог обделил этим качеством ума, тот мог прибегнуть к другому средству. Лечебник начала XVIII века рекомендовал, например, в таком случае куриный суп: «Уха курячья... от пракажения очищается такожде и разум острыи даетъ».

Кто же первый из древнерусских людей назван в памятниках письменности остроумным? Это Ольга, жена князя Игоря. В 903 году, когда Игорь подрос, «приведоша ему жену от Плескова (Пскова), именемъ Олгу, остроумную» (Повесть временных лет по Переяславскому списку). Образ ее, нарисованный легендой, великолепен. Крестьянская девушка, красотой и умом пленившая княжича, стала киевской княгиней. После убийства мужа древлянами, оставшись с малолетним сыном Святославом на руках во главе большого государства, эта молодая женщина показала себя мудрой и сильной. Она умело княжила, жестоко отомстила древлянам за смерть Игоря, усмирила непокорные племена, вырастила из сына блестящего полководца и отважного воина.

Вот один из летописных рассказов этого периода.

Десять лет спустя после гибели мужа Ольга прибыла с визитом в Царьград. Царь Константин был покорен умом и красотой русской княгини. «Подобна еси [ты достойна] царствовати въ градѣ с нами»,— сказал он. Но выходить замуж за Константина не входило в расчеты княгини. Надо было отказать царю, но не обидеть его. Ольга нашла остроумный выход. Выслушав предло-

жение царя, она сказала: «Азъ погана есмь [Ольга была язычницей], да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ». «И крести ю царь с патреархомъ». После крещения позвал ее царь и сказал *опять: «Хощю тя пояти собѣ женѣ»* [*Хочу тебя взять в жены*]. Княгиня ответила: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси [и ты сам это знаешь]». Она была права, христианин не мог жениться на крестной дочери. Царь оценил ее ум и деликатность и проводил Ольгу с великими почестями, «давъ еи дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя».

Этот летописный рассказ, по-видимому, не совсем точен. Император Константин Багрянородный, писатель и ученый X века, в то время был женат и едва ли мог предложить княгине выйти за него замуж. Но он действительно оказал Ольге великолепный прием, достойный умной правительницы большой и сильной страны.

Н. В. ЧУРМАЕВА

Впопыхах

Значение этого наречия в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» определяется так: «Запыхавшись от быстрого бега, волнения и т. п., торопливо». Например: «Работник впопыхах вбежал к нему с криком: „пожар! пожар!“» (Тургенев. Однодворец Овсяников); «Не прошло месяца, как опять получилось письмо... написанное... впопыхах, прыгающими буквами» (Мамин-Сибиряк. Любовь). Еще в прошлом веке это наречие встречалось без начального *в*: «Переселенческая станция выстроена в Томске второпях и попыхах» (Г. Успенский. Письма с дороги); «Я не понимаю, как вы можете исполнять какое-либо дело с вашими вечными попыхами и рассеянностью» (Фет. Ранние годы моей жизни).

По своему внешнему облику слово относится к таким наречиям, как: *второпях*, *впросонках*, *впотьмах*, обозначающим ‘способ действия’ и образованным от формы предложного падежа множественного числа существительных с предлогом *в*. *Впотьмах — потьма*: «Что, мошенник, по какой дороге ты едешь? — сказал Чичиков.— Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!» (Гоголь. Мертвые души); *второпях — торопь*: «Торопь такая, что некогда дохнуть» (В. И. Даль, запись живой речи). Таким образом, наречие *впопыхах* — застывшая форма предложного падежа множественного числа от существительного *попых* ‘поспешность’: «Попыхом города не срубишь» (Второпях, спешкой города [или укрепления] не построишь). Существительное *попых* образовано при помощи приставки *по-*, которая есть также в словах *попрошайка*, *поплясуха*, *попрядуха*.

Выходит, что *впопыхах* образовано от *попых*, а последнее в свою очередь от звукоподражательного *пых*, употреблявшегося для обозначения какого-либо слабого звука или вдоха: «Едем, этак ночью с Аркадий Павлычем... а тут пых со стороны из ружья» (Мамин-Сибиряк. Золотуха); «(Я) свалился с приступки... и ни вздоху, ни пыху!» (Бунин. Суходол). От существительного *пых* образован глагол *пыхать — пыхтеть*: «Журавка обыкновенно фыркал, пыхал, подпрыгивал и вообще ликовал при этих спорах» (Лесков. Обойденные).

Возможно, от существительного *пых* образовано и прилагательное *пышный* — первоначально в значении 'воздушный': *пышная лепешка* (вздувшаяся, потому и мягкая); *пышная перина* и т. п. Отсюда и *пышное платье* — сшитое со сборками и складками; *пышный рукав*. Далее возникает переносное значение 'пушистый, густой'; пышные волосы, пышные цветы, пышный сад и т. д. Наконец, 'великолепный, роскошный': пышные цветы не только густые, но и красивые, великолепные; пышная гостиная, пышный званый обед и т. д. Это прилагательное употребляется в переносном смысле для определения речи, мысли в значении 'напыщенный, высокопарный': «За юбилейным обедом он равнодушно слушал разные пышные и сухие речи» (Лесков. Островитяне); «Его пышные французские фразы... были для меня невыразимо противны» (Л. Толстой. Отрочество).

От *пышный* образован ныне редко употребляемый глагол *пышнеть*, а также существительное *пышность*: «Его рыжеватая борода пышностью своей была похожа на хвост лисы» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Он жил с комфортом, отчасти даже пышностью» (Чернышевский. Пролог).

Итак, в глубокой древности появилось звукоподражательное слово *пых* 'вздох', *пыхати* 'дышать, пыхтеть'. Мы его знаем в записях XII и XIII веков: «(Феодосий Печерский) пыша являлся от труда» (XII век); «До седми днии лежаще пыхая...» (XIII век). Постепенно от основы слова *пых-* развились и другие, приведенные выше. Корень *пых-* может звучать с *у*: *пах* (пахнуть, пухлый, пухлость и др.), как *(в)дыхать* и *дух; слыхать* и *слух; (за)сыхать* и *сух*.

Грозный

Данное прилагательное известно в значениях 'наводящий страх, ужас, трепет': «И голос и взгляд у него были такие грозные, что пальцы Тушева начинали еще больше дрожать» (В. Некрасов. В окопах Сталинграда); *грозный голос, грозное оружие* и т. д. Еще в прошлом веке прилагательное *грозный* изредка встречалось в значении 'грозовой': «Лето стояло жаркое и грозное. Чуть не всякий день шли дожди, сопровождаемые молнией и такими громовыми ударами, что весь дом дрожал» (С. Аксаков. Детские годы Багрова внука).

В значении 'страшный' слово *грозный* известно давно. По крайней мере, мы его находим в рукописях, составленных более тысячи лет назад, но дошедших до нас в списках XI века, например: «Грозъноу быти вождю зъломоу» (Злой вождь бывает страшным). Поэтому позже возникло прилагательное *грозовой* в значении 'относящийся к грозе как атмосферному явлению' (отмечено в словарях начиная с XIX века: грозовая туча, грозовое лето и т. п.).

Прилагательное *грозный* образовано от существительного *гроза*, как *летний* от *лето*, *зимний* от *зима*, *холодный* от *холод*. Существительное *гроза* с древних пор известно в двух значениях:

1) 'молния и гром': «Посветяше молонья... и бѣ гроза велика» (Блистала молния и была гроза большая) — Летопись под 1024 годом; «Нощь стонущи... грозою птичь убуди» (Ночь, стонущая грозою, разбудила птиц) — Слово о полку Игореве;

2) 'ужас, страх': «Грозоу и страхъ творяште владыкам» (Ужас и страх наводя на владык) — Рукопись списка XI века.

Значение 'молния, гром' для слова *гроза* первично. Издавна такое атмосферное явление, как гроза, на многих наводит страх. Понятно поэтому, что слово рано приобрело и второе значение 'страх, ужас'.

От *гроза* во втором значении образованы глаголы *грозить*, *грозиться* 'наводить страх, пугать': «Сейчас отец грозился меня выгнать и лишить наследства» (Пушкин. Сцены из рыцарских времен); «Доктор кричал надорванным голосом и грозил кому-то револьвером» (Каверин. Два капитана).

Происхождение слова *гроза* точно не выяснено. Возможно, что корень слова составлен из звукоподражательного *гр-* или *гро-*, а к нему присоединен суффикс *-оз-* или *-ъз-*. Наличие этого суффикса в прошлом в

славянских языках доказал профессор Г. А. Ильинский в работе «Суффикс *-oz-/-ez-/ъz-* в славянских языках». Этот суффикс присоединяется к корням или основам, звукоподражательным по происхождению, например: *стрекоза* того же корня, что и *стрекотать* 'издавать резкий, трескучий звук'; *лобзать* (из *лобъзати*) 'целовать' и словенское labotati 'болтать' и 'целовать' в первичном значении 'чмокать'; русское диалектное *рагоза* 'ссора' и *реготать* 'хохотать, орать'.

Слово *гроза* в своем первичном значении относится к группе существительных *буря, молния, влага, суша, теча,* которые тоже обозначают явления природы. При этом все они оканчиваются на *-а* или *-я* (-ja). Это окончание в подобных словах с древнейших пор служит для выражения обобщенных понятий.

В свете сказанного вполне правдоподобно, что слово *гроза* могло произойти из звукоподражательного сочетания *гр-*, соединенного с суффиксами *-оз-* и *-а* (последний стал окончанием существительного).

Кропотливый

«Кропотливое и медленное это дело — прокладка шпал» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Кусок металла нужно было изобразить на бумаге при помощи мельчайших штрихов. В течение полугода по два-три раза в неделю сидели мы, будущие руководители армии, над этой кропотливой до одурения работой» (Игнатьев. 50 лет в строю). Из приведенных примеров видно, что прилагательное *кропотливый* имеет значение 'требующий много внимания, усилий, терпенья'. В просторечии вместо *кропотливый* говорят *кропотный:*

В работе кропотной, безмолвной,
В начальных проблесках темна,
Жизнь сыплет всюду горстью полной
Свои живые семена.

СЛУЧЕВСКИЙ.
После сельской церкви

Оба прилагательных *кропотливый, кропотный* образованы от существительного *кропот,* ныне уже неупотребительного, как *тоскливый* (тоска), *хлопотливый* (хлопоты), *дождливый* (дождь) или *грузный* (груз), *переводный* (перевод), *уютный* (уют).

Существительное *кропот* относится к таким, как *топот, грохот, ропот, шепот, хлопоты,* в которых *-от* — суффикс, присоединяющийся обычно к звукоподражательным корням, ср.: *топот* и *топ, грохот* и *грох, кропот* и *кроп,* передающий звук от падения капли. В ряде славянских языков, в частности украинском, есть слово *кропля* 'капля'. *Кропотный* или *кропотливый* значит 'требующий внимания к отдельным каплям', или иначе — к мельчайшим частицам в деле, 'требующий тщательной отделки'.

Тот же звукоподражательный корень *кроп-* находим и в глаголе *кропить* 'падать мелкими каплями или обрызгивать': «В лицо ему кропил теплый мелкий дождь» (Мальцев. От всего сердца);

Потом пошли другие годы,
Пора иных забот, хлопот:
Кропил и нивы и заводы
Крестьянский и рабочий пот.

Д. БЕДНЫЙ. Смелей!

А. С. ЛЬВОВ

Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

Л. Н. Толстой. 1906—1910. На каждый день.

Зональность природных условий и явлений — основной закон физической географии. Со школьной скамьи мы усваиваем понятия о зонах тундр, лесной, степной, пустынной, сменяющих одна другую с севера до юга. Они особенно хорошо выражены на Восточно-Европейской (Русской) равнине, изучение которой и привело к их установлению и выяснению неярко выраженных природных рубежей, разграничивающих эти зоны. Зональность отдельных природных компонентов подметил еще Александр Гумбольдт, брат известного немецкого лингвиста Вильгельма Гумбольдта. Первым, кто четко сформулировал закон зональности, был замечательный русский естествоиспытатель, почвовед Василий Васильевич Докучаев (1846—1906), которому принадлежат слова: «Зональность — это мировой закон». Правда, в ряде областей земного шара она не выражена. Причина этому — иногда горы, а в прибрежных районах — близость океана и морские течения, которые нарушают общую картину распределения природных ландшафтов.

Кажется естественным, что в учении о зонах, родившемся в России, были использованы термины, взятые из словарного запаса русского языка. Позже некоторые из них стали достоянием языков многих стран мира, где успешно развиваются географические науки.

У каждого научного термина своя история. Существенная черта, объединяющая названия географических зон,— в научный обиход они пришли из народного языка. Среди них нет ни одного искусственного образования или заимствования из западноевропейских языков.

Самая северная холодная зона — зона тундр. Слово *тундра* впервые встречается в научной литературе более 100 лет назад. Академик Л. И. Шренк (1826—1894) объясняет финское tunturi, как 'плоская безлесная возвышенность, нередко покрытая мхами'; у саами — tundar. Но в русских северных диалектах наряду с названием *тундра* употребляется *тру́нда* 'северные голые равнины, болотистые моховые низменные местности, кустарниковые или торфяные болота, торф'.

На Кольском полуострове с его пересеченным рельефом под *тундрой* нередко понимают 'горный массив, плоскую открытую возвышенность, вершину, выходящую за пределы леса'. Существует даже уменьшительная форма — *тундрица* 'небольшая с округлыми формами возвышенность'. Вот как определяет *тундру* исследователь топонимики этого полуострова А. Н. Казаков: «Комплекс гор, горный массив, отдельная гора, место, удаленное в глубь полуострова, плоскогорье, покрытое низкорослой растительностью...». («Ученые записки ЛГУ. Серия географических наук». Вып. 6; 1949). В топонимике слово оставило четкий след: Хибинские тундры (горы), озеро Тундроявр и Талышим-Тундра — все на Кольском полуострове.

Интересно, что вслед за русской колонизацией Сибири вместе с землепроходцами, как правило, шедши-

ми из северных земель европейской части России на восток, этот термин совершает удивительное путешествие до берегов Тихого океана. В Сибири, как и на Белом море, различают сухую, моховую и мокрую тундры. На Западно-Сибирской низменности, где болота занимают необозримые площади, часто под тундрой понимают торфяные болота. Весной они заливаются полыми водами, превращаясь в мелкие, но обширные озера-моря. Знаменитые Васюганские болота именуют и Васюганской тундрой. В Восточной Сибири — в Забайкалье — нередко *трунда* 'торф'. Говорят: «На пойме трунда горит». На Камчатке и Сахалине *тундра* 'болото, луг, верховое болото, безлесное или с разреженным древостоем, обычно из даурской лиственницы'. Здесь различают сухие тундры на песчаном или каменистом субстрате и бугристые — по сфагновым торфяникам.

Из всех приведенных значений термина *тундра* первичным, как будто, следует считать 'плоская безлесная возвышенность'.

Зона тундр постепенно сменяется лесной зоной. Между ними различают переходную полосу, которую именуют обычно лесотундрой.

Лес — слово общеславянское. Оно есть, например, в украинском — ліс или в польском — las, первоначально, видимо, только 'лиственный лес' (ср. древнечешское les, lesy 'листва, побеги'). М. Фасмер в «Этимологическом словаре» с этим словом связывает и английское диалектное leasow, lesew 'выгон'. В топонимике СССР слово оказалось весьма продуктивным: Полесье, Лесное, Лесные Поляны, Залесье и более редкая форма — Залес. Отсюда и такие народные географические определения: лешая земля — 'пустошь, необработанная, неиспользуемая' (известно было древнерусскому языку); лешая, лесовая вода — 'темная, богатая перегнойными веществами, болотистая вода, особенно вешняя'; лесинник — 'высокоствольный строевой лес' (северо-запад РСФСР).

Лесная зона неоднородна. На севере она представлена тайгой, то есть лесом с преобладанием хвойных, на юге — широколиственными лесами, где заметную роль играют дуб, клен, липа, с примесью хвойных. Ландшафт тайги характеризуется дремучими хвойными лесами, где господствуют ель, кедровая сосна, пихта (черневая тайга) и особенно лиственница. Нередко тайга заболочена, переувлажнена. *Тайга* — это 'лесная глушь, дебри, лесная пустыня'.

Слово *тайга* кажется исконно русским. В действительности же термин заимствован сравнительно поздно из сибирских тюрко-монгольских языков. У И. И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка» оно не приводится. Это подтверждается и отсутствием в славянской топонимике географических названий, образованных при помощи данного слова. Зато в горах Алтая и Тувы возникли десятки и сотни оронимов, то есть названий гор, например: Улан-Тайга, Хан-Тайга, Сын-Тайга, Мойна-Тайга, Ергиктаргак-Тайга, Ойва-Тайга, Кызыл-Тайга, Хор-Тайга, Кадырэги-Тайга и т. п. Есть, правда, один топоним — город Тайга на Западно-Сибирской равнине. Но это название искусственное и новое: строители Великой Транссибирской железной дороги первоначально присвоили его станции, откуда шла ветка на Томск.

В монгольских языках *тайга* — 'дремучий горный лес'. В тюрко-сибирских языках можно найти следующие значения: 'ненаселенная лесистая местность, прорезанная хребтами; горный лес; горы, лишенные леса; голец, то есть вершина, поднимающаяся выше верхней границы леса'. В ряде тюркских языков нельзя сказать *тайга* в значении 'лес вообще, лес на равнинах и в долинах'. Это дает основание полагать, что первоначально термин *тайга* был орографическим, а не ландшафтным и отвечал понятию 'гора'. Отметим, что в Южной Сибири и особенно в более сухой Монголии леса расположены на сильнее увлажненных северных и западных горных склонах. Поэтому в данном случае понятна синонимичность понятий *лес — гора* (подробнее см. мою заметку «Гора — лес».— «Русская речь», 1967, № 1). У сибиряков есть также понятие *тайга* в значении 'необитаемые леса, лесная пустыня'.

На примерах слов *тундра* и *тайга* видна общая судьба орографических терминов, которые со временем приобрели функции ландшафтных.

Лесная зона через лесостепь переходит в степную, занимающую юг России, Украину, юг Западной Сибири, север Казахстана. Среди всех ландшафтных терминов наиболее неясным остается *степь*. В физической географии — это открытое, безлесное пространство с черноземными и каштановыми почвами и травянистой растительностью, со *значительным количеством злаковых*. Осадки в степи незначительны, а с сухостью связаны признаки засоления почв, особенно заметные на южной окраине степей, где они постепенно, без четких рубежей, переходят в полупустыни.

В литературе *степь* иногда употребляется для обозначения всяких открытых равнинных слабозасоленных пространств больших размеров (также полупустынь и пустынь). Говорят и пишут: Муганская степь в Закавказье, Голодная степь в Средней Азии. В науке произошло дальнейшее расширение понятия: горная степь — высотный пояс со степной растительностью, *например на склонах* Тянь-Шаня и Алтая, даже в условиях резко пересеченного, отнюдь не равнинного рельефа.

Происхождение термина, его этимология не получили удовлетворительного объяснения. В связи с этим отметим диалектное: *степь* 'плоская безлесная возвышенность, водораздел, междуречье, гривка, сухая полоса' — в северных областях и на Урале (отмечено в Словаре В. И. Даля). У И. И. Срезневского находим, что это слово в древнерусском языке употреблялось в значениях 'ступень, порог... подножье, возвышение'. Если связь *ступень, степь — возвышение, возвышенность* справедлива, то и в данном случае прослеживается переход орографического термина в ландшафтный (ср. изменение семантики *тайга, тундра* в той же закономерности).

В сборнике «Этимология, 1965» (М., 1967, стр. 39) у О. Н. Трубачева читаем:

> Вероятно, старым элементом восточнославянского словаря является русск. *степь*, укр. *степ* — название равнинного, иногда низменного, безлесного пространства. В русской исторической лексикографии слово засвидетельствовано относительно поздно (обычно ссылаются на Хождение Котова, начало XVII в., как на источник, где это слово употреблено впервые). Эта поздняя дата будет впоследствии, бесспорно, отодвинута далеко вглубь, о чем говорит на первых порах хотя бы такой внешний факт, как употребление Шекспиром слова stepre 'степь' в тексте, *написанном до* 1600 года («Сон в летнюю ночь»). Слово *степь* не имеет пока ни ясной этимологии, ни более или менее единой реконструированной праформы. Важно иметь в виду, что недавно предложено специальное сближение этого восточнославянского слова с иранским на правах родственных образований.
>
> [Далее приводятся соответствия из осетинского (дигорского) в значении 'плоский, ровный', из общеиндоевропейского (s)ter-быть *плоским, ровным, низким*'].

Наконец, пустынная зона занимает обширные пространства Южного Казахстана, всех среднеазиатских республик, частично Закавказья. В физической географии есть несколько определений пустыни, но нет единого, общепризнанного, хотя этимология термина кажется прозрачной и не требует объяснений. Казалось бы, ясно: *пустыня* — где пусто, где нет человека, нет растительности, животных и, конечно, воды. Но такое определение может относиться к небольшим, весьма ограниченным участкам наших пустынь (и кстати, не только пустынь, но и степи и других зон). В целом в пустынной зоне СССР есть и растительность и своеобразный животный мир, местами — реки; там много колодцев, а людьми она заселена крайне неравномерно, но гораздо плотнее, чем зоны тундр или тайги. Оазисы среди пустыни обладают высокой плотностью населения, города ее многолюдны, например, в Ташкенте более миллиона жителей. Но зато в других местах можно проехать десятки километров и не увидеть человека.

Ясна четкая связь ряда: *пустыня, пустынь, пустошь, пуща.* В литературе встречается необычное сочетание *цветущая пустыня.* Действительно, во время скоропроходящих весенних дождей песчаные пустыни пестрят ярким ковром цветущих растений — эфемеров и эфемероидов, к лету, с наступлением жары, прекращающих свой цикл вегетации. В пушкинском «Путешествии в Арзрум» есть строка: «Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами». Можно сказать: холодная пустыня — о тундре, ледяная пустыня. *Пуща* 'густые заросли, дремучий лес, где нет постоянных селений'. Ср. также диалектные: *пущага* 'мелкий лесной кустарник, куда пускают скот, залежи, запущенная пашня, перелог' (В. И. Даль), 'пустое место в поле, иногда заросшее кустарником' (Вологодская область); *пустолесье* 'пустынный берег реки, безлюдный плес' (Сибирь).

Обычны соответствия в славянских языках: польское puszcza 'лесная чаща, пуща'; pusty 'лесные дебри, пустыня'; чешское pusty, poušt 'пустыня'; древнерусское *пуща* 'пустынное место, лес'. Видимо, венгерская сухая степь puszta, pusztaság 'пустыня' — слово, заимствованное из славянских языков, то же и румынское pustiu 'пустыня'.

Есть еще немало значений этих терминов, которые уже потеряли первичный прозрачный смысл 'пустой, безлюдный': *пущи* 'подводные пни, карши' (по Днестру); *пустынь* 'монастырь, скит, первоначально одинокая обитель, жилье отшельника'; *пустынный* 'одинокий'. Некоторые авторы производят отсюда и *пустельга* 'хищная птица из семейства соколиных' и названия растений: пустырник и др.

Этот терминологический ряд широко представлен в современной топонимике: *Оптина Пустынь* — монастырский памятник русского зодчества XIV века близ города Козельска Калужской области, село *Нилова Пустынь* в Бурятии, станция *Пустошка* недалеко от Великих Лук, станция *Тихонова Пустынь* между Москвой и Брянском. В списке монастырей Переславль-Залесского уезда насчитывалось девять пустыней: Успенская, Ошнова, Вепрева и др. (М. И. Смирнов. «Труды Переславль-Залесского музея». Вып. 12. 1929). Кто не знает Беловежской Пущи? На Украине работает курорт Пуща-Водица. В Латвии есть село Заля-Пуща (Зеленая Пуща).

Происхождение терминов, обозначающих географические зоны, отражает многоязыкость нашей страны. Наряду со славянскими *лес, степь, пустыня* наблюдаются финно-угорское *тундра,* тюрко-монгольское *тайга.*

Как было сказано, некоторые из них стали достоянием западноевропейских языков. Так, в англоязычных странах: taiga, tundra, steppe (современные словари дают их с пометой «русское»), но 'пустыня' desert, 'лес' wood, fórest; во французском: taiga, toundra, steppe и lande, но 'пустыня' desert, 'лес' bois, forêt; в немецком: Taiga, Tundra, Steppe, но 'лес' Wald, Forst, 'пустыня' Wüste; а в румынском 'пустыня' Deşert и одновременно pustiu, pustie — очевидный славянизм.

Доктор географических наук
Э. М. МУРЗАЕВ

РЕЧКИ — ДЕРЕВЬЯ

Сверху взгляд на Россию брось —
Рассипелась сотнями рек!

В. Маяковский

Названия рек, речек, речушек, озер, ручьев могут рассказать нам о многом: одни — о характере течения, другие — об особенностях дна и берегов водоема. Они могут напомнить нам об историческом событии, поэтическом предании, сообщить о неизвестном теперь народе, населявшем берега рек.

«Имена» рек и других водных объектов в науке называют термином «гидронимы». Водными объектами принято считать не только реки и озера, но и элементы гидрорельефа: овраги, балки, ерики, которые лишь временно и регулярно (например, каждую весну) заполняются водой или когда-то были ею заполнены.

Большая и заметная группа гидронимов — это названия, связанные с породами деревьев и кустарников: реки Ельня, Дубна, Ивенка, Вишенка, озеро Ольховское, ручей Березовый, балка Терновая, реки Вязовка, Черемушенка, ручей Малиновый, овраг Дубовый и многие другие — все это, как правило, небольшие речки и водоемы местного значения

Названия рек образуются, естественно, только от таких деревьев и кустарников, которые растут по берегам водоемов или в пойме, причем только от народных, а не от научных наименований.

Сами по себе, без изменений, названия деревьев, как правило, не бывают гидронимами, такие, как Яблоня, Черемуха, Сосна, редки. Обычно название дерева присоединяет к себе суффикс, приставку, а иногда гидроним по форме представляет собой прилагательное от названия дерева, кустарника, например, река Березка, озеро Калинка, овраг Сосновский, ручей Подлиповский и др. Нередко гидроним — это сложное существительное или даже сочетание слов из названия дерева и слова, характеризующего его по качеству или количеству: озеро Краснодуб, речка Верходубенка, балка Пятибе-

резка, овраг Сухой Дуб, Горелый Дуб и др.

Можно заметить некоторую закономерность в способе образования гидронимических названий. Так, в бассейнах Дона и Оки преобладают названия в форме прилагательного, а в бассейне Днепра — существительного. Гидронимы с суффиксом *-оват-* (Бузиноватая, Терноватый, Лозоватая, Таловатая и др.) сконцентрированы в бассейне Северского Донца, особенно между его притоками — реками Красной и Деркулом.

Какие же представители растительного мира наиболее активны в гидронимических названиях?

Прежде всего это *ольха,* которая часто растет по берегам и в поймах рек, а иногда и прямо в воде.

В бассейне каждой реки можно встретить большое количество мелких водных источников с именами Ольховый, Ольховский, Ольховатый, Ольховая, Елохов, Ельшаный, Алешня, Альшань, Алешка (начальное *а* появляется в этих названиях под влиянием акающего произношения), Ольшана, Ольховка, Ольховатка, Ельшанка, Ольхи, Олех и мн. др. Особенно много таких названий по верхнему и среднему течению Дона и Оки, названия с чередованием начального *о-/е-* преобладают в бассейне Дона.

Второе «активное» дерево в гидронимии — *береза.* На Дону, например, речных названий от березы несколько больше, чем от ольхи, а в бассейне Оки береза уступает ольхе: Березовская (Малая, Большая, Крутая), Березовый, Березников, Березницкий; Березовка, Березовец, Березянка, Березничок, Березники, Березня, Заберезня, Пятиберезка, Береза, Березка, Березки и др.

Характерно, что по березе чаще называются не проточные водные источники — речки, ручьи, а балки, овраги, яры. Это, вероятно, связано с тем, что береза предпочитает болотистую почву со стоячей водой. Названия водных источников от березы часто имеют форму имени существительного, особенно в бассейне Днепра.

Постоянным спутником речек и водоемов по справедливости считают *иву.* Ива любит влагу, свет, быстро растет. По наблюдениям ботаников и географов, первыми на берегах рек появляются заросли ивняка, а затем уже ольхи и пушистой березы. Не случайно в поэтическом восприятии народа ива обычно «смотрится» в воду, «наклоняется» над водой; вода — постоянный спутник ивы. «Ивушка зеленая, над рекой склоненная» — поется в песне.

Как ни странно, но речных названий от ивы очень мало: Ивинский, Ивицкий, Ивушкины верхи; Ивенка, Ивка, Ивня, Ивняшка, Ивница, Ива. Это связано, по-видимому, с тем, что слово *ива* обозначает общее родовое понятие — семейство ивовых (Salix), в которое входит ряд других пород со своими названиями: бредина, верба, ветла, лоза, ракита, тальник (тал, краснотал, белотал, чернотал, синетал), хворост.

Сами породы ивовых различаются нечетко, и одним и тем же словом могут называться разные породы, но слова строго ограничены территориально. Так, в Среднем Поочье неизвестно слово *бредина,* известно, но малоупотребительно *ива.* В донских говорах нет слова *ива,* и это находит отражение в гидронимии: в бассейне Дона почти нет гидронимов от *ивы.* Кустар-

никовая ива, которая растет по берегам рек, по свидетельству А. В. Миртова (Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929), в донских говорах называется словом тюркского происхождения *тал* или *тала*. Именно поэтому в бассейне Дона часто повторяются речные названия: Таловское, Таловатый, Таловка, Талинка, Талица, Талец. В бассейне Оки названия от слова *тал* единичны, еще меньше их в бассейне Днепра, и тем не менее некоторые названия — Талая, Талица — в Среднем Поочье могут обозначать талую незамерзающую от множества родников речку.

Можно было бы предположить, что некоторые гидронимы группы *Талый — Талица* связаны семантически с глаголом *таять*. Но этому противоречит география распространения таких названий. Ведь встречаются они только там, где существует название *тал*, и прежде всего в бассейне Дона.

Довольно много гидронимов образовано от слова *лоза*: Лозовка, Лозинка, Лозница, Лозоватка, Лозочки, Лозники, Лозовец, Лозной, Лозниковский, Лозоватый, Лозновский, Лозовенькая и др. (в бассейне Дона и Днепра). На Оке таких наименований очень мало, так как во многих местах Поочья, например в среднем, этот вид ивовых называется не *лозой*, а *хворостом*. Соответственно появляются образования от слова *хворост*, например: Хворостянка.

Существуют гидронимы и от слова *ракита*, обозначающего в говорах разные виды ивовых вплоть до тополя: Ракитовая, Ракитная, Ракитенский, Ракитовский, Ракита, Ракитка, Ракитня и Ракитна. Такие названия преобладают на верхней Оке, в бассейне Днепра они встречаются только в форме существительного: Ракитна, Ракитка, Ракита, Ракитня. Очень мало их в бассейне Дона. Последнее объясняется тем, что в донских говорах употребляется слово *ракитник*, усложненная форма которого не способствует образованию гидронимов.

В небольшом количестве известны названия рек и от других видов семейства ивовых: Вербовка, Вербовая, Вербная, Вербовская, Вербьи верхи; Ветлица, Ветлинка; Брединка.

И все-таки количество «ивовых» гидронимов значительно уступает «березовым» и «ольховым». Так, в бассейне Оки «ивовых» в три раза меньше, чем «ольховых» и почти в четыре раза меньше, чем «березовых»; в бассейне Дона «ивовых» в полтора раза меньше, чем «березовых». Можно объяснить это и тем, что ива постоянно растет по берегам рек и поэтому перестает быть отличительным признаком водного объекта.

В названиях водных источников выступают и широколиственные породы деревьев, чаще всего *дуб*: Дубовая, Дубковский, Дубенецкий, Дубняговский, Дубниковский, Тридубная, Поддубенский; Дубовик, Дубец, Дубна и Дубня, Дубечня, Дубешка, Верходубенка, Краснодуб и др. Эти наименования встречаются не только в районах дубрав и засек по верхнему и среднему течению Оки и Дона, но и значительно севернее, в бассейне Клязьмы.

Много гидронимов дает *липа*, *вяз*, *клен*, *ясень*, *орех*: Липовый, Липовский, Липицкая, Подлипный, Подлиповский; Липка, Липки, Липня и Липна, Липинка, Липица, Липняг, Вязовый (Везовый), Вязовенский, Вязовский, Вязовенькая, Вязовна,

Вязовка, Вязовенка, Вязовик, Вяз; Кленовый, Кленовский, Кленский, Кленовка; Ясеневый, Ясеновский, Есенецкий; Есенец, Есенок; Ореховый, Ореховский, Орехова. «Ореховые» гидронимы известны преимущественно в бассейне Дона.

Довольно часто гидронимы образуются от *осины*: Осиновый, Осиновский, Осинный, Осинка, Осиновка и др. Это, как правило, не речки, а овраги и балки. Изредка встречаются гидронимы от *тополя*: Тополевый, Топольный, Тополевское; от *бузины*, *рябины*, *таволги*: Бузинная, Бузиновая, Бузиноватая; Рябинка; Таволжка, Таволжанка, Таволжаный и др. Единичны названия от *бука*, *граба*, *бересклета*: Буковка, Грабовка, Бересклетовский.

Известны гидронимы и от хвойных пород деревьев: Сосновый, Сосновский, Сосенский, Подсосенная, Сосновка, Сосенка, Сосновец; Еловый, Елинский, Елевой, Еловатский; Еловка, Елинка, Ельня, Еловатка, Ельчик. Сосна и ель любят влагу и тем не менее по разным причинам редко растут по берегам рек. Сосна благодаря своей длинной и развитой корневой системе может доставать влагу из любых почв, даже из песчаных. Именно поэтому она уступает берега и поймы рек другим деревьям. Ель не любит селиться на берегах рек из-за своей поверхностной корневой системы.

Значительная группа гидронимов получает свое название от деревьев и кустарников семейства розоцветных: яблони, груши, черемухи, малины, вишни, смородины, терна, калины. Среди них наиболее активны черемуха, малина и смородина, особенно тяготеющие к влажной почве.

Черемуха дала такие названия: Черемушка, Черемошна, Черемошня, Черемошенка; Черемуховая, Черемуховый, Черемухин, Черемухинский, Черемошный, Черемошенский, Черемховатая и др. (чаще всего в верховьях и по среднему течению Оки, значительно меньше их на Дону и почти нет на Днепре).

Речные названия от *малины* встречаются преимущественно в бассейне Оки: Малинка, Малиновка, Малинищи, Малиновец (Большой и Малый); Малиновый, Малинин, Малининский, Малиновский, Малинский и др.

Смородина любит рыхлую и влажную почву, поэтому мы не случайно находим ее в названиях рек: Смородина, Смородинка, Смородня, Смородиновка; Смородиновый, Смородинный, Смородиновский, Смородный. Впрочем, название речек *Смородина, Смородинка* может происходить и от древнерусского слова *смородъ*, означавшего 'сильный, неприятный запах' (ср. совр. русское смрад). «Подъезжает он ко речке ко Смородинке» — поется в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике... «Смородиновых» гидронимов больше всего на Оке. Значительно меньше их на Днепре и почти нет в бассейне Дона (всего два названия). Но в целом район распространения таких названий совпадает с областью расселения смородины. Там, где известна дикая смородина, есть и гидронимы от этого слова.

Сравнительно мало гидронимов от фруктовых деревьев — *яблони*: Яблонка, Мокрая Яблоня, Яблоновка; Яблоновый, Яблоновский, Яблонский, Яблонный; *яблока*: Яблочный (в равной мере известны на Дону и верхней Оке, на Днепре их заметно меньше). Преимущественно на Дону встречаются гидронимы от *вишни*: Вишневка, Вишневая, Вишневатый. Известны они на верхней

и средней Оке, но здесь их гораздо меньше, хотя ассортимент названий шире: Вишенка, Вишневка, Вишневец, Вишенский, Вишневский и др.; от *груши:* Грушевка, Грушева, Грушевица, Грушевый — встречаются на Дону, в бассейне Днепра и почти совсем отсутствуют в бассейне Оки.

Довольно часто гидронимы образуются от кустарниковых *калина* и *терн*: Калиновский, Калинский, Калиновый, Калиновка, Калинка, Калиновец и др.; в бассейне Дона, особенно по нижнему его течению: Терновый, Терновский, Терноватый; Терн, Терновка и др. Отмечено единственное название от *винограда* — овраг Виноградный (в нижнем течении Дона).

Г. П. СМОЛИЦКАЯ
Москва

Справка

Какие темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе были в 1968 году

МГУ им. М. В. Ломоносова

Механико-математический факультет

1. Лев Толстой и его герои
2. Мой любимый роман
3. Горький и Маяковский — непримиримые враги буржуазного общества
4. «Без естественных наук нет спасения современному человеку» (А. И. Герцен)

Биолого-почвенный факультет

1. Почему мы любим Чехова?
2. Образы революционеров в русской литературе
3. Маяковский — поэт-новатор
4. Человек и животное

Физический факультет

1. Чацкий и Онегин
2. Народ в творчестве Горького
3. Мой любимый поэт
4. Время

МГПИ им. В. И. Ленина

Филологический факультет

1. Оптимизм поэзии А. С. Пушкина
2. Разночинцы-демократы в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева
3. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (В. И. Ленин)
4. Путь на дно и выход к свету (по пьесе М. Горького «На дне»)

Химический, биолого-химический факультеты

1. Почему Н. В. Гоголь назвал свою поэму «Мертвые души»?
2. Кого в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» можно назвать счастливым и почему?
3. Подвиг коммунистов в годы коллективизации (по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина»)
4. «Коммунизм — это молодость мира и его возводить молодым» (Вл. Маяковский)

Исторический факультет

1. Образ Емельяна Пугачева в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»
2. Прошлое, настоящее и будущее России в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»
3. В. Маяковский — наш современник в борьбе за коммунизм
4. «Всемирной надеждою стала советская наша страна» (Лебедев-Кумач)

Продолжение см. в следующем номере.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Наук и научных направлений с «двойными» именами в последние десятилетия появилось много: радиоастрономия и биокибернетика, астрофизика и этнопсихология... Они возникли на стыках смежных наук. Такова и психолингвистика — детище психологии и языкознания.

Лингвист прилагает методы и приемы своей науки к готовому тексту. И если спросить языковеда, почему он не занимается процессами порождения или восприятия речи, обычный ответ будет таков: «Это дело не мое, а психолога».

Психолог занимается речью и ее восприятием. Но вот беда: его очень мало интересует тот факт (для лингвиста первоочередной), что в основе речи лежит система языка, что в речи есть общественно значимые и незначимые элементы и что от этого в очень большой степени зависит характер психофизиологических процессов порождения и восприятия речи. «Своим» он считает в сущности лишь один круг связанных с речью вопросов: взаимоотношение речи и других высших психических функций человека — мышления, памяти, воли, эмоций... Речь как таковую, ее внутренние закономерности и обусловленность языком психологи привыкли не считать предметом своей науки. «Это дело лингвистов»,— говорят они.

К какому же «ведомству» относятся такие вопросы, как, например, существуют ли в психике человека и действуют ли в процессе порождения и восприятия речи правила трансформации «ядерных» предложений в «неядерные»: активных в пассивные, утвердительных в отрицательные и т. д.? Иными словами, должен ли говорящий, чтобы построить отрицательное предложение вроде «Я не был вчера в кино», сначала построить утвердительное, а затем преобразовать его по определенным правилам: «Я был вчера в кино» → «Я не был вчера в кино»? Такими проблемами как раз и занимается психолингвистика.

Следовательно, психолингвистика — прежде всего наука о том, как те или иные единицы языка и законченные отрезки текста соотнесены с психофизиологическими процессами речи и ее восприятия. Это «глубинная» лингвистика, занимающаяся реальным порождением речи, или, если угодно, психология, занимающа-

яся тем в речи, что существенно для общения. А поскольку ни «чистая» лингвистика, ни «чистая» психология такими вещами не занимаются, она и не лингвистика и не психология, а самостоятельная дисциплина со своим предметом исследования.

Психолингвистика существует около 15 лет, хотя сходные вопросы изучались и раньше как в нашей стране, так и за рубежом. Сейчас этой отраслью науки занимаются многие сотни людей в самых различных уголках мира. В последние годы психолингвистикой заинтересовались и советские исследователи — психологи, физиологи, лингвисты, логики и философы; состоялись две всесоюзные конференции — в 1966 и 1968 годах. На последней присутствовало свыше 150 человек, около 30 выступили с докладами и сообщениями.

Конечно, в журнальной статье нельзя рассказать обо всех вопросах, волнующих психолингвистику. Здесь мы остановимся только на одном из них — на так называемых словесных (или вербальных) ассоциациях.

Если вы читали рассказ Карела Чапека «Эксперимент профессора Роусса», то будет достаточно сказать, что это был ассоциативный эксперимент. А если вы этого рассказа не помните, то вот отрывок из него. «Испытуемый» в эксперименте Роусса — некто Суханек, подозреваемый в убийстве шофера Чепелки.

— Подойдите,— строго сказал профессор Ч. Д. Роусс.— Я не буду вас допрашивать. Я только буду произносить слова, а вы должны в ответ говорить первое слово, которое вам придет в голову. Понятно? Итак, внимание! Стакан.

— Дерьмо! — злорадно произнес Суханек.

— Слушайте, Суханек! — быстро вмешался начальник полиции.— Если вы не будете отвечать как следует, я велю отвести вас на допрос, и вы пробудете там всю ночь. Понятно? Заметьте это себе. Ну, начнем сначала.

— Стакан,— повторил профессор Роусс.

— Пиво,— проворчал Суханек.

— Вот это другое дело,— сказала знаменитость.— Теперь правильно.

В результате изучения подобных ассоциаций (тряпка — мешок, лопата — сад, яма — забор) профессору Роуссу удалось выяснить, что Суханек действительно убил Чепелку, вытер кровь мешком и зарыл тело под забором в саду.

Профессор Роусс был не психолингвистом, а «чистым» психологом: его интересовала личность, а не общие для всех испытуемых закономерности ассоциаций. Кстати, ассоциации — полезное средство исследования в психиатрической практике: дело в том, что иногда при душевных заболеваниях (например, при некоторых формах шизофрении) человек начинает давать на самые обычные слова, как *стол, день, небо,* не обычные ассоциации — *стул, год, голубое,* а редкие и случайные, например, на слово *стол* отвечает *астроном,* на *небо* — *понедельник.*

Советский психиатр Б. В. Зейгарник обратила внимание на то, что такие «нестандартные» ассоциации обычно связаны с феноменом «разорванности речи» и нередко у одного и того же испытуе-

мого на разных стадиях заболевания встречается и «нестандартность» и «разорванность». «Разорванностью речи» психиатры называют такое явление, когда речь больного состоит из слов, правильно оформленных грамматически, но семантически не связанных друг с другом. Работая в архиве, я нашел письмо больного шизофренией (в стихах!), содержавшее, между прочим, следующие строки: «Сила конуса законом/Властно действует высотным/ Для поднятий горизонтом/ Во полете стилем вносным». (Обратите внимание, здесь собраны слова несочетаемые и к тому же крайне редкие.)

Из сказанного видно, что человек пользуется механизмом ассоциации не только в условиях эксперимента.

Строя свою речь, мы, безусловно, в какой-то мере используем ассоциативный принцип. Потому-то и важно исследовать закономерности словесных ассоциаций: это один из ключей к пониманию того, как человек говорит и как воспринимает речь.

Но вернемся к тому, чем определяется выбор ассоциации того или иного слова в качестве реакции на данное нами. На один из факторов мы уже обратили внимание: это особенности личности испытуемого, его индивидуальный опыт и т. д. Огромную роль играет также профессия. В ходе социологического исследования общественного мнения, проводившегося летом 1968 года в Таганроге, использовался и ассоциативный эксперимент. Оказалось, что врач на слово *вскрывать* уверенно реагировал словом *труп*, а повар — *консервы*. Кстати, вот иллюстрация и на роль особенностей личности: баптист ответил на слово *уголки* словом *душй*. Поразному реагируют мужчины и женщины, люди разного возраста и с разным уровнем образования; например, лица, имеющие среднее образование, отвечают на слово *совершенный* абсолютно единообразно — *вид*.

Психолингвистов, однако, больше всего интересуют внутренние механизмы ассоциации. В области их интересов лежит тот факт, что слова определенных частей речи, как правило, вызывают ответы тоже в определенной грамматической форме. Назвав существительное, мы в 70 процентах случаев получим в ответ существительное, например, *стол — стул*, а назвав прилагательное, в 50 процентах — прилагательное (и обычно противоположное по значению: *белый — черный*) и в 45 — существительное: *новый — дом*. Если назвать глагол, то в 50 процентах случаев испытуемый ответит существительным: *искать — выход*. Такие закономерности, по крайней мере для английского языка, хорошо изучены.

Однако на ассоциациях сказываются и другие лингвистические свойства слов, например, связи слов в составе несвободных сочетаний. Так, на английское слово high ‘высокий’ американские испытуемые в 5 процентах случаев отвечают school ‘школа’ (это сочетание high school соответствует русскому «высшая школа»), в 3 процентах случаев — mountain ‘гора’: здесь мы имеем дело уже со связями слов в речи, в тексте. А самый частый ответ на то же сло-

во — 68 процентов — low 'низкий': этот ответ отражает системные связи слов по значению.

Заметим (составители словарей этим, к сожалению, не пользуются), что ассоциативный эксперимент позволяет количественно оценить «вес» того или иного значения в многозначном слове. Например, если в слове *земля* выделить значения: 'астрономическое тело', 'страна', 'суша' и 'почва', то 65 процентов испытуемых реагируют на это слово в его первом значении, 18 — во втором, 6,6 — в третьем и 10 — в четвертом. Впрочем, мы экспериментировали со студентами: несомненно, что если бы мы взяли моряков или колхозников, результаты отличались бы от полученных.

Конечно, чтобы выявить и учесть все эти данные, «эксперимент профессора Роусса» над одним испытуемым не годится. Нужно опросить — устно или письменно — многие сотни, иногда тысячи испытуемых. В результате мы получаем так называемые «ассоциативные нормы», отражающие типовые словесные реакции на данное слово. То, что 70 процентов ответов на слово girl 'девочка, девушка' составляет слово boy 'мальчик', отражает объективную закономерность, независимую от индивидуальных особенностей испытуемых.

Конечно, лучше всего было бы иметь словарь таких типовых ассоциаций с указанием их частотности. Он был бы удобен для разных целей. И для лингвистов, которые могут измерить по данным ассоциативного эксперимента сематическое «расстояние» между близкими по значению словами или — как уже сказано — «взвесить» разные значения многозначного слова. И для психиатров, у которых перед глазами были бы объективные количественные данные о вероятности того или иного ответа. И для социологов и социальных психологов, которые могут почерпнуть из словаря ассоциативных норм много полезного для себя: например, на слово *ученый* из 182 ответов, полученных американскими психолингвистами, 15 было *Эйнштейн*, по 2 — *Пастер* и *Солк*, а из четырех названных по одному разу двое были *Полинг* и *Швейцер*. При этом нельзя не обратить внимания на то, что особенно часто называют не просто крупных ученых, а ученых, известных своими демократическими взглядами. Здесь, видимо, сказалась общая ориентация современной американской студенческой молодежи. Очень важен был бы такой словарь для обучения чужому языку. Ведь только в таком словаре отражаются многие существенные для правильной речи закономерности употребления и сочетания слов, обычно не отмеченные в словарях и учебных пособиях и усваиваемые иностранцем из живой речи.

Для психолингвистов словарь ассоциативных норм был бы особенно интересен. Массовый эксперимент позволяет проникнуть внутрь значения слова, разложить его на компоненты, которые не поддаются осознанию носителями языка.

К сожалению, словаря ассоциативных норм русского языка пока нет. Существуют такие словари только в США, Франции, Германии, Италии и Польше (причем в последних четырех странах в качестве стимулов использовались всего 100 слов). В Научно-методическом центре русского языка при МГУ имени М. В. Ломоносова сейчас ведется работа над словарем ассоциативных норм русского языка на материале 500 наиболее частотных слов. Мы решили опираться не менее чем на 1000 испытуемых. Конечно, без добровольной помощи со стороны такую работу в небольшие сроки выполнить невозможно. Энтузиасты, конечно, есть, и сейчас уже получены первые результаты.

Не хотите ли и вы помочь нам в составлении такого словаря? Если — да, то напишите по адресу «Русской речи» на имя автора этой статьи. Особенно ценной нам была бы помощь преподавателей, которые могут поставить эксперимент сразу с несколькими десятками испытуемых. (Впрочем, у нас есть важные ограничения: наши испытуемые должны быть не моложе 16 лет и их родной язык — русский.)

Вы могли уже раньше сталкиваться с ассоциативным экспериментом при самых «ненаучных» обстоятельствах. По такому принципу построен известный фокус. Отвлекая внимание «испытуемого» громким счетом, просят его быстро назвать: русского поэта, плодовое дерево, домашнюю птицу. Подавляющее большинство «испытуемых» отвечают: *Пушкин, яблоня, курица,* и торжествующий фокусник демонстрирует бумажку, на которой заранее были написаны эти слова.

Сейчас вам предстоит быть испытуемыми в более серьезном эксперименте. Серьезнее он не по тому, как будет проводиться (особой разницы с описанным фокусом и с экспериментом профессора Роусса здесь нет), а по конечным его результатам. Скажем только, что эксперимент в таком масштабе и в такой форме — через журнал — проводится впервые в мире, и если вы примете в нем участие, его результаты могут оказаться очень важными для науки.

Эксперимент 1

Прежде чем прочесть слова, напечатанные ниже в столбик, внимательно прочтите следующий абзац!

Возьмите чистый лист бумаги, закройте им напечатанные в столбик слова и, сдвигая лист вниз, открывайте по одной строчке. Открыв очередное слово, сразу же прочтите его вслух и назовите, не раздумывая (как Суханек), первое слово, которое придет вам в голову. Запишите это слово на отдельном листке или прямо на странице журнала против слова-стимула.

1. Вид
2. Музыка
3. Бабочка
4. Иностранец
5. Дом
6. Оружие
7. Овощ
8. Мир
9. Кисть
10. Ученый
11. Прогресс
12. Книга
13. Строить
14. Красный
15. Квартира
16. Готовить
17. Америка
18. Улица
19. Русский
20. Школа

Пронумеруйте ответы в соответствии с номером слова-стимула и пошлите результаты эксперимента в редакцию «Русской речи». При этом на конверте напишите: *Эксперимент*. К результатам опыта просим приложить ответы на маленькую анкету:

1. Имя, отчество, фамилия (на этот вопрос отвечать не обязательно).
2. Год рождения и место (город, область), где Вы провели детство.
3. Родной язык.
4. Место (город, область), где Вы проживаете сейчас.
5. Образование.
6. Специальность.

Результаты эксперимента с обсуждением наиболее интересных данных, присланных читателями, будут опубликованы в «Русской речи». Добавим только, что почти всегда можно понять, относился испытуемый к эксперименту серьезно или «оригинальничал», выдумывая слова поинтереснее. Такие ответы мы, конечно, учитывать не будем.

А. А. ЛЕОНТЬЕВ

В следующем номере читайте статью Е. А. Василевской о выдающемся советском лингвисте Афанасии Матвеевиче Селищеве

ДРЕВНЕЙШАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Древнерусская книга, известная под названием «Успенский сборник», была написана почти 700 лет назад — в конце XII или в самом начале XIII века. Эта рукопись по праву занимает одно из центральных мест среди немногочисленных памятников того времени.

Первое упоминание об Успенском сборнике в научной литературе относится к 1855 году и принадлежит московскому слависту О. М. Бодянскому — автору исследования «О происхождении славянских письмен».

Сборник был обнаружен в книгохранилище Успенского собора, наиболее почитаемого храма Московского кремля, где были собраны многие историко-культурные ценности прошлого, в том числе знаменитая икона Владимирской богоматери (ныне находится в Государственной Третьяковской галерее). Сейчас Успенский сборник хранится в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве.

Это книга большого формата («в лист»), содержит она 304 листа пергамена (обработанной телячьей кожи). Текст написан чернилами в два столбца на странице сплошным письмом — без деления на слова. Еще О. М. Бодянский обратил внимание на то, что книга написана двумя разными почерками, значит работали над ней два писца: перу одного принадлежит текст с первого до середины сорок шестого листа; второй — начал текст вслед за первым и писал до конца рукописи. Оба писали уставом, четкие, симметричные буквы свободно расположены в строке, всегда на равном расстоянии друг от друга. Рукопись заключена в переплет из деревянных досок, обтянутых красновато-коричневой кожей. Переплет значительно моложе рукописи и сделан, по-видимому, в XV—XVI веках.

Успенский сборник не сохранился в том виде, в каком вышел из-под пера писцов. Утрачены начало (рукопись начинается с середины слова), конец памятника, имеются пропуски и в середине рукописи. Дошедшие до нашего времени 304 листа пергамента составляют 39 тетрадей.

К сожалению, в рукописи нет никаких помет, указывающих на время и место ее создания. Исследователи, изучая внешние особенности памятника, его письма, анализируя язык и сравнивая данный памятник с рукописями, имеющими точные указания на дату написания, единодушно считают, что Успенский сборник мог быть переписан с какого-то неизвестного нам образца (не раньше конца XII века). Спорным остается другой вопрос — в какой области Древней Руси была скопирована рукопись. Одни ученые предполагают, что сборник был написан на юге Руси — в Киеве, другие считают, что он мог быть создан на территории Ростово-Суздальского княжества — в Ростове или Владимире.

По первоначальному месту хранения рукопись стала именоваться «Успенской», а название «сборник» указывает на ее содержание: в книге объединены около 50 самых разнообразных по жанру сочинений. Известно, что принятие христианства на Руси вызвало появление богослужебных книг, в которые включены тексты

литературно-поэтического характера: различные песнопения, поучения, проповеди, беседы с нравоучительными примерами из жизни деятелей христианства. Создавались сборники для ежедневного чтения во время богослужения. Тексты следовали в них один за другим в календарном порядке по дням месяца. Книги подобного содержания известны под греко-славянским названием «четьи-минеи» (от греческого μηνιατος 'длящийся один месяц'), то есть «месячное чтение». У славян четьи-минеи утратили свой строго богослужебный характер и нередко использовались для назидательного чтения (обычно вслух).

Успенский сборник можно отнести именно к таким книгам. В нем содержатся так называемые жития — рассказы о жизни христианских святых и творимых ими «чудесах», нравоучительные сказания и поучения. Жития в рукописи приурочены преимущественно к маю и расположены в довольно правильной последовательности дней месяца. Беседы и поучения относятся к пасхальной и к предпасхальной «страстной» неделям. Следовательно, самая старшая древнерусская книга для чтения представляет собой как бы майскую четьюминею. Исключение составляют немногочисленные тексты, приуроченные к апрелю, июню и октябрю.

●

Содержание Успенского сборника было направлено на утверждение христианской идеологии. С помощью такой литературы церковь проводила в массы свои идеи и воздействовала на социальную жизнь феодального общества. Жития и поучения наглядно показывали образцы христианских добродетелей, провозглашали свои нормы морали и нравственности. Однако наряду с этим жития содержали увлекательное чтение, в котором церковно-догматические элементы переплетались с яркой народной фантастикой, с языческими мифами. В этих сочинениях, религиозных по форме и по самому образу мышления, характерному для той эпохи, воплотилось сознание духовной красоты человека, вера в его силы. Безымянные авторы образным и выразительным языком рассказывали о необыкновенных видениях, о мгновенном исцелении больных, показывали, какой властью обладали герои сказаний над животными, над силами природы. Так, например, «святая» Ириния (Ирина) выходит невредимой из рва, наполненного ядовитыми змеями. Непостижимым образом ломаются пилы, которыми «нечестивый царь» приказывает распилить ту же Ирину. В повести пророка Иеремии орел служит почтальоном и относит в клюве письма. О фантастическом исцелении больных рассказывается в Сказании о Борисе и Глебе: после произнесения соответствующих молитв (как бы заклинаний) больная, «иссохшая и скорченная» нога у жаждущего исцеления становится здоровой; слепец, прикоснувшийся к гробнице Бориса и Глеба, обретает зрение и т. д.

●

Большая часть Успенского сборника (около двух третей текста) содержит переводные сочинения средневековой христианской литературы, в основном византийских авторов. Эти произведения расширяли кругозор древнерусского читателя, сообщали ему разные сведения, давали некоторое представление о быте и нравах других народов. Но в то же время они как бы были подчинены нуждам русской жизни.

Успенский сборник — самый древний памятник древнерусской письменности, в состав которого наряду с переводными сочинениями входят оригинальные произведения славянской художественной литературы. Это древнерусские повести, созданные в XI веке: Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского — памятники Киевского периода истории русской земли. В сборнике имеются сочинения, рассказывающие о просвещении славян (IX век): Житие Мефодия, епископа Моравского, и Похвальное слово первоучителям славянским Кириллу (Константину) и Мефодию. Очень интересен древнейший текст поучения, принадлежащего перу крупнейшего болгарского писателя и проповедника X века Иоанна Экзарха.

●

Сказание о Борисе и Глебе было одним из самых популярных произведений русской житийной литературы. Оно возникло в конце XI — начале XII веков, сохранилось в огромном количестве списков (свыше 150), но текст его в Успенском сборнике наиболее близок к оригиналу. Здесь рассказывается о том, как Святополк — сын Владимира Святославича — убил двух своих младших братьев Бориса и Глеба. Сказание дополнено изложением чудес, бывших после смерти Бориса и Глеба. Это историко-житийная повесть написана ясным, выразительным, пластичным языком. В ней созданы впечатляющие образы мужественного, верного долгу Бориса и растерявшегося перед угрозой смерти малолетнего Глеба, развивается мысль о необходимости сильной княжеской власти.

Автор Сказания о Борисе и Глебе нам неизвестен (отсюда его название «Анонимное сказание»). Зато о второй русской повести мы знаем, что ее творцом был древнейший писатель на Руси Нестор. По мнению ряда авторитетных исследователей, Нестор — автор Жития Феодосия Печерского и знаменитый Нестор-летописец — одно и то же лицо. В Житии Феодосия тесно переплетаются многочисленные устные предания о Феодосии с литературными мотивами, перенесенными из византийских житий. Жизнеописание Феодосия начинается с раннего детства и кончается его смертью. Несмотря на условность и традиционность жития, со страниц этого памятника встают живые лица, читатель зримо воспринимает яркие бытовые сцены той далекой эпохи.

●

Многие сочинения, вошедшие в состав Успенского сборника, послужили образцом для древнерусских писателей, а затем и для художников слова позднейшего времени. В творчестве Герцена, Л. Толстого, Лескова, Гаршина широко используются образы и сюжеты древней церковно-учительной и житийной литературы.

Уже свыше ста лет рукопись Успенского сборника вызывает глубокий интерес и привлекает внимание как специалистов, занимающихся исследованием памятников письменности — историков, литературоведов, лингвистов, искусствоведов, так и всех любителей русской и славянской старины. Изучением сборника занимались выдающиеся деятели отечественной истории и филологии А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Н. Н. Воронин и др. Этим памятником интересуются специалисты не только в Советском Союзе, но и за рубежом (в Чехословакии, Болгарии, США, Голландии).

Все исследователи отмечают первостепенное значение Успенского сборника как источника для изучения истории русского языка и древней литературы. Однако, несмотря на его большую известность и общепризнанную ценность (рукопись упоминается во всех курсах и пособиях по истории древнерусского языка и древнерусской литературы), Успенский сборник в целом еще не был предметом научного изучения. Исследования по языку касаются лишь отдельных частей рукописи. В литературоведческих и исторических работах рассматривались только отдельные сочинения, входящие в сборник.

●

Неоднократно научная общественность ставила вопрос о публикации текста всей рукописи. Отдельные части Успенского сборника издавались, но в наши дни они стали библиографической редкостью. Научное издание памятника сделает доступным для исследования полный текст, приблизит его к читателям. Необходимость такой публикации рукописи — насущная задача современной филологии и истории.

О. А. КНЯЗЕВСКАЯ

Поступающему в вуз

Экзаменатор говорит начистоту

Николай Иванович Герасимов — опытный экзаменатор. Вот уже десять лет он проверяет знания абитуриентов, поступающих в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Причем три последних года Николай Иванович возглавляет экзаменационную комиссию естественных факультетов. Поэтому вполне понятно наше желание поговорить именно с ним. И Николай Иванович, любезно согласившись ответить на наши вопросы, пришел в редакцию «Русской речи».

— Ежегодно,— говорит Н. И. Герасимов,— на естественные факультеты МГУ подается около 12—15 тысяч заявлений. Таким образом, «средний конкурс» составляет примерно 7—8 человек. Это достаточно много. Абитуриенту необходимо во всей полноте владеть теми знаниями, которые предусматривает программа. И не только по профилирующим предметам, но и по литературе и русскому языку.

— Скажите, пожалуйста, а много абитуриентов «проваливается» именно на сочинении?

— На гуманитарных факультетах, где сочинение — один из основных экзаменов, очень много — до 40—50 процентов ежегодно. Это и понятно: там мы даем более сложные темы, да и оценка содержания, стиля, грамматики значительно строже. Впрочем, иначе и быть не может.

По естественным факультетам цифры не столь устрашающи. И, казалось бы, должны вселить оптимизм в некоторых нелюбителей русского слова: в самом деле, «неудов» за сочинение бывает обычно не более трех процентов. Однако спешу разочаровать тех, кто надеется «как-нибудь проскочить». В тех случаях, когда абитуриент по профилирующим предметам набирает так называемый «полупроходной балл» (к слову, таких абитуриентов бывает много), оценка за сочинение может стать решающей.

В связи с этим,— продолжает Николай Иванович,— я хочу сказать следующее. В последнее время все явственнее раздаются голоса за исключение экзамена по литературе из программы естественных факультетов: «С какой, мол, стати талантливый физик из-за какого-то там сочинения должен остаться за бортом...». Эта идея, ложная сама по себе, опасна еще и вот почему. Многие старшеклассники вообще перестанут заниматься литературой и рус-

ским языком. Они быстро сообразят, что аттестат уж им как-нибудь выдадут, а там... Можно ли согласиться, чтобы незнание родной литературы было чуть ли не узаконенным?!

...Наш разговор вновь возвращается непосредственно к вступительным экзаменам. И мы задаем Н. И. Герасимову вопрос, ответ на который поможет будущему абитуриенту миновать не только зловещую Сциллу, но и не менее зловещую Харибду:

— Каковы типичные недостатки вступительных сочинений?

— Их,— говорит Николай Иванович,— я разделил бы на три категории. Первая — недочеты в содержании. Сочинение не может считаться, да и попросту не может быть хорошим, если пишущий не читал произведения, а такие случаи бывают и не только у естественников. И тогда начинается унылое пережевывание «учебниковых» мыслей, которые часто неглубоки сами по себе и, повторенные тысячными тиражами в сочинениях, просто приводят в ужас! Неумение или нежелание мыслить самостоятельно, «заложенные» еще в школе, боязнь выйти за рамки программы — все это нельзя не учитывать при оценке сочинения. Наконец, в письменных работах по литературе часты и фактические ошибки. Иногда они бывают довольно курьезны. Например, некий абитуриент, видимо в порыве откровенности, сообщил нам пренеприятное известие: «Пушкин за связь с декабристами был сослан в Сибирь». Другой считал, что Онегин значительно хуже Чацкого, ибо этот второй, якобы «резал лягушек».

Второй недостаток — грамматические ошибки. Весьма часты казенный стиль, ошибки в управлении и согласовании... Орфография?..Пожалуй, в пределах допустимого. Зато с синтаксисом у большинства экзаменующихся очень плохо. Тяжелое нагромождение словесных конструкций, в которых запятые, тире и двоеточия ставятся «как бог на душу положит», или, говоря современным языком, по интуиции. Хочется посоветовать абитуриентам: «Пишите проще и яснее». Я имею в виду форму изложения... Однако нередки ошибки и в довольно несложных предложениях. Особенно не везет почему-то деепричастным и причастным оборотам.

И, наконец, третье и, пожалуй, самое неприятное. Это ошибка скорее психологического характера — списывание... Таких абитуриентов мы немедленно и безвозвратно удаляем с экзамена. В школе далеко не все учителя склонны замечать шпаргалочников, особенно на выпускных испытаниях. Мы придерживаемся совершенно иного мнения... Уж если речь зашла об этом, скажу и о фабриках шпаргалок. Вы, наверное, видели фотосочинения. Они сослужили многим поступающим плохую службу. Там есть ошибки, в том числе и грубейшие орфографические. В прошлом году произошел такой грустно-смешной случай. Экзаменатор обнаружил два совершенно одинаковых сочинения. Даже ляпсусы одинаковые. Оба поступающих были вызваны в приемную комиссию. Оказалось, они не знакомы, сидели в разных аудиториях, но... купили фотошпаргалку.

— И все же, Николай Иванович, какие «можно» иметь ошибки, чтобы не получить двойку?

— Видите ли... Четкий ответ дать трудно. Мы ведь учитываем не только грамматику... А к нам часто приходят поступающие и спрашивают: «За что?! у NN столько-то запятых, а у меня на одну всего больше. Так неужели?...». О нас даже собирались фельетон писать. Он должен был называться «Двойка за ошибку». Ну, а если говорить серьезно, то критерии у нас те же, что и в школе. Их все знают. Они сформулированы в Приказе № 308 Министра просвещения РСФСР от 20 сентября 1961 года.

— А ставите ли Вы двойки только за содержание?

— Да, хотя такие случаи редки, но они тоже бывают. Причем это относится к абитуриентам не только гуманитарных факультетов... Основные причины здесь таковы: незнание материала (не читал), ошибочно понятая тема. Несколько лет назад одна девушка, кажется, с географического, в сочинении на тему «Великая Отечественная война в советской литературе» писала о «Войне и мире».

...В какой-то момент мы почувствовали, что наше интервью принимает излишне мрачный характер. Что-то уж очень часто в нем замелькали слова «должен», «обязан», «неуд». И тогда мы решили немного разрядить обстановку.

— Николай Иванович, представьте себе такую ситуацию. Между абитуриентами различных специальностей проходит командное соревнование на лучшие результаты за сочинение. Кто бы здесь победил?

— Первое место,— улыбается Николай Иванович,— поделили бы мехматовцы и биолого-почвенники. Кстати, о биологах. Поступающие на этот факультет, как говорится, выросли прямо на глазах. Биология развивается и бурно прогрессирует. Все больше интересных и талантливых людей хотят заниматься ею... Немного слабее пишут химики и физики. Замкнули бы нашу воображаемую турнирную таблицу, по-видимому, географы и геологи. К слову, на этих факультетах и шпаргалочников больше, чем везде.

Среди гуманитариев победили бы, конечно, филологи. Затем историки. А вот юристы — не правда ли, парадоксально? — пишут очень слабо...

Беседа подходит к концу, и мы, наконец, решаемся заглянуть в святая святых экзаменаторского дела. Темы сочинений... Этот вопрос волнует всякого, кому предстоят вступительные испытания. А действительно, какими принципами руководствуются, когда готовят темы для сочинений?

— Общие правила,— говорит Николай Иванович,— обычно бывают таковы. На вступительных экзаменах мы предлагаем три — четыре темы; одна — две по дореволюционной литературе, одна — две — по советской, одна — свободная (но это не обязательно). Стараемся по возможности избегать банальных формулировок.

— Что Вы имеете в виду?

— Ну, например, что-нибудь вроде такой темы: «Катерина — луч света в темном царстве». Вообще говоря, это прекрасная формулировка, но если учесть, что школьники пишут ее уже более ста лет... Однако излишняя экстравагантность тоже ни к чему. Многолетний опыт показывает: если тема не пользуется популярностью у абитуриентов, значит она неудачна. Мы всегда стремимся к тому, чтобы тема, знакомая по существу, все же имела бы какой-то неожиданный поворот, вызывала у абитуриентов интерес, помогала им раскрыть свои взгляды и мироощущение. Удачной в этом смысле можно считать тему: «А. С. Пушкин — великий поэт и великий человек».

...Как мог заметить читатель, мы старались вести наш разговор с Николаем Ивановичем Герасимовым в чисто практических, даже, быть может, «утилитарных» рамках. От себя хотим добавить, что искренняя заинтересованность в судьбах родной литературы, любовь к русскому языку необходимы не только для вступительных экзаменов. Без этой любви и заинтересованности жизнь наша не может быть полной и по-настоящему счастливой.

Беседу провел С. Иванов

Тема сочинения

Вопрос о том, как выбрать тему сочинения на вступительных экзаменах при поступлении в вуз, на первый взгляд может показаться странным.

— Какие же тут могут быть консультации? — возразит иной читатель. — Каждый сам знает, что ему выбрать.

Конечно, для тех, кто мечтает о «тройке», здесь и в самом деле проблемы нет. Но абитуриенты, которые рассчитывают на хорошую и отличную оценку, понимают, что выбор темы — очень важный и ответственный этап в работе над сочинением.

Каждый преподаватель, у которого есть хоть небольшой опыт проверки сочинений, всегда знает заранее, какая из предложенных тем будет избрана большинством экзаменующихся, а какая вызовет меньший интерес. Допустим, что вниманию абитуриентов предложены следующие темы:

1. Вольнолюбивая лирика А. С. Пушкина.
2. «Поэтом можешь ты не быть,
   Но гражданином быть обязан» (Н. А. Некрасов).
3. Образ Павла Власова — первый в истории литературы образ рабочего-коммуниста.
4. Береги честь смолоду.

Можно с полной уверенностью сказать, что большинство абитуриентов изберет третью и четвертую темы: третью — потому, что

творчество М. Горького изучалось в выпускном классе, то есть сравнительно недавно; четвертую — потому, что она свободная.

А между тем наиболее сложны именно эти две темы. Рассмотрим прежде всего третью. Конечно, «троечник» будет по-своему прав, когда ухватится за нее. Вспоминая школьный учебник, он напишет, что Павел Власов изображен в начале романа как обычный рабочий парень, которому грозит участь пьяницы-отца. Здесь непременно найдет себе место упоминание о купленной Павлом гармонике, о рубашке с накрахмаленной грудью, о том, что Павел научился танцевать польку и кадриль. Далее пойдет речь об истории с «болотной копейкой» и т. д. Одним словом, в сочинении будет дана характеристика Павла Власова. Ни больше, ни меньше!

Свою «тройку» автор такого сочинения в конце концов получит, если не сделает орфографических и пунктуационных ошибок больше, чем это предусмотрено соответствующими инструкциями. Но для того, кто хочет получить хорошую оценку за сочинение, такой путь не подходит. Дело в том, что предложенная тема не сводится к характеристике Павла Власова. Ведь работа названа не «Образ Павла Власова», а по-иному: «Образ Павла Власова — первый в истории литературы образ рабочего-коммуниста». Значит, в сочинении никак нельзя умолчать о проблеме положительного героя в литературе, о зарождении метода социалистического реализма, истоки которого восходят прежде всего к таким произведениям, как «Мать» М. Горького. Наверное, нужно было бы упомянуть о других писателях (причем не только русских), изображавших жизнь рабочего класса. Иначе будет недосказанным вынесенный в заголовок тезис.

Как видим, написать о вольнолюбивой лирике Пушкина гораздо легче хотя бы потому, что проблематика этой темы не столь широка и многопланова. Из сказанного, разумеется, не следует, что надо избегать таких тем, как третья. Речь идет о другом: при выборе темы необходимо правильно понять и решить для себя, можно ли за три часа раскрыть эту тему с исчерпывающей полнотой. А для того, чтобы правильно понять, надо обратить внимание на каждое слово формулировки темы. Между тем многие из пишущих сочинение не задумываются, почему предложенная тема сформулирована так, а не иначе. Дай им любую тему, связанную с анализом образа Павла Власова («Личное и общественное в жизни Павла Власова», «Павел Власов — типический образ пролетария-борца эпохи первой русской революции», «Политические идеалы Павла Власова» и т. д.),— они в каждом случае будут действовать абсолютно одинаково: начнут свой нехитрый рассказ с упоминания о гармонике, о рубашке с накрахмаленной грудью и т. д. и т. д.

Теперь вернемся к вопросу о четвертой теме. Почему трудно написать хорошее сочинение под заголовком «Береги честь смолоду»? Эта тема вынуждает абитуриента развивать мысль, которую народ выразил афористично и вместе с тем исчерпывающе. Тут

вся проблематика темы выражена в ней самой, формулировка ее дает такой ответ на вопрос, который не требует никаких добавлений. Конечно, люди с большим жизненным опытом могли бы рассказать какую-то поучительную историю, подтверждающую мудрость пословицы. Но у абитуриентов жизненный опыт, как правило, невелик. А когда они начинают использовать только литературный материал, то чаще всего получаются беспомощные, наивные работы. Так, одна из абитуриенток писала, что Данко берег честь смолоду и потому стал настоящим героем, а Ларра честь смолоду не берег и поэтому оказался отверженным.

Из сказанного ясно, что тему «Береги честь смолоду» вряд ли можно отнести к числу легких. Но такие темы бывают на вступительных экзаменах, и с этим надо считаться. Абитуриент, конечно, избрав ту или иную тему, вправе высказать критическое отношение к самой постановке вопроса, вправе повернуть ход рассуждений в сторону от того пути, который обозначен в названии. И тогда предложенная тема в сущности будет просто заголовком сочинения. Так, в четвертой теме вместо разъяснения того, что и так ясно, абитуриент мог бы, скажем, поставить вопрос об исторической изменчивости понятия о чести, о надстроечном характере этого понятия.

Творческий «поворот» в раскрытии темы, разумеется, не должен сводиться к оригинальничанью, к желанию непременно «удивить» членов экзаменационной комиссии, «произвести впечатление». К тому же, не всякую тему можно как-то по-своему «повернуть». Если, например, дана вполне определенная и требующая столь же определенного, аргументированного ответа тема «Идейное содержание пьесы М. Горького „На дне“», то всякий уход в сторону от раскрытия идейного богатства названного произведения будет ошибкой. Иное дело, когда формулировка не предусматривает четко обозначенных границ.

Возьмем вторую из наших тем:

«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан».
(Н. А. НЕКРАСОВ)

В этих ставших крылатыми словах каждый находит именно тот смысл, какой в них вложен Некрасовым. Но когда они даются в качестве темы, здесь открываются богатые возможности для выбора проблематики. Прежде всего можно написать о высоком назначении поэта и поэзии в понимании самого Некрасова, его предшественников и последователей. Можно также написать сочинение, посвященное критическому анализу творческой деятельности таких поэтов (и даже не только поэтов, но вообще деятелей искусства), которые служили и служат «искусству для искусства», искусству «для избранных». Вряд ли получится работа «не на заданную тему», если вопрос будет поставлен шире и речь пойдет не только о гражданственности искусства, но вооб-

ще о высокой роли гражданина и патриота вне зависимости от профессии. Абитуриент может посвятить сочинение и своему любимому герою (причем не обязательно литературному), и оно тоже может стать образцовым, если автору удастся показать на примере, скажем, Павла Корчагина или Николая Островского, Феликса Дзержинского или Юлиуса Фучика, что значит быть гражданином.

При выборе темы, при обдумывании ее надо найти то, что вызывает желание высказаться, что в наибольшей степени волнует, дает возможность проявить свое авторское лицо. Ведь школьное сочинение только в заурядных своих образцах составляет особый «жанр», а лучшие его образцы — это всегда критические этюды, публицистические статьи или даже очерки. Сказанное, конечно, в большей мере относится к домашним сочинениям, которые пишутся не за три часа. Но из этого следует только такой вывод: в работе над сочинениями необходимо много и серьезно упражняться задолго до вступительного экзамена.

Таким образом, при выборе темы экзаменационного сочинения необходимо правильно понять формулировку каждой, уяснить проблематику и, взвесив свои возможности, остановить внимание на той теме, которая в наибольшей степени отвечает вашим вкусам, эрудиции, и, следовательно, позволит внести в ее разработку максимум творческого, неповторимого. Как показывает опыт, неумение правильно, всесторонне раскрыть тему — самая главная ошибка большинства абитуриентов.

Доцент МГПИ им. В. И. Ленина
А. К. ПАНФИЛОВ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

С первого января 1969 года в Минске начнет выходить журнал (на белорусском языке) по языкознанию, литературоведению и журналистике — «Вестник Белорусского университета. Серия IV. (Филология и журналистика)».

Читателями журнала будут, несомненно, не только специалисты по славянским и неславянским языкам и литературам, преподаватели средней школы, студенты-филологи, журналисты, но и широкие круги любителей языка и литературы.

Большой интерес у читателей вызовет содержание первого номера: он посвящен 50-летию БССР и Коммунистической партии БССР.

Тематика журнала весьма обширна и разнообразна.

Редколлегия журнала намерена систематически знакомить читателей с важнейшими научными достижениями белорусских филологов, печатать оригинальные статьи по актуальным вопросам советского языкознания, литературоведения, журналистского мастерства, давать консультации по отдельным вопросам преподавания белорусского, русского, зарубежных славянских и неславянских языков, а также по литературоведческим дисциплинам, публиковать заметки по культуре речи, истории и этимологии отдельных слов, поднимать дискуссионные вопросы и т. д.

Редколлегия журнала «Русская речь» приветствует появление нового журнала и желает его редакции успеха в выполнении больших и ответственных задач.

КОНСУЛЬТАЦИИ

СЛОВАРЬ НАЧИНАЮЩЕГО ФИЛОЛОГА

Аббревиату́ра. Сложносокращенное слово, составленное из начальных элементов слов: РСФСР, ГУМ, ЦПКиО, комсомол, Госплан.

абстрактные существительные. То же, что отвлеченные существительные, обозначающие свойства, понятия, действия: *бедность*, *бледность*, *бег*, *простота*, *увлечение*, в отличие от конкретных существительных, обозначающих материалы, предметы: *дом*, *стол*, *железо*.

авторская речь. Те части художественного литературного произведения, в которых автор ведет повествование, рассказ от себя.

адвербиализа́ция. Переход в наречия других частей речи, например, адвербиализация существительных: *бегом*, *шёпотом*, *на ходу*, *наоборот*, адвербиализация деепричастий: *молча*, *лежа*.

адъектива́ция (адъективиза́ция, адъективирование). Переход других частей речи в прилагательные, например, переход причастий в прилагательные: *блестящий* ответ, *пикирующий* бомбардировщик, *коксующиеся* угли, *дутые* цифры, *консервированные* фрукты.

а́канье. Произношение в безударных слогах звука [а] или близкого к нему вместо орфографического *о*: вада̀ (вода́), на́да (надо). Таким образом, *о* и *а* в безударных слогах не различаются, совпадают в одном звуке. Эта особенность произношения свойственна русскому литературному языку, южным русским говорам, а также белорусскому языку.

акце́нт. Ударение.

акцентоло́гия. Раздел языкознания, изучающий ударение.

аллитера́ция. Специальный прием для усиления выразительности поэтической речи: подбор слов, в которых повторяются определенные согласные.

Шипенье пенистых бокалов
И *пунша пламень* голубой.

ПУШКИН. Медный всадник

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема *полной луной*;
И *старалась* она до*плеснуть*
до *луны*
Серебристую пену волны.

ЛЕРМОНТОВ. Русалка

анало́гия. В языке часто происходят изменения по аналогии. Тесно связанные между собой по значению и роли элементы языка стремятся уподобиться друг другу, стать возможно более схожими. Так, в современном языке в слове *язык* звук [к] сохраняется перед всеми падежными окончаниями. В древнерусском языке перед некоторыми окончаниями *к* чередовался с *ц*. В устойчивом выражении *притча во языцех* сохраняется старая форма предложного падежа множественного числа. По аналогии с большинством падежных форм и в остальных падежах стала употребляться основа на *к*.

Изменения по аналогии не всегда и не сразу получают права гражданства в литературном языке. Формы именительного падежа множественного числа мужского рода на *а* под ударением, все более распространяющиеся по аналогии, частично уже приняты в литературном языке. Сейчас мы говорим *учителя́*, *профессора́*, а сравнительно недавно возможно было только *учи́тели*, *профе́ссоры*, однако считаются еще просторечными *инженера́*, *шофера́* и т. п.

ана́пест. В стихосложении: стихотворный размер, состоящий в повторении трех слогов с ударением на третьем слоге:

Я тебе /ничего/ не скажу,
Я тебя /не встревожу/ ничуть...

ана́фора. Специальный прием для усиления выразительности поэтической речи: повторение в несколь-

ких строках начальных звуков, слов, сочетаний слов или грамматической конструкции.

*За*навесила окно,
*За*светила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

БЛОК. Не пришел на свидание

анахрони́зм. Употребление слов или выражений, не свойственных данному времени. Анахронизмы могут встретиться в исторических романах, если автор ошибочно включит в текст слово или выражение, не известное в изображаемую эпоху. И наоборот, в настоящее время было бы анахронизмом называть родителей собеседника *ваша матушка*, *ваш батюшка*, говорить *аэроплан* вместо *самолет*, *авиатор* вместо *летчик*; то же впечатление производит оборот *быть в концерте* вместо *быть на концерте*, *не преминуть* 'сделать что-либо' и т. д.

Анахронизмами для советской действительности стали понятия *жандарм*, *урядник*, *становой*, *пристав* и т. д.

анто́нимы. Слова, противоположные по значению: высокий — низкий, громкий — тихий, полезный — бесполезный, правда — ложь, польза — вред.

антоними́я. Противопоставленность слов по значению.

автони́мика. Отдел языкознания, изучающий антонимы (иногда это слово употребляется в том же значении, что и антонимия).

антропони́мика. Отдел языкознания, изучающий собственные имена людей.

арго́. Конструкции, выражения, отличающиеся от общенародного языка и употребляющиеся какой-либо обособленной группой людей, связанных общностью занятий или интересов: арго воровское, картежное, школьное и т.п.

арготи́змы. Арготические слова и выражения. Вот несколько арготизмов из речи музыкантов, играющих в ресторане: «Все они мало-помалу превратились в лабухов,... и человека уже называют „чуваком“, о своей игре говорят: „лабать“, еда и выпивка для них „бирлянство“ и „кирянство“, а если играют на похоронах, то это удача, и покойник для них не покойник, а „жмурик“ (Казаков. Проклятый север).

артикуля́ция. Положение органов речи при произнесении какого-либо звука речи.

архаи́зм. Устаревшее слово, выражение, грамматическая форма. Архаизмы используются в художественной литературе в исторических романах и повестях, а также для создания торжественности, приподнятости. Так Пушкин использует архаизмы *персты* (пальцы) и зеницы (глаза) в стихотворении „Пророк“

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он...

Архаизмы нередко сохраняются в устойчивых выражениях, например, слово *весь* в значении 'деревня, село', до сих пор встречающееся в выражении *города и веси*, форма творительного падежа множественного числа *костьми* в устойчивом выражении *лечь костьми*.

атрибу́т. То же, что определение.

ассимиля́ция. Уподобление одних звуков другим, приспособление одного звука к другому. Так, *т* перед *д* в слове *отдать* звучит как [д]: [аддать]; предлог *с* в сочетании с *ж* обычно звучит как [ж]: *с женой* [ж женой]. Звонкие звуки перед глухими оглушаются: *лодка* [лотка], а глухие перед звонкими озвончаются: *т* перед *б* в слове *молотьба* произносится как [д].

ассона́нс. 1. Повторение ударных гласных для усиления выразительности поэтической речи. Особенное звучание, например, приобретают строки Пушкина благодаря повторению гласной *у*:

Брож*у* ли я вдоль *у*лиц ш*у*мных,
Вхож*у* ль во многол*ю*дный храм,
Сиж*у* ль меж *ю*ношей без*у*мных,
Я предаюсь своим мечтам.

2. Неточная рифма, при которой совпадают только ударные слоги, а концы слов лишь приблизительно созвучны. Таково начало поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич

Ленин»:

Время —
начинаю
про Ленина *рассказ.*
Но не потому,
что горя
нету *более,*
время потому,
что резкая *тоска*
стала ясною,
осознанною *болью.*

а́ффикс. Общее название для всех имеющих какое-либо значение частей слова (за исключением корня): префиксов (приставок), суффиксов, окончаний.

аффикса́ция. Присоединение аффиксов к корням или основам. Например, если присоединение приставки *без-* и суффикса *-иц(а)* к корню *хлеб* создает слово *бесхлебица*, то говорят, что оно образовано путем аффиксации.

безли́чные глаголы. Глаголы, не изменяющиеся по лицам и не указывающие на лицо, производящее действие: *бывает, случается, посвежело, не спится.* Безличные глаголы употребляются в форме инфинитива, в форме 3 лица единственного числа настоящего и будущего времени, а также в форме среднего рода прошедшего времени: начинает *рассветать, рассветает,* скоро *рассветет, рассвело.* В безличных предложениях, конструкциях, оборотах могут использоваться как безличные глаголы, так и личные глаголы в безличном употреблении, например, *шумит в голове* (сравните: лес шумит). Подлежащего в таких предложениях нет и оно не подразумевается.

безуда́рный (неударяемый). Не имеющий на себе ударения и потому произносимый с меньшей четкостью по сравнению с ударным. Безударными, например, являются два первые слога в слове *сторона́.* Безударным может быть и целое слово: *и́з лесу, на́ воду.*

беглый гласный. Беглыми в современном русском языке называются гласные *о* и *е*, которые могут выпадать при образовании некоторых форм слов (день — дней, сон — сна) или производных слов (сон — сновидение, венец — венчать, ветер — ветреный).

(Продолжение в следующем номере)

Лингвистическая викторина

Ответы

1. *Переписчик на машинке.* Однословного наименования, соотносительного со словом *машинистка,* нет: ведь слово *машинист* уже закреплено за другой профессией.

2. Окари́, нечо́рцы, чусовля́не.

3. Кум — кума, раб — раба, маркиз — маркиза, синьор — синьора, инфант — инфанта, дофин — дофина, господин (множественное число — господа) — госпожа (здесь, кроме того, чередуются согласные *д/ж*).

4. *Танцовщик.* Кроме того, в быту употребляются разговорные синонимы этого слова — *балетчик* и шутливое *балерун.*

5. *Архивариус* — 'сотрудник архива'; *архивист* — 'специалист по архивному делу'.

6. *Китобоец* — 'китобойное судно'; *китобой* — 'человек, занимающийся китобойным промыслом' (в значении 'китобоец' это слово для современного языка устарело).

7. Злостность, гнилостность, целостность, безжалостность, безрадостность.

8. *Поезжай.* Эта форма в прошлом принадлежала глаголу *поезжать,* ныне в языке не употребительному. Кроме того, есть просторечная (не литературная) форма *езжай.*

9. Чулок, носков.

10. Эти слова морфологически «ущербны»: они не имеют формы именительного падежа и употребляются только в родительном.

11. Эта форма неупотребительна; вместо нее используется краткая форма *мал* — от прилагательного *малый.*

За рубежом

Vie et LANGAGE

«Vie et langage» («Жизнь и речь») — ежемесячный журнал, выходит в Париже с апреля 1952 года, главный редактор А. Гийерму. Журнал, как сказано в «Обращении к читателю», призван рассказать широкой публике о проблемах речи, французского языка и о других языках мира. Как видим, задачи определены очень широко и, действительно, тематика статей не ограничивается какими-либо рамками, кроме указанных в названии журнала.

Многие работы посвящены описанию реальных вещей, предметов, которые называются той или иной группой слов. Например, из № 181, 183 читатель может узнать, что́ именно в том или ином районе Франции называется домом, хижиной, фермой и т. д., как называются разные виды крепостных стен. Журнал публикует заметки о диалектных словах и выражениях (№ 179), описания профессиональных жаргонов, например, словарик кино (№ 176, 180), статья «Социальное обеспечение также имеет свой язык» (№ 188) и др.

Много места в журнале отведено статьям о географических названиях, в том числе материалам о названиях мелких участков земли, дорог, изолированных жилищ, неровностей почвы и т. п. Часто читателям предлагается принять участие в собирании такого материала (№ 187). Интересна статья Андре Риго о том, как улицы Парижа отражают историю города, сохраняя названия сельских дорог, мельниц, виноградников (№ 192).

Ряд статей и заметок посвящен процессам возникновения и распространения новых словообразовательных средств, которые в наше время часто оказываются интернациональными. Так, из женских модных журналов вошла в общий язык и стала широко употребительной приставка mini (мини-юбка!). В связи с развитием различных зрелищных предприятий во французском и других языках получили распространение слова на -rama, ср. русские: кинопанорама, кругорама (№ 184).

Много места в журнале уделено языку художественной литературы: современной французской прозе (№ 184), французскому стихосложению (№ 187). В статье Р. Жёржена «Писатели и грамматика» (№ 192) разобраны случаи нарушения писателями общелитературной нормы — от простых ошибок до поисков определенного стилистического эффекта. Интересны темы работ Ф. Мийепьера «Первые фразы романов» (№ 134) и А. Ферре «Последние фразы романов» (№ 179).

Легко читаются статьи, посвященные названиям растений (№ 192), птиц (№ 184), музыкальных инструментов (№ 183), занимательны сообщения об обозначениях цвета и связанной с ними фразеологии: «Красный и черный» Мариса Ра (№ 188), «Белокурый и тёмный (черноволосый)» того же автора (№ 183), «Вкусы и цвета» А. Риго.

Особенного внимания заслуживает активная деятельность редакции журнала по поддержанию и развитию интереса широких слоев общества к языку, правильному словоупотреблению, культуре речи. Ежегодно «Vie et langage» присуждает специальный приз образцовому в языковом отношении изданию, выхо-

дящему на французском языке, причем в конкурсе участвуют, как правило, и французские издательства других стран — Бельгии, Канады, Швейцарии. В 1968 году читатели были приглашены обсудить язык крупнейших еженедельных газет: нужно было внимательно прочесть газеты за первую неделю апреля и обнаружить ошибки в языке и стиле.

Большое значение журнал придает языку радио и телевидения, собирает и публикует наиболее частые ошибки; 27 января (день святого Иоанна Златоуста, то есть «Красноречивого») объявлено днем «без несчастных случаев в грамматике» у дикторов (№ 178, 179). Судьи — все слушатели. Результаты таких «соревнований» широко обсуждаются.

Журнал постоянно обращается к читателям с разного рода анкетами и заданиями (иногда очень забавными, чаще серьезными): какими возгласами и междометиями собирают домашних животных (№ 187, 192), как называются жители той или другой местности (№ 187), как в разных языках воспроизводится шум чиханья и что при этом произносится (№ 181), как в игре слов, остроумных пословицах и поговорках отражаются характерные черты темперамента и психологии той или иной нации (№ 192).

Читателей просят также объяснить какое-либо жаргонное выражение (например, из речи шоферов: № 184, 189) или привлекают к поиску французского выражения, которое могло бы заменить заимствованное английское «Welkome service» (нечто вроде «Службы гостеприимства»: № 184, 185) и т. п.

В постоянном разделе «Читатели нам пишут...» редакция публикует мнения читателей, спорит, отвечает на вопросы. Журнал постоянно печатает словарики, отдельные примеры правильного употребления слов и выражений (№ 178, 179, 180); объясняет значения французских фразеологизмов и употребление их разными авторами (№ 184).

Во французском правописании много нерешенных проблем. Существующая орфография вызывает споры, высказываются различные мнения о ее реформе (№ 178, 189).

Одна из постоянных тем журнала — французский язык за границей: в Канаде, Швейцарии, Бельгии, странах Африки и др., а также взаимодействие его с другими языками (№ 179, 181, 183, 185). Целый ряд статей (№ 185, 189, 192) посвящен борьбе с заимствованиями из английского языка и его американского варианта.

В журнале публикуются материалы и по другим языкам, например, заметка о значении русских слов *война* и *мир*, стоящих в заглавии романа Л. Н. Толстого, статьи об английском языке в заголовках газет (№ 185), о греческих патронимах (собственное имя, образованное от имени отца), о русских отчествах (№ 144), о словах с уменьшительными суффиксами в испанском и их переводе на французский (№ 178).

В журнале можно найти информацию о новых книгах по языкознанию и смежным наукам (часто просто в виде рекламы), рецензии, большей частью написанные остроумно и доходчиво, например, рецензия на «Структуральную грамматику французского языка» М. Жана Дюбуа (№ 181).

Журнал публикует рецензии и информации об издаваемых и переиздаваемых словарях разного рода: философских (№ 185), словарях арго преступников, моряков, актеров, студентов (№ 184), эротических словарях (№ 185); сообщает о выходе в свет интересного ежегодного издания словаря, регистрирующего изменения в языке и речи — «Le Nouveau Petit Larousse» (Новый Малый Ларусс), который в 1968 году включил 5000 новых слов и новых значений слов, новых выражений, а также новых собственных имен (№ 188).

В заключение стоит сказать о том, что журнал хорошо оформлен и иллюстрирован — статьи сопровождаются фотографиями и репродукциями с картин известных художников.

В. Н. ВИНОГРАДОВА

Москва

Факт

Москвич А. Е. Разумцев спрашивает, правомерны ли встречающиеся в газетах выражения: «Приведенные в статье (или сообщении) факты соответствуют действительности» и «Факты не подтвердились». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *факт* определено так: ‘действительное событие, явление’. Получается, что газета сообщила о «действительных событиях», но потом кто-то считает нужным подтвердить: эти «события» соответствуют действительности. Особенно возмущают читателя такие фразы: «Факты перебоев в обеспечении... признаны правильными». Речь идет о возмутительных явлениях, а они признаются «правильными».

Слово *факт* — давнее в русском языке. Оно возникло примерно во времена Пушкина как заимствование латинского factum ‘сделанное, происшедшее’ или польского fakt. Его значение в русском языке с самого начала было ‘(действительное) событие, происшествие, явление’. Об этом свидетельствуют попытки замены слова другими, не заимствованными, например, предлагались существительные *быль, случай, явление* и т. д. Слову *факт* как будто «на роду написано» вызывать негодование современников. На первых порах его считали ненужным, нелепым новообразованием: ведь в языке, казалось бы, имелись слова с подобным смыслом. Слово тем не менее сохранилось; более того, оно с удивительной быстротой распространилось в речи, особенно деловой, и в журналистике. В 40—60-е годы прошлого столетия его приводили как пример «ходячего» выражения «в речи и на письме», считали, что оно засоряет язык.

Очень быстро в слове произошли некоторые смысловые изменения. Оно все чаще стало означать не только ‘события, происшествия’, но и просто ‘данные, сведения, утверждения’. Между прочим, это учтено в «Толковом словаре» В. И. Даля, где слово определено так: «Факт, происшествие, случай, событие; дело, быль, быть; данное, на коем можно основываться». В таком виде по существу оно дошло и до нашего времени. Исходное значение — ‘событие, явление’, второе значение — то, что Даль назвал «данное».

Теперь понятны примеры из современной газетной речи, при-

веденные выше. В них *факт* употреблен во втором значении — 'сведения, данные'. При таком понимании слова (ведь сведения могут быть правильными и неточными), можно допустить, что факты проверяются. Следует только помнить, что *факт* означает не просто 'сообщение, утверждение', а 'данные, на чем-либо основанные'. Иное, слишком расширенное употребление слова неоправдано.

Что же сказать о стилистических достоинствах некоторых процитированных читателем отрывков? Нельзя не согласиться: это образцы канцелярски-усложненного языка, в некоторых случаях *факт* не к месту. Можно еще раз, как и сто лет назад, посетовать на чрезмерное пристрастие иных газетчиков и авторов к немолодому уже, но очень стойкому словечку *факт*.

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

Ми́сюсь или Мисю́сь?

«Все мы произносим: *Мисю́сь*. А логичнее, казалось бы, все же *Ми́сюсь*,— пишет нам Б. П. Захаров из Свердловска.— Как же следует произносить?».

Рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином» хорошо известен, а последняя его фраза приобрела характер крылатого выражения:

— Мисюсь, где ты?

Обычно это имя произносят: *Мисю́сь*. Если бы оно происходило от английского *ми́ссис*, русское ударение *Ми́сюсь* было бы единственным и бесспорным. Но происходит оно от английского *мисс*. В рассказе на это прямо указывается: «... ее в семье еще не считали взрослой и, как маленькую, называли Мисюсь, потому что в детстве она называла так мисс, свою гувернантку».

Маленькая девочка придумала слово *Мисюсь* по сходству с другими похожими именами. Русские имена, особенно в их сокращенных, ласкательных формах, часто оканчиваются на-*а*: Шура, Маша, Катюша. В звательных формах, в разговорной речи, они нередко теряют конечное -*а*:

— Катюш, а Катюш, пойди сюда!

Эту звательную форму ребенок постоянно слышит. Для Жени — героини чеховского рассказа — наверняка были привычны образования: мамуся, Лидуся, Маруся, Манюся, Натуся, Олюся, которые в звательных формах звучат: мамусь, Лидусь, Манюсь, Олюсь и т. д. Прозвание англичанки *мисс*, очевидно встало в один ряд с *мам*, *Лид*, *Мань*, и вполне естественно, что ласковое обращение к ней Жени должно было соответствовать привычной, усвоенной модели: если *мам* — *маму́сь*, *Лид* — *Лиду́сь*, то и *мисс* — *Мисю́сь*. Ударение в этом слове, конечно, на

последнем слоге, как и в словах *мамусь*, *Лидусь*. Иного ударения в таких именах нет.

В рассказе Чехова мы встречаем и суффиксальное образование, производное от имени *Мисюсь*: «— Мисюська, выйди,— сказала Лида...». Это слово образовано точно так же, как *Марýська, Лидýська, Колюська* (с фамильярным оттенком значения). В этом ряду ударение тоже только на суффиксе.

Таким образом, *Мисю́сь, Мисю́ська* образовано так же, как названные уменьшительно-ласкательные суффиксальные имена, а потому и ударение в этом имени на первом слоге невозможно.

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

Вожженный электрод

В экспериментальной технологии изготовления радиодеталей,— пишет читатель Л. А. Баранов из Ленинграда,— существует операция под названием *вжигание электродов, вжигание серебра*... В литературе, касающейся указанной технологии, неизменно употребляется форма *возжженный:* возжженные электроды, возжженное серебро. *Возжечь* означает 'зажечь', поэтому *возжженные электроды* — это 'зажженные электроды' и *возжженное серебро* — 'зажженное серебро'. Ни одно из этих понятий в данном случае не имеет смысла... *Вжигание* — 'действие, направленное к предмету, внутрь его'. Казалось бы, всем необходимым требованиям отвечает форма *вженный:* вженные электроды, вженное серебро.

Мне довелось лично беседовать с исследователями, которые в числе первых стали применять *возжженный* при описании технологии вжигания электродов. Эта форма была выбрана ими потому, что другой, «более подходящей», не нашлось в толковых словарях.

Автор письма, несомненно, прав, полагая, что форма *возжженный* в данном случае неудачна и что действие, направленное внутрь предмета, должно быть названо глаголом с приставкой *в-*: *вжечь*. Но как правильно образовать страдательное причастие прошедшего времени от глагола *вжечь*?

Предлагаемая форма *вженный* не соответствует фонетическим и словообразовательным закономерностям русского языка. Дело в том, что в страдательном причастии от глагола *вжечь* корень должен начинаться на долгое *ж* (жж): так же, как в *зажженный, прожженный, выжженный* и т. п. Простое присоединение приставки *в-* к данному корню невозможно, поскольку группа «согласный звук+*жж* (в данном случае *вжж*)» не соответствует законам сочетаемости согласных в русском языке.

Именно поэтому в страдательных причастиях от глаголов *обжечь, поджечь, разжечь, сжечь* (т. е. от тех глаголов, приставка которых оканчивается на согласный) между приставкой и корнем есть гласный *о*: *обожженный, подожженный, разожженный, сожженный*. По этому принципу должно быть образовано и страдательное причастие прошедшего времени от *вжечь*: *вожженный*. Именно эта форма (а не *вженный*) отвечает закономерностям русской фонетики и словообразования.

Таким образом, правильное решение вопроса сводится лишь к орфографическому изменению существующей формы: вместо *возжженный* надо писать *вожженный;* произносятся они одинаково — с долгим звуком *ж*.

И. С. УЛУХАНОВ

Лазер

Читательница А. Макарова из Выборга спрашивает: каково происхождение научного термина *лазер*?

Новая наука — квантовая радиотехника — создала два чудесных прибора. Названия этих приборов *мазер* и *лазер* широко известны. Оба термина представляют собой аббревиатуры, то есть слова, созданные по начальным буквам английских слов: мазер — microwave amplification by stimulated emission of radiation (усиление микроволн посредством индуцированного излучения); лазер — light amplication by stimulated emission of radiation (усиление световых волн посредством индуцированного излучения).

В. П. ДАНИЛЕНКО

Читательница Е. Зайцева из Ленинграда спрашивает, не следует ли наряду с формой женского рода *туфля* признать правильной форму мужского рода *туфель*, так как это слово широко распространено и встречается «не только в разговорной, но уже и в литературной» речи. Е. Зайцева просит также рассказать об истории этого слова.

В древнегреческом языке сандалии на пробковой подошве назывались pantofella. Слово это попало в латинский язык, а затем было взято его наследниками — романскими языками (испанское pantufla, итальянское pantófola, французское pantoufle). От них оно перешло в германские языки, где потеряло начальный слог (средненемецкое der Tuffel, голландское tuffel, датское tøffel), и в таком виде было заимствовано в XVIII веке русским языком из голландского или немецкого.

Первоначально заимствованное слово, как и в языке-источнике, употреблялось в мужском роде — *туфель*. Именно в такой форме оно приводится в словарях XVIII века. Во множественном числе *туфель* имело форму *туфли*, которая применялась в речи

значительно чаще, чем в единственном числе. По аналогии с такими существительными женского рода, как *сабля, капля, пуля, неделя* и другие (множественное число: *сабли, капли, пули, недели*), *туфли* стали соотносить не с формой мужского рода *туфель,* которую из-за редкого употребления в речи стали забывать, а с вновь образованной формой женского рода *туфля.* Этот процесс перехода слова мужского рода *туфель* в разряд женского рода *туфля* проходил постепенно. Словари XIX века отмечают как равноценные оба варианта: *туфель* и *туфля.* Так говорили в XIX веке, и подтверждение этому мы находим в произведениях Лескова, Достоевского, Чернышевского и других писателей.

С конца XIX века литературной нормой стала форма *туфля,* а *туфель* осталась за границами литературного языка, бытуя еще в разговорной речи и порой как ошибочное встречаясь в письменной.

Таким образом, форма мужского рода *туфель* не «входит» в литературную речь, как пишет Е. Зайцева, а «выходит», вернее, уже «вышла» из нее.

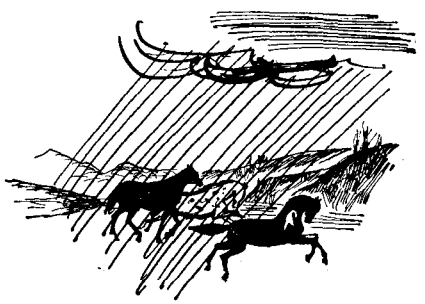
Подобное изменение произошло и со словом *кегля.* Оно пришло из немецкого в форме мужского рода — *кегель* (немецкое der Kegel), употреблялось обычно во множественном числе — *кегли* и стало существительным женского рода — *кегля,* изменившись по аналогии с такими словами как: *сабля, капля.*

Наконец, последнее замечание. Ударение в слове *туфля* во всех падежах падает на первый слог, произношение его с иным ударением — речевая ошибка.

Н. В. СОЛОВЬЕВ

Краёв

М. В. Ильенкова — учительница из Минска — пишет нам: «Читая сообщение о погоде в вечернем выпуске последних известий, диктор радио сказал: «В Алтайском и на юге Красноярского *краёв* пройдут дожди». Очевидно, здесь допущена ошибка. Можно ли употреблять форму родительного падежа множественного числа краёв при определениях, стоящих в разных падежах?». Действительно, фраза составлена неверно. Общее определяемое слово может быть употреблено только при однородных определениях. Например: «В Алтайском и Красноярском краях» или «На юге Алтайского и Красноярского краёв».



В данном случае надо было сказать: «В Алтайском крае и на юге Красноярского пройдут дожди».

Б. З. БУКЧИНА

Райх и рейх

Это два варианта одного и того же слова (немецкое Reich), обозначающего германскую империю. Наших читателей интересует, почему наряду с очень распространенной, официально принятой в современном русском языке формой *рейх* существует *райх*?

Например, в фильме «Капитан из Кёльна» (производство ГДР, дублирован на киностудии «Союзмультфильм») артисты произносят *райх, солдаты райха.* «А в то же время,— пишут нам читатели,— в печати и по радио мы привыкли читать и слышать слово *рейх.* Как же нужно правильно говорить?».

Существующая передача немецкого дифтонга [ai] в заимствованнных из немецкого языка словах как [ей] сложилась исторически. В то время, когда в русский язык стали проникать немецкие слова (активно этот процесс начался со времен Петра I), в самой Германии не было единых произносительных норм. Русская передача дифтонга [ai] сложилась как транслитерация (побуквенная передача): немецкое *ei* передавалось через русское *ей.* Лишь в последней четверти XIX века в Германии началось движение за единство немецкого литературного языка на основе сценического произношения, и тогда нормой стало единое произношение дифтонга *ei* как [ai].

Следовательно, с точки зрения современного немецкого литературного языка, правильно было бы произносить *райх, райхстаг, райсфедер, райсшина* и т. д. Но, как видим, современный русский язык продолжает сложившуюся в прошлые века традицию и по-прежнему передает побуквенно немецкие слова с дифтонгом [ai]. Например, в газетах читаем: «Возврата к рейху нет и никогда не будет» («Известия», 13 июля 1968). Такое же написание этого слова предлагает «Краткий словарь иностранных слов» (составитель С. М. Локшина. М., 1966).

В тех случаях, когда немецкое слово с дифтонгом [ai], в частности Reich, хотят передать в его живом современном звучании, произносят через [ай]. Доказательством тому является приведенный вначале пример дубляжа немецкого фильма «Капитан из Кёльна».

В настоящее время лингвисты не пришли еще к единому мнению относительно того, что избрать произносительной нормой в русском языке для немецких слов с дифтонгами и, в частности, с дифтонгом [ai].

Райх или *рейх* — это лишь частный случай большой проблемы. На страницах сборника «Вопросы культуры речи» (М., VI, 1965; VII, 1966) обсуждался вопрос о передаче в русском языке немецких дифтонгов *eu, ei, au.* Речь шла о таких словах, как: Гейне, Кайзер, Дейчланд, Фрейндфашт, Лаутензак и т. п. Однако эта проблема остается спорной до сих пор.

Н. А. КНЯЗЕВА

Читатели о русском языке и „Русской речи“

Я выписываю и читаю журнал «Русская речь» с начала его издания. Мне он нравится. Нравится потому, что прививает любовь к русской речи, борется за литературный язык против всякого рода неправильностей в произношении, словоупотреблении.

П. А. ЧЕГОДАРЬ
Зерноград Ростовской области

Я второй год подписываюсь на журнал «Русская речь». С большим удовольствием, с карандашом в руке прочитываю его, как говорят, «от корочки до корочки». Издание этого журнала считаю очень полезным делом.

М. Н. АНТИПОВ
Киев

Журнал необходим каждому учителю, в особенности преподавателям русского языка. Он нужен каждому человеку, которому приходится выступать на собраниях, перед аудиторией и даже просто беседовать с людьми на русском языке.

А. Я. МЕЩЕРЯКОВ
с. Георгиевка Джамбульской области

На мой взгляд, журнал «Русская речь» очень полезный. Я покупаю его или беру в библиотеке, всегда с большим интересом читаю что-то новое о русском языке и узнаю то, чего не знаю. В одном из номеров очень хорошо сказано о слове **класть** вместо **ложить**. У нас на работе по этому поводу много спорили, пока не прочли статью в журнале. Но все равно с трудом отвыкают от слова **ложить**.

Н. Г. УТКИНА
Смоленск

Хотя чтение некоторых страниц «Русской речи» приносит огорчения (чего стоит только **заводской**!), тем не менее журнал привлекает к себе большой интеллигентностью, благородным академизмом.

Б. П. ЗАХАРОВ
Свердловск

В передачах по радио редакция «В мире слов» не раз рекомендовала «Русскую речь» как журнал научно-популярный, предназначенный для широкого круга читателей. Но так ли это? Не для одних ли филологов он издается? Ведь людям, не имеющим специального образования, многое на страницах «Русской речи» остается совершенно непонятным (в лучшем случае — малопонятным).

Я. М. ГОВОРУХО
Кострома

В грамматиках рекомендуются сочетания черный кофе, холодный кофе и т. д. Но мне кажется, что было бы лучше употреблять это слово в среднем роде, так же как какао, кашне и др.

В. А. КОЛОМЕНСКИЙ
г. Ташауз

Получив № 1 за 1968 год Вашего журнала, убедился, что не зря подписался на него. Прочел от доски до доски, все понравилось...

Может быть, кому-нибудь пригодится: в Лотошинском районе (в отдельных селах) говорят **стопиночка** вместо **тропинка.** Такое чудесное, милое слово!

В. Л. КРОВАТКИН
Лотошино Московской области

С журналом «Русская речь» я ознакомился только в 1967 году. Надо приветствовать выход его в свет с руководящей мыслью: «Не любить родную речь нельзя, знать и чувствовать ее необходимо» («Русская речь», 1967, № 1).

Любой материал в журнале за 1967 год интересен с той или иной точки зрения, но после ознакомления с ним нет ощущения завершенности какого-то этапа, чувствуешь себя растерянным из-за указаний на сплошные недостатки русского языка.

В. ЧЕПЛЕВСКИЙ
Москва

Очень полезен раздел журнала «Русская речь» под названием «Краткий словарь произношения и ударения». Но, к сожалению, им пользуется очень узкий круг читателей «Русской речи».

Д. П. ЛИСИЦЫН
Москва

Как работнику печати мне хотелось бы чаще видеть в «Русской речи» разбор (орфографический, стилистический, смысловой и т. д.) языка городских газет, подробнейший анализ отдельных материалов, потому что именно газеты формируют (в значительной степени) речь горожан.

Н. Н. ИВАЩИН
Стерлитамак

За орфографические ошибки можно взыскивать официальным порядком, не только поучая и высмеивая. А вопросы синтаксиса, пунктуации, стилистики и произношения решать подобным образом нельзя. Вот тут-то и необходим ваш журнал. Но только нужно сделать его обязательным для всех библиотек, в том числе и учрежденческих, профсоюзных. Сейчас журнал «Русская речь» «оторван от масс», его мало рекламируют и пропагандируют.

Е. Н. РОГОВСКИЙ
Москва

Посылаю вам вырезку — небольшую статейку «Хлебодар за книгой» из областной газеты «Комсомолец Донбасса» (8 мая 1968).

Родился и немало прожил я в среде крестьянской, но, признаюсь, такого слова **хлебодар** не слышал. Что же означает это слово? Конечно, если говорится о хлебе и в контексте о колхознике, то легко понять, что речь идет о земледельце. Автор считает, что слова **хлебодар и земледелец** — синонимы, потому и употребил первое в значении второго. А правомерно ли это? Есть ли тут синонимичность?

В Толковом словаре В. И. Даля слово **хлебодар** есть. Но знаменитый лексикограф не имел в виду крестьянина, земледельца. Слово объясняется и обосновывается там в таком употреблении: «Монастырский хлебодар, раздаватель печёного хлеба братии», «Хлеб — божий

дар», «Хлебодавец бог», «Хлебодарный ныне год». В словах этих выражений составная часть **дар** уместна, семантически оправдана, закономерна. Монастырской братии дают бесплатно не только печёный хлеб, но и многое другое. Потому-то раздаватель хлеба у них называется **хлебодар**. Колхоз не монастырь, а советские люди, потребители хлеба, не монашеская братия, даровым хлебом не пользуются. В старину суеверные люди хлеб считали божьим даром. И тут в отношении бога применимо слово **хлебодар**. Сейчас хорошо известно, что человеку хлеб дарит природа, а не мифический бог. Что касается оборота **хлебодарный год**, то если мы и нынче его употребим, ошибки не будет, хотя в обиходе у нас принято говорить и писать: **урожайный год.**

Хорошо, когда говорящий и пишущий стремится разнообразить свою речь, уходит от шаблона, избегает банальных оборотов. Но нет ничего хорошего, когда это получается невпопад, ради языковой вычурности.

Д. Д. ДОВЕРОВ
Красноармейск

Я очень полюбила ваш журнал, всегда жду встречи с ним как праздника.

Очень хорошо, что в нем отведено место для педагогических раздумий.

ШУМСКАЯ

Мне случайно попался номер Вашего журнала, и как инженер-кораблестроитель я благодарен журналу за защиту **корабелов** от нападок («Русская речь», 1967, № 6).

Б. С. НЕМИРОВ
Николаев

В. М. Цветков выражает недовольство заменой слова **вагоновожатый** на **водитель**. Я был такого же мнения, но, увидев однажды объявление: «Открыт прием на курсы водителей трамвая и троллейбуса»,— решил, что такая замена целесообразна.

Л. С. ДАНОВСКИЙ
Ленинград